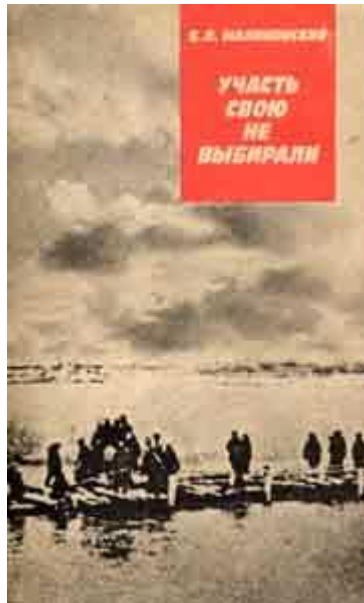

"Участь свою не выбирали"

Борис Малиновский

К: Изд-во "Украина", 1991. -255с. ISBN 5-319-00682-9

© Б.Н.Малиновский, 1991

Об авторе и его книге

Читатели достаточно знакомы с литературой на военную тему. В последнее время появилось много мемуарных произведений, посвященных истории Великой Отечественной войны. Поначалу такие книги рассказывали о действиях фронтов, армий, частей, о работе Ставки Верховного Главнокомандования, Генерального штаба Советской Армии. Их авторами были крупнейшие советские военачальники, маршалы и генералы, командующие фронтами и армиями. Главный упор в этих воспоминаниях делался на освещение того, как разрабатывались и осуществлялись важнейшие операции, которые привели к разгрому гитлеровской Германии. Но с течением времени появились книги о том, как жили там, на фронте, и что думали главные творцы победы - солдаты. К таким, к сожалению весьма немногим, принадлежит и книга бывшего сержанта-артиллериста Бориса Малиновского, овладевшего на протяжении войны мастерством бить врага и закончившего свой боевой путь командиром батареи.

С Борисом Малиновским я был вместе в первые месяцы войны. Тогда не мог и подумать, что скромный сержант станет известным ученым в области вычислительной техники - членом-корреспондентом АН УССР, доктором технических наук, профессором. Нас разлучило тяжелое ранение, которое сержант Малиновский получил под Калинином. В тот день я не был рядом, но по дошедшим до меня слухам знал: исключалась всякая надежда, что медики вернут его к жизни.

Впрочем, я не стал бы говорить об этой книге, если бы ее ценность состояла лишь в том, что мой армейский друг по счастливой случайности остался в живых и мне представилась возможность, прочитав рукопись, расширить сведения о его последующей биографии. Как раз о себе Борис Малиновский говорит не очень много. И хотя в книге рассказ ведется от первого лица, автор в ней далеко не "первое лицо". Нет, первое лицо - это те простые люди на фронте и в тылу, которые скромно, без лишних слов совершали солдатский и народный подвиг в годы Великой Отечественной войны.

Книга не лишена и художественных достоинств. Большинство солдат, сержантов и офицеров, реально окружавших Малиновского,- это не безликая масса, поименованная лишь по чинам и фамилиям. У каждого свой характер и внешность, свой язык и образ мыслей. Приведенные в книге письма, бесхитростные рассказы фронтовиков и другие документы тех лет потрясают до глубины души. Ведь читатель всегда остро реагирует на правду; вымысел бывает занимательным, а по-настоящему волновать может только правда. Такой волнующей правдой и наполнена эта книга.

Отдаю должное Борису Малиновскому: его книга "Участь свою не выбирали" как бы выплеснута из души и трогает читателя неподдельной искренностью.

Путь молодых солдат и командиров в книге - это путь тяжелого ратного труда, граничащего с подвигом, сопряженного с преодолением страха, требующий больших усилий воли. Он несет свой определенный заряд и в сегодняшний день, и в будущее. Хочется надеяться, что эта книга, в которой без прикрас рассказано о подвиге молодого поколения в годы Великой Отечественной войны, умножит ряды молодежи, решившей связать свою участь с делом перестройки нашего общества.

Николай ГОРОДИСКИЙ,
ветеран Великой Отечественной войны,
член Союза писателей СССР
5 марта 1990 г.

От автора

Прошло полвека со дня нападения фашистской Германии на нашу страну. Все меньше остается свидетелей военной страды - бывших фронтовиков и тружеников тыла. А с ними безвозвратно исчезает многое из того, что могло бы дополнить историю войны.

Вместе с тем, чем дальше в глубь времен уходит Великая Отечественная, тем больше открывается правды о фактах, которые преступно скрывались или искажались в годы культа личности.

Может быть, то, что я видел и пережил, что мне известно о погибших и здравствующих однополчанах - моих сверстниках,- добавит хотя бы несколько штрихов к трагической биографии поколения двадцатилетних, большая часть которого навеки замолчала в годы войны и сейчас безмолвно смотрит на нас с памятников на бесчисленных братских могилах...

Рассказанное мною - это лишь небольшая и далеко не самая трагическая страница еще не законченной всенародной книги "Никто не забыт и ничто не забыто".

Мой солдатский путь в военные годы прошел через украинскую Хатынь - сожженное вместе с тысячами безвинно расстрелянных гитлеровцами жителей местечко Корюковка на Черниговщине, через город Щорс, где фашисты зверски казнили юную патриотку-школьницу Нину Сагайдак. Памятными вехами остались на земле России, Украины, Белоруссии и Латвии многие могилы моих погибших однополчан...

Меня тревожит то, что в настоящее время злодеяния фашизма, воспринимаемые сквозь призму преступлений сталинщины, представляются молодежи не такими бесчеловечными, какими были на самом деле. Допустить реабилитацию фашизма - значит предать самое святое - память о солдатах, оставшихся на полях сражений, о замученных в гитлеровских лагерях пленных, о расстрелянных фашистами и их пособниками жителях оккупированных городов и сел.

9 мая 1945 года мне подумалось: "Кончилась последняя война человечества". Но вскоре я понял, что это далеко не так. Возникла угроза уничтожения человечества ядерным оружием. Полвека она изматывала нашу страну и весь мир. И лишь сегодня, в годы грандиозных перемен, возникает надежда, что народы сумеют выбрать свою участь с позиций разума и на всем земном шаре война останется лишь в книгах и кинофильмах. С такой надеждой я и писал эту книгу.

*Моим сверстникам, большинство которых,
сделав все для Победы, не вернулось с полей сражений
Великой Отечественной войны,
посвящаю*

Начало пути

- А вы, молодой человек, счастливый! - сказал мне пожилой медик, изрядно помучив при перевязке. В медсанбат меня привезли после ранения, которое я получил в один из последних дней битвы под Москвой. Осколок снаряда прошел рядом с сонной артерией, чудом не повредив ее. Мне тогда было не очень ясно, почему эта артерия так важна для человека, но слова врача о том, что я был на волосок от смерти, отпечатались в памяти.

Когда началась война, я, понимая всю необычность наступившего времени, решил записывать увиденные события. Даже дневник завел и стал вносить в него все, что пережил, начиная с 22 июня. Однако моим благим намерениям не суждено было сбыться... Мой товарищ, сержант Парахонский, старший по возрасту и испытавший на себе тревоги 1937 года, увидев, что я веду дневник, без моего разрешения уничтожил его - вести дневники на фронте запрещалось. Думаю, сделал он это из самых хороших побуждений, заботясь обо мне, тогда неопытном и слишком доверчивом. И все-таки жаль, что не сохранились эти, возможно наивные, но написанные по горячим следам страницы. Они были бы

намного дороже тех, которые пришлось восстанавливать по памяти много лет спустя...

Вспоминая сейчас все, что пришлось пережить на фронте, думаю, что мне, действительно, часто везло. Иначе не оказался бы в числе тех немногих, которые, попав на фронт двадцатилетними и пройдя трудными дорогами войны до омытой слезами Победы, все-таки остались живы...

В армию я был призван в октябре 1939 года, проучившись два месяца на первом курсе Ленинградского горного института. Начал службу в 40-м запасном артиллерийском полку. Спустя три месяца для бойцов, имевших среднее образование, создали полковую школу младших командиров.

Служил я с великим старанием и вскоре стал отличником боевой и политической подготовки. Правда, не все получалось сразу. Труднее всего нам давалась наука командовать. Кажется, так просто - приказать своим товарищам: "Отделение, становись! Равняйся! Смирно!" Но у меня, да и у других курсантов, вначале из горла вылетали лишь жалкие подобию строевых команд.

Не обошлось и без курьезов. Впервые в карауле стоял темной осенней ночью, охраняя ворота гарнизонного склада. В конце дежурства на дорогу, ведущую к складу, выехал трактор. Когда он стал приближаться, я закричал:

- Стой!

Тракторист, не слыша моего голоса, продолжал ехать. Тогда я заорал во все горло:

- Стой! Стрелять буду! - И почувствовал, что сорвал голос.

А трактор ревел уже совсем близко. Наконец водитель разглядел меня и остановил машину. К этому времени я уже успел зарядить винтовку, нацелил ствол на окно кабины и, дрожа от напряжения, был готов выстрелить, если трактор не остановится...

Тракторист выскочил из кабины. Срывающимся голосом я скомандовал:

- Руки вверх!

Потом нажал на кнопку звонка для вызова начальника караула. Тот прибежал, проверил документы "нарушителя", выругал его и отпустил.

- Ты зарядил винтовку? - спросил меня начальник.

- Да!

- Разряди!

Я осторожно открыл затвор, но патрона в темноте не заметил. Мне показалось, что он упал на землю. Минут десять мы оба ощупывали руками замерзшую, уже припорошенную первым снегом землю, пока начальник караула не догадался проверить, сколько патронов осталось в магазине. Оказалось, что все пять были на месте. Второпях я не до конца отвел затвор, патрон не пошел в патронник и остался в магазине. На радостях (а за потерянный патрон тогда строго наказывали) начальник караула не стал меня ругать, только смачно сплюнул и ушел.

После окончания полковой школы мне присвоили звание младшего сержанта и перевели в 108-й гаубичный артиллерийский полк. Это был кадровый полк Красной Армии, вооруженный мощными 203-миллиметровыми гаубицами. Начало истории этой части положил тяжелый артиллерийский дивизион, который

был сформирован 8 июля 1920 года в составе 48-й стрелковой дивизии Второй Конной армии. Бойцы дивизиона отличились в годы гражданской войны, и дивизион был преобразован в полк, а за отличные показатели в боевой и политической подготовке приказом Реввоенсовета в 1923 году был удостоен звания "Образцовый". В то время в Красной Армии только три части имели это высокое звание.

Первым командиром полка был будущий герой национально-революционной войны испанского народа, кавалер трех орденов Красного Знамени В.И.Димитров, болгарин по национальности. Долгое время полком командовал Н.М.Хлебников, бывший начальник артиллерии Чапаевской дивизии.

В сентябре 1939 года полк принял участие в освободительном походе советских войск в Западную Белоруссию, а с ноября 1939 года в составе частей 56-го стрелкового корпуса 23-й армии участвовал в боях против белофиннов.

Я попал в этот полк, когда он возвратился под Ленинград. Здесь я прошел хорошую школу сержанта-артиллериста. Особенно нравились занятия по подготовке данных для открытия огня и по управлению огнем артиллерийской батареи. Эту сложную науку я одолел быстро и гордился тем, что во время занятий на полигоне мог быстрее всех младших командиров подготовить данные, безошибочно вел пристрелку и стрельбу на поражение. Выполнение таких задач не входило в обязанности младших командиров, однако это, вероятно, делалось с той целью, чтобы подготовить в будущем из нас младших лейтенантов. Последние месяцы в полку упорно говорили, что тех, кто имеет среднее образование, вместо демобилизации пошлют на курсы подготовки командного состава. Мне же очень хотелось вернуться в институт, и эти слухи, а они не были беспочвенными, очень тревожили меня.

Хотя наша страна и подписала с гитлеровской Германией договор о ненападении, чувствовалось нарастание военной опасности. "Странная война" на Западе кончилась разгромом Франции. Почти вся Европа оказалась под сапогом фашистских оккупантов. К нам в полк за последние месяцы пришло большое пополнение из числа "приписников". Это было похоже на негласную мобилизацию.

Новый нарком обороны Маршал Советского Союза С.К.Тимошенко требовал максимального приближения военных занятий к боевой обстановке. Увеличилось количество боевых стрельб, росли масштабы учений. Мы выезжали в лагеря и тренировались вести артиллерийский огонь в суровые морозы, чего раньше не практиковали. "Делать все так, как в бою" - стало основным лозунгом армии. Все это невольно заставляло задуматься... Отправляя домой фотографию, на которой были сняты все сержанты нашей батареи во главе со старшиной, я написал на обороте: "Сержант Малиновский - будущий участник боев и войн". Не думалось тогда, что эти слова окажутся пророческими!

Роковое воскресенье

Субботним вечером 21 июня 1941 года я получил увольнительную на целые сутки и пригородным поездом выехал из военного городка, где стоял наш 108-й гаубичный артиллерийский полк, в Ленинград.

В воскресенье туда должна была приехать сестра моего отца - Павла Васильевна, или просто Паля, как звал я ее в детстве. Об этом мне сообщили родители, жившие в Иванове.

На Суворовском проспекте в Ленинграде, в старом трехэтажном доме, жила дочь Пали, Зоя. К ней я и поехал. Она встретила меня, как всегда, очень тепло и радушно. Но было уже поздно, а ей надо было встать пораньше, чтобы навестить мужа, призванного в армию месяц назад. Обменявшись наскоро новостями, мы легли спать.

ИЗ СВОДКИ ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ ЗА 22.VI.1941 ГОДА

С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря и в течение первой половины дня сдерживались ими. Во второй половине дня германские войска встретились с передовыми частями полевых войск Красной Армии...

Утром 22 июня я поехал на вокзал к поезду и долго искал Палю, но, не найдя ее, вернулся обратно. А между тем Паля была уже дома, видно, где-то я с ней разминулся. Обсудив ивановские новости, мы отправились посмотреть Ленинград. Было часов десять утра. Город жил обычной жизнью. День выдался солнечный. Мы вышли на Невский проспект, заполненный людьми и машинами. Постояли на Аничковом мосту, любуясь красотой зданий и скульптур, освещенных ярким солнечным светом.

Я рассказал Пале, как принимал участие в Первомайском параде. Полк тогда выехал в Ленинград за неделю до праздника. Несколько ночей шли тренировки на Дворцовой площади перед Зимним. Первого мая, в прекрасный солнечный день, состоялся большой парад, каких раньше не видали в Ленинграде: необычно много техники, парашютно-десантные войска, тяжелая артиллерия... Мы ехали в автомашинах, за нами тягачи тащили мощные гаубицы. Восторженное настроение, пришедшее с первыми минутами парада, не оставляло меня весь день.

А теперь мне было радостно и весело от встречи с Палей. И я и она не придали значения звучащим из уличных репродукторов словам о правилах поведения во время воздушной тревоги. Бывая в Ленинграде раньше, я не раз слышал такие передачи и считал это естественным: ведь Ленинград - приграничный город...

Увидев по дороге домой фотоателье, мы сфотографировались. Было около 12 часов дня. Радость встречи наложила отпечаток на наши лица - они были веселыми и беззаботными. Такими и запечатлела их фотография...

Паля устала от ходьбы и дома сразу прилегла отдохнуть, а я расположился у окна и стал читать "Хромого барина" А.Н. Толстого. Около двух часов в коридоре раздался сильный шум. Паля проснулась и вышла из комнаты. Вернувшись, сказала, бледнея прямо на глазах:

- Боря, война! Дворник обходит квартиры. Говорит, чтобы запасли песок - тушить пожары от зажигательных бомб.

"Мне же надо быть в части!" - молнией пронеслось у меня в голове.

Я вскочил, сунул книгу на полку и сказал Пале, что должен ехать в полк. Она пыталась уговорить меня поесть. Но до еды ли было? Пулей выскочил на улицу. Паля побежала за мной. На улице немного успокоился, - там все было по-прежнему. Садясь в трамвай, на всякий случай попросил Палю:

- Если все это выдумка дворника, не пиши домой, что я убежал от тебя...

По дороге на вокзал смотрел на ленинградские улицы, пытаюсь отыскать на них признаки начавшейся войны. Лишь перед самым вокзалом навстречу провезли зенитную пушку.

Я купил билет и сел в поезд, - все, как обычно. В вагоне моим соседом оказался майор. Как только тронулся поезд, он достал отпечатанные на машинке страницы и начал их просматривать. Мне стало видно написанное. Это был текст выступления по радио Вячеслава Михайловича Молотова о вероломном нападении гитлеровских войск на нашу страну. Значит, война действительно началась!

Мысли мои перескакивали без всякого порядка с одной на другую: "Очевидно, командование полка ничего не знало о возможном нападении - иначе меня не отпустили бы в Ленинград, да еще на субботу и воскресенье! Не попадет ли мне за то, что так поздно возвращаюсь в часть? Куда направят наш полк?"

Сойдя с поезда, сразу же увидел знакомого командира отделения. Все еще находясь под впечатлением спокойствия, царившего на ленинградских улицах, спросил его:

- Ты знаешь, что началась война?!

- С пяти часов утра, - ответил он. - По боевой тревоге полк выехал в лес, - и показал, куда идти.

Я побежал в военный городок, в свою казарму, но никого там не нашел. Койки, тумбочки, столы - все было в беспорядке.

В лесу, километрах в пяти от военного городка, встретил политрука дивизиона Суханова. Доложил, что прибыл из увольнения, объяснил причину опоздания. Но ему было не до замечаний.

В дивизионе кипела работа. Полк готовился к погрузке в железнодорожные эшелоны. Небольшая часть бойцов и командиров должна была остаться в городке, чтобы принять пополнение и сформировать новый полк. Происходил раздел имущества и людей. Мои бойцы уже были на станции, где строилась эстакада для погрузки орудий.

Всю ночь и весь следующий день мы грузили гаубицы, трактора, автомашины и ящики со снарядами на железнодорожные платформы. Меня назначили командиром отделения разведки взвода управления дивизиона вместо сержанта, переведенного во вновь формируемую часть. Всем уезжавшим выдали "медальоны" - жестяные плоские коробочки со вложенным в них листочком пергаментной бумаги. На моем было написано: "Малиновский Борис Николаевич, 1921 года рождения. Иваново, 1 Приречная, 19. Отец - Малиновский Николай Васильевич. Мать - Малиновская Любовь Николаевна".

Когда эшелон был готов к отправке, нас пришел проводить начальник гарнизона, пожилой полковник, участник гражданской войны, с орденами на груди. Он обнял командира полка и крепко поцеловал его. Мне было видно, как по лицу полковника текли слезы.

Эшелон тронулся.

Настроение у всех было приподнятое. В глубине души многие из нас мечтали совершить что-то необычное, героическое, еще не понимая, что подвиг приходит не сам собой, а дорогой воспитания стойкости, мужества, умения воевать... Каждый из нас понимал, что война принесет много горя и бед. Однако столько еще было в нас мальчишеского оптимизма, веры в близкую победу, в исключительность своей судьбы, где все задуманное обязательно должно сбываться!

Лично для меня отправка на фронт означала, что я уже не попаду на курсы младших лейтенантов. То, что мне из-за войны предстояло оставаться в армии еще какое-то время, не беспокоило: это воспринималось, как святой долг. Главное - что мечта об институте оставалась, просто теперь это отодвигалось на какой-то неизвестный срок...

В теплушке загремела песня. Ее завел замполит Степаненко, бессменный запевала нашей батареи...

...Если завтра война, всколыхнется страна
От Кронштадта до Владивостока.
Всколыхнется страна, велика и сильна,
И врага разобьем мы жестоко!

Бойцы дружно подхватывали припев.

Урок "храбрецам"

Через сутки наш полк выгрузился севернее Выборга и после ночного марша занял боевой порядок на границе с Финляндией, которая тоже объявила нашей стране войну. Был получен приказ поддерживать пограничников и пресекать любые попытки нарушения границы, ставшей отныне линией фронта.

Командир нашего дивизиона, капитан Евгений Леонтьевич Кудряшов, устроил наблюдательный пункт на скалистой высотке, заросшей редким и невысоким сосновым лесом. Наблюдательные пункты батарей выдвинулись вперед - к самой границе. На склоне нашей высотки, обращенной к поляне, находился недостроенный дот. Он был пуст, а вход в него закрыт. На самом верху сопки, под деревом, ставшим нашим наблюдательным пунктом, мы выкопали в каменистом грунте маленькие окопчики. А на склоне, обращенном к границе, вырыли окоп для разведчика с ручным пулеметом.

Я залез на дерево, поудобнее устроился на раскидистых ветвях и стал рассматривать в бинокль раскинувшуюся впереди местность, сличая ее с картой. Сначала все сливалось в бесформенную зеленую массу, покрытую дрожащим летним маревом. Но постепенно линия границы начала проявляться. Хорошо просматривались две сопки, отмеченные на карте и расположенные вблизи

границы. Наполненный ожиданием чего-то необычного, я до боли в глазах всматривался в то место, пытаюсь заметить какое-либо движение. Но ничто не нарушало лесного покоя.

Ни я, ни разведчики, сменившие меня, не обнаружили никаких целей. Тишина стояла и ночью. Какой же это фронт?!

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Из вечернего сообщения 29 июня 1941 года

29 июня финско-немецкие войска перешли в наступление по всему фронту от Баренцова моря до Финского залива, стремясь прорвать наши укрепления по линии госграницы. Неоднократные атаки финско-немецких войск были отбиты нашими войсками. В результате боев за день противник, оставив в целом ряде пунктов сотни убитых и преследуемый огнем нашей артиллерии, отошел к своим укреплениям.

Дни стояли жаркие, солнечные. Наше отделение разведки из пяти человек так и оставалось на наблюдательном пункте. Остальная часть взвода управления располагалась в районе огневых позиций, километрах в пятнадцати.

На четвертый день, успокоенные тишиной и разморенные от жары, бойцы собрались у окопчиков послушать рассказы пришедшего к нам помкомвзвода, который участвовал в боях с белофиннами и был награжден медалью "За отвагу". Командир дивизиона ушел на наблюдательный пункт одной из батарей. Мы стояли группой, изредка окидывая взглядом белевший за стволами деревьев двухэтажный дом пограничной заставы. Вдруг помкомвзвода упал ничком, хотя, как нам казалось, оснований для этого не было: негромкие разрывы в районе заставы и долетавшие со стороны границы звуки далеких минометных выстрелов не произвели на нас никакого впечатления. Увидев распростертого у наших ног помкомвзвода, только что рассказывавшего о своем боевом прошлом, бойцы, как по команде, громко расхохотались. А он, стыдливо улыбаясь, стал подниматься с земли. Вдруг страшный свист и грохот взорвавшейся рядом мины уложил всех на землю. Но лишь кончили шипеть осколки, как все сразу же вскочили на ноги. Вспоминая наши судорожные броски на землю, мы показывали руками друг на друга, давясь от смеха: оказывается, и сами не такие уж храбрецы!

Война с ее кровью и смертями тогда еще не воспринималась нашим сознанием, а отсутствие опыта мешало понять всю опасность происходившего. Однако долго ждать не пришлось. Кругом стали рваться мины. Мы снова распростерлись на земле. Кое-кто бросился в окопчики, но они оказались так малы... Жуткий вой летящих мин, их оглушительные разрывы, ливень свистящих и шипящих осколков и выброшенных взрывами камней, молотивших по деревьям и всему вокруг, заставляли неистово вжиматься в землю. Мое тело словно отделилось от сознания и действовало без его подсказки, инстинктивно вздрагивая и сжимаясь при каждом разрыве, свисте, ударе. Казалось, этот жуткий обстрел никогда не кончится... Наконец настала тишина, нарушаемая лишь

шуршащими звуками падавших на землю осколков. На смену взрывам и вою пришел острый запах горевшего тола и земляной пыли.

Теперь уж всем нам стало не до смеха. Оглядевшись, я увидел свободный окопчик и кое-как втиснулся в него. Мелькнула мысль: "У подножья высоты, где было особенно много разрывов, дежурил с ручным пулеметом разведчик Кольцов. Что с ним?" Не раздумывая, вскочил и побежал вниз. Оглушительный разрыв взметнул землю совсем рядом, когда я свалился на голову разведчика. На мое счастье, его окоп оказался поглубже и места хватило обоим.

Обстрел временно прекратился. Финны перенесли огонь на пограничников, и теперь сильная автоматная и минометная стрельба, разрывы мин раздавались впереди нас, где проходила граница. А по нашей высоте стелился едкий дым с резким противным запахом.

Одна из наших батарей открыла огонь. Стокилограммовые снаряды 203-миллиметровых гаубиц с шипением пронеслись над нами и разорвались где-то в районе перестрелки. К ней присоединилась вторая, третья. Вражеские минометы замолчали.

Пользуясь перерывом в обстреле, я перебежал обратно и забрался на НП. То, что увидел там, было совсем не похоже на привычную для моих глаз картину. Лес в районе границы затянуло сизовато-серым дымом. Бурые фонтаны из земли и камней, выбрасываемых при взрывах снарядов наших гаубиц, то и дело поднимались над приграничной сопкой, откуда финны вели автоматный и минометный огонь. Дом заставы горел. Выросшее над ним большое облако желтого цвета быстро двигалось в нашу сторону. "Может, финны применили отравляющие вещества?" - подумал я и, спустившись вниз, приказал проверить и приготовить противогазы. Все напряженно ждали, что будет дальше. Бойцы зарядили винтовки, а я вытащил наган и держал его в руке...

Постепенно стрельба стихла. Облако над заставой превратилось в редкий, стелющийся по земле дым. А мы еще ждали, что вот-вот обстрел начнется снова. Внутреннее нервное напряжение, возникшее с первых минут обстрела, не проходило. Не выпуская нагана из руки, я настороженно обошел высоту и вернулся на НП. Пока меня не было, бойцы одной из батарей принесли убитого связиста-красноармейца Сузи, финна по национальности, лучшего лыжника дивизиона. На опаленное взрывом и израненное осколками лицо бойца было страшно смотреть. Задержись я на секунду, когда бежал к разведчику, и мой благой, но неразумный порыв закончился бы тем же.

За ночь на склоне высоты построили блиндаж и утром, вконец обессиленные, забрались в него, оставив на НП разведчика и связиста.

Шел девятый день войны. На Западном фронте немецко-фашистские войска, захватив Минск, продолжали стремительное наступление. Однако мы об этом тогда еще не знали.

Последняя встреча

В конце июля полк сняли с обжитого и относительно спокойного участка Северного фронта и перебросили к старой границе с буржуазной Эстонией. Не доезжая нескольких километров до Нарвы, наши эшелоны выгрузились, и

дивизионы маршем двинулись на запад. По дороге обогнали несколько подразделений народного ополчения.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Из вечернего сообщения 2 августа 1941 года

В течение 2 августа наши войска вели бои с противником на Порховском, Смоленском, Коростенском, Белоцерковском направлениях и на Эстонском участке фронта.

На остальных участках фронта происходили бои местного значения.

Судя по сводкам, уже почти вся Прибалтика была занята фашистами. Может, наш полк перебрасывали для наступления? Что-то не похоже. Кроме нас к фронту двигалось несколько батальонов ополченцев. Они шли без воинского обмундирования и вооружения, с серыми от пыли, давно небритыми лицами...

За Нарвой простояли несколько дней в лесу. А затем получили новый приказ: как можно быстрее вернуться обратно на железнодорожную станцию и срочно грузиться в эшелоны. Только после войны мы узнали, чем это было вызвано. Дело в том, что Ставкой Верховного Главнокомандования было принято решение заменить тяжелые гаубицы на более легкие и маневренные орудия. Малоподвижная тяжелая артиллерия в быстро меняющейся обстановке отступления наших войск легко могла быть захвачена противником. Ведь нашу 203-мм гаубицу тащили два трактора: отдельно - ствол, отдельно - лафет. Чтобы подготовить орудие к стрельбе или к транспортировке, уходило много времени. Скорость перевозки не превышала 6-7 километров в час. Через несколько дней наши войска в районе Нарвы оказались в окружении, однако нас там уже не было...

В первых числах августа полк выгрузился недалеко от Тихвина. Чем ближе подходили к городу, тем больше встречалось беженцев. Шли женщины, старики, дети, с узлами и просто так. Среди уныло бредущей толпы двигались повозки. Их тащили лошади, коровы, а то и люди. Зрелище было печальное, горькое.

Тихвин встретил нас едкой гарью: немецкие самолеты только что разбомбили привокзальные склады, и они еще горели. Наших зениток в городе не оказалось, и вражеские самолеты разбойничали безнаказанно.

В лесу за Тихвином разбили палаточный городок. Привели в порядок материальную часть. Помылись в теплой застойной воде старого шлюза когда-то действовавшего здесь канала. Можно бы и отдохнуть, но мы с нарастающей тревогой читали сводки с фронта: враг приближался к Ленинграду, Киеву, Одессе... Бойцы терялись в догадках: что случилось на западной границе? Почему наши войска не выстояли, не ответили ударом на удар? Газеты ссылались на внезапность нападения, а чаще просто обходили эти вопросы молчанием. Согревала надежда: вот-вот отборные гитлеровские части выдохнутся, выступит против Гитлера немецкий рабочий класс, и в войне совершится перелом...

Раза два я прошелся по окраинам старинного города с песчаными, немощеными улицами. Две или три теплых августовских недели пролетели незаметно. И вот опять эшелон...

Что мы окажемся на фронте, сомнений не было. Слишком тяжелое наступило время, чтобы думать о чем-то другом.

Куда же все-таки перебрасывают нашу часть? Командование полка, наверное, знало, но не ставило нас в известность. Бойцы внимательно следили за станциями. На второй день я догадался: эшелоны пройдут через Иваново - мой родной город! От радости не знал, что делать,- на одной из станций пересел из теплушки в кабину автомашины, стоявшей на открытой поездной платформе, и запел известную тогда всем "Катюшу". Впрочем, вряд ли это можно назвать пением. В детстве я никогда не пел, да и сейчас не пою. Нет ни голоса, ни слуха. В строю - после команды старшины: "Запевай!"-только открывал и закрывал рот, пытаюсь создать видимость пения, чтобы не заработать наряд вне очереди.

...Полный радостного ожидания, я перебрался обратно в теплушку и забрался на нары, где уже спали остальные бойцы. Мне было не до сна. Перед глазами стояли родные места, виделись родные лица...

В нашей семье я был третьим ребенком. По семейному преданию, отец после моего рождения недовольно сказал: "Ну вот, опять мальчишка!" Зато потом родилась девочка - моя сестра, а первенец, Костя, умер от скарлатины. Нас снова осталось трое. Отец и мать работали учителями. Когда я родился, они жили в селе Лух Ивановской области. Году в 1925-м наша семья переехала в город Родники, а в 1935-м - в Иваново. В школу пошел одновременно со старшим братом Левой - я в первый, а он, подготовленный дома отцом,- сразу в четвертый класс. Отец и мать очень любили нас. В дни болезней мама вся отдавалась уходу за нами. Отец, внешне суровый и неласковый, был очень добрым человеком. С мамой они жили так дружно, что в моей памяти нет случая не только ссоры, но даже намека на недовольство друг другом. Единственными замечаниями, которые позволял себе отец по отношению к матери, и то в шуточной форме, были напоминания о том, что и где находится: отец очень любил порядок во всем, а мама не всегда его соблюдала.

Когда я после десятого класса решил поступать в Ленинградский индустриальный институт (теперь Политехнический.- Авт.), ни отец, ни мать не сказали ни одного слова против. Отец когда-то учился в этом городе и тогда еще полюбил его. Он рассчитывал, что мне можно будет вначале пожить у моей двоюродной сестры Зои, давно перебравшейся в Ленинград.

Аттестат отличника в то время давал право поступления в вуз без экзаменов. В институт меня приняли сразу, но не дали общежития. А у Зои, которая меня приютила, в маленькой комнате жило трое: она, муж и дочь. Поэтому, увидев объявление, что Горный институт предоставляет студентам общежитие, я до начала занятий успел перейти туда и начал старательно заниматься. Сначала было трудно отвыкать от родного дома. Читая письма от отца и матери, полные заботы и участия ко мне, нередко потихоньку пускал слезу. Когда в газете прочитал указ о призыве в Красную Армию окончивших среднюю школу в 1939 году, решил, что это меня не коснется, и написал домой. А через десять дней получил повестку из военкомата. Так я очутился в армии.

Утром 24 августа наш эшелон прибыл в Иваново. Остальные были еще в пути. Получив разрешение у старшего по вагону замполита Степаненко

повидаться с родителями и приехать следующим эшелоном, я со всех ног помчался домой. Через полчаса, запыхавшийся и разгоряченный, толкнулся в садовую калитку. Она оказалась запертой. Я перескочил через забор, подбежал к крыльцу и с гулко бьющимся сердцем вошел в дом. В комнате, которая у нас называлась столовой, сидели отец, мать, сестра Леля и о чем-то разговаривали. Удивлению их не было предела! Обнимая меня, они никак не могли прийти в себя от радости. Да и я сам, прилетевший в родной дом, как на крыльях, все еще не верил, что это случилось наяву! Какое это счастье - видеть самых близких тебе людей после долгой разлуки! К тому же еще после фронта, где уже кое-что испытал - пусть даже самую малость...

Родные наперебой делились новостями. У них ввели карточки на продукты; отец из обычной средней школы перешел в спецшколу с авиационным профилем обучения; мать стала работать статистиком в госпитале, который разместился в моей бывшей школе. В саду отец вырыл длинную щель - на случай воздушного налета. Брат Лева пошел добровольцем в армию, не закончив институт. Его направили в танковое училище. Сказав мне его адрес, отец с надеждой добавил:

- Вдруг и вас туда повезут? Так хотелось бы, чтоб вы встретились!

Следующий эшелон должен был появиться часа через два. Мы даже не успели зайти к моей тете Пале, жившей рядом. Все пошли меня провожать, захватили с собой продуктовые карточки, по которым купили пирожки и шоколадку и тут же отдали мне. Я стал было отказываться, но... куда тут!

На вокзал пришли в последнюю минуту - эшелон уже отходил. Я быстро обнял, поцеловал всех по очереди и вскочил в теплушку. Поезд ускорял ход. Отец снял шапку и низко-низко поклонился. Мама стояла неподвижно и смотрела на меня, часто-часто моргая. Лелины глаза увлажнились...

"А ведь сегодня мой день рождения! Совсем забыл!" Не успел я об этом подумать, как мама, словно угадав мою мысль, вдруг улыбнулась, тронула отца за рукав и что-то сказала ему, а мне показала, как качала меня маленького на руках. И отец и Леля тоже заулыбались и долго-долго - пока было видно - махали мне руками.

Сейчас, когда родителей уже нет и я сам стал отцом троих детей, думаю: сколько же надо было иметь мужества, истинного патриотизма, родительской любви, чтобы вот так, без стонов и плача, проводить еще одного - теперь уже младшего сына, в дальнюю, а возможно, последнюю дорогу!

...Отец как в воду смотрел. Полк разгрузился на станции, название которой было указано в адресе брата.

Был полдень. Я спросил у проходившего мимо военного, где танковое училище. Оно оказалось рядом. Шел туда и не верил, что увижу Леву. В детстве мы были всегда вместе и очень любили друг друга. Брат рос высоким и тощим, а у меня все было наоборот. "Пат и Паташон", "Дяденька, достань воробышка!" - кричали нам мальчишки. Да и взрослых он удивлял своим высоким ростом.

Рота танкистов в черных шинелях шла из столовой. Левину голову - она была выше всех - я увидел сразу. Подошел к сержанту, сопровождавшему роту, сказал, что только что прибыл с фронта, хочу видеть брата. Леву вызвали из строя. Мы обнялись, и я почувствовал, что горло перехватывают рыдания, а из

глаз потекли слезы. В Иванове вел себя, как и подобает солдату, но тут, когда увидел бритую голову Левы, на которой раньше так красиво, с небольшой волной, лежали пшеничного цвета волосы, его черную солдатскую шинель танкиста, не выдержал... Брат очень возмужал и стал еще больше походить на нашего отца в молодости.

На следующий день, когда наговорились, отошли от лагеря, я достал свой наган, и мы по очереди стали стрелять по самодельной мишени - листку бумаги с нарисованным на нем небольшим черным кружком. Я больше мазал, а Лева с тридцати шагов бил пуля в пулю. Он еще в школе увлекался стрельбой и сдал нормы на значок "Ворошиловский стрелок".

Конец августа и сентябрь, проведенные в тылу, пролетели как один день. Нашу часть переименовали в 108-й пушечный артиллерийский полк, а тяжелые гаубицы сменили легкими 107-миллиметровыми пушками. Дальность стрельбы у них та же - 20 км, а снаряд - всего 18 кг. Меня назначили помкомвзвода и командиром отделения разведки взвода управления одной из батарей. Жили мы в больших землянках с двухэтажными нарами внутри. Утром вместо зарядки купались в озере. Потом - боевая подготовка. Старался почаще бывать у Левы. Но у курсантов были более строгие порядки. Часто возвращался ни с чем - занятия в училище шли днем и вечером. Все же нам удавалось видеться хотя бы раз в неделю.

10 октября полк подняли по боевой тревоге. Наш дивизион отправлялся первым, и у меня не оказалось даже нескольких минут, чтобы попрощаться с Левой. Неужели так его и не увижу?

Когда забирался в теплушку, вдруг услышал свое имя. Ко мне бежал Лева! Кто-то передал ему, что артиллерийский полк грузится на станции. Мы успели обняться, и Лева помог мне снова вскочить в вагон. Поезд ускорял ход.

- Напиши домой, что проводил меня! - крикнул я Леве. Бойцы уже задвигали дверь теплушки. Нет, никак не думал я тогда, что это прощание с братом будет последним...

А еще комсомольцы!

Поздно вечером 15 октября разгрузились на станции Завидово под Калинином и разместились в близлежащем лесу. Стемнело. В глубине леса то тут то там раздавалось тоскливо-безнадежное мычание. Наступили холода, опавшие листья закрыли траву, и коровам (отбились, видимо, бедняги, от перегоняемого в тыл стада) в осеннем лесу нечего было есть.

Утром, продрогшие после холодной и беспокойной ночевки, мы быстро собрались и двинулись по шоссе Москва - Ленинград в направлении Калинина. Наша колонна из автомашин и тракторов, тащивших пушки, растянулась на много километров. Навстречу двигался нескончаемый поток калининцев. Большинство пешком, кое-кто на повозках. Изредка встречавшиеся легковые автомашины тащились со скоростью толпы. Шоферы подавали сигналы, но этим лишь вызывали раздражение у возбужденных до предела людей.

Толпа молча расступалась, пропуская колонну войск. Иногда на дороге возникали заторы, и тогда люди начинали нервничать, женщины и дети плакали. Страх и гнев, отчаяние и надежда смешались во взглядах, обращенных к нам...

Постепенно на дороге осталась только наша колонна. К вечеру сделали небольшую остановку в какой-то деревне. Командиры зашли в дом, где расположился штаб полка, и возвратились озабоченные. Командир взвода лейтенант Смирнов прыгнул в кузов нашей машины и, волнуясь, сообщил обстановку: позавчера, 17 октября, гитлеровцы неожиданным ударом танковых частей заняли Калинин. Врага остановили курсанты Калининского пехотного училища, бойцы 5-й дивизии, только что прибывшей в Калинин для отдыха и пополнения после тяжелых боев и потерь в Прибалтике, и батальон Калининского народного ополчения.

Командиру батареи было приказано: к утру занять наблюдательный пункт в районе элеватора, что на окраине Калинина, орудия установить на огневой позиции у села Эмаус и быть готовым поддержать артогнем стрелковые подразделения. Наша машина первой вновь двинулась по шоссе. На выезде из деревни у обочины стоял грузовик, из кузова донеслись тяжелые стоны раненых.

Впереди, постепенно охватывая горизонт, разрасталось огромное огненное зарево, словно кровью заливая ночное небо - выше и выше... Это горел Калинин. А ведь несколько дней назад, когда мы выезжали, он считался тылом...

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Из вечернего сообщения 15 октября 1941 года

В течение ночи с 14 на 15 октября положение на Западном направлении фронта ухудшилось. Немецко-фашистские войска бросили против наших частей большое количество танков, мотопехоты и на одном участке прорвали нашу оборону. Наши войска оказывают врагу героическое сопротивление, нанося ему тяжелые потери, но вынуждены были на этом участке отступить. За 13 октября уничтожено 36 немецких самолетов. Наши потери – 11 самолетов. По неполным данным, за 15 октября под Москвой сбито 9 самолетов противника.

И сейчас, когда пишу эти строки, как наяву вижу пылающее небо осени сорок первого... Оно стояло над всеми большими и малыми городами Родины, в которые вступали враги. Уничтожалось народное достояние, созданное трудом миллионов людей. Горели от бомбардировок и обстрела фабрики и заводы, гибли памятники искусства и культуры, разрушались общественные и жилые здания. Оставались без крова не успевшие эвакуироваться дети, матери, старики. Успех первых месяцев войны распалял воображение гитлеровского командования и околпаченных гитлеровской пропагандой солдат. И они не останавливались ни перед чем. Выжженная земля была даже удобнее для достижения поставленной Гитлером цели - завоевания "жизненного пространства" для арийской нации. При эвакуации не всегда удавалось вывезти все ценности и тогда приходилось уничтожать оставшееся, чтобы не досталось врагу. Это было еще больше!

Что думалось мне при виде пламенеющего неба над Калинином? Мысли у человека - как картинки в калейдоскопе: все время меняются, перескакивают с одной на другую. Запоминается только то, что повторяется многократно и становится устойчивым, памятным. Из всех мыслей тех дней главной была мысль о громадной беде, постигшей страну и всех нас, о непредсказуемости того страшного, что надвигалось с каждым километром дороги, о тревожном ожидании встречи с новым фронтом, теперь уже Западным, где с первых дней войны шли тяжелые бои.

Зловещее ночное небо сменилось предрассветным туманом, когда командир батареи старший лейтенант Петров, лейтенант Смирнов, я, разведчики Богданов и Федотов вышли на опушку березового леса. Впереди, примерно в километре, виднелся элеватор. Там засел противник. Между элеватором и нами раскинулся луг, без единого кустика, с бугорками земли метрах в трехстах от элеватора: там залегла наша пехота.

Оголенный осенний лес плохо укрывал нас. Прячась за широкий ствол раскидистой березы, стали рыть окоп для наблюдательного пункта. Почва глинистая, твердая. Солдатскими лопатками копать тяжело и медленно, то и дело натыкались на корни дерева. Эх, если бы настоящую лопату в руки, да поострее! С трудом соорудили неглубокий окоп, справа и слева от ствола березы сделали небольшой земляной бруствер и присели отдохнуть. Командир взвода управления и командир батареи ушли искать штаб стрелкового батальона, чтобы уточнить обстановку.

Я с Богдановым и Федотовым находились в окопе, когда откуда-то справа внезапно вынырнул "мессершмитт" и на бреющем полете стал поливать пулями нашу опушку. Очевидно, немецкие наблюдатели на элеваторе нас заметили. Пули сбивали ветки деревьев и били по земле спереди и сзади наспах вырытого укрытия. Наши головы и плечи едва скрывались за бруствером. Самолет проносился то сбоку, то прямо над нашими головами, круг за кругом поливая нас огнем крупнокалиберных пулеметов. Казалось - немецкий летчик хотел получше рассмотреть наш окоп, чтобы бить прямо по цели. Когда "мессершмитт", со свистом прорезав воздух, в очередной раз пронесся совсем рядом, я, преодолев страх, поднял голову и увидел летчика в кабине - он смотрел в нашу сторону! Гад проклятый! В следующее мгновение близкий разрыв сброшенной с самолета мины прижал меня к моим товарищам. Казалось, что обстрел тянулся целую вечность, хотя он продолжался, наверное, не более нескольких минут. Ошалелые от внезапного налета, мы взялись за лопаты и быстро выкопали окоп в полный рост. Откуда только и силы взялись! Затем установили стереотрубу, достали бинокли и зарядили винтовки - встретить "мессера", если снова прилетит.

Березовая роща, на опушке которой находился наш наблюдательный пункт, тянулась влево примерно на полкилометра. Дальше была большая поляна, на которой стояло что-то вроде сгоревшей танкетки. За поляной опять виднелся густой темный лес, через который, судя по карте, километрах в 6-7 от нас проходила железная дорога Москва - Ленинград. В стереотрубу и бинокли длинная неровная цепочка свежевырытых окопов нашей пехоты перед элеватором просматривалась как на ладони. Ни проволочных заграждений, ни блиндажей с

траншеями - только ямки на одного бойца. В верхней части элеватора темнели узкие щели - окна: двух-трех вражеских снайперов было достаточно, чтобы держать под прицелом целый батальон. Не случайно окопы нашей пехоты словно вымерли!

К вечеру в глубине леса, метрах в двухстах от наблюдательного пункта, соорудили землянку-блиндажик. Командир батареи и командир взвода ушли ночевать в деревню. Донельзя уставшие разведчики буквально валились с ног. Сказав, что буду дежурить первым, я пошел на НП, а красноармейцы забрались в землянку.

Время от времени на немецкой стороне взлетали ракеты, причудливо освещая контуры элеватора. За ним и далеко справа виднелись отблески пожаров, бушевавших вчера в Калинин. Далеко справа, ближе к Волге, слышалась приглушенная расстоянием пулеметная стрельба. Наша передовая молчала.

Привалившись спиной к стенке окопа, я пытался устроиться поудобнее, но это никак не удавалось. К концу дежурства тело занемело. Усталость, накопившаяся за прошедшие бессонные сутки, гасила мое сознание. Глаза невольно слипались. Пришлось вылезти из окопа и прислониться спиной к неровному сучковатому стволу березы. Так было надежнее...

И все же на какую-то долю секунды я потерял контроль над собой. Вдруг, словно наяву, показалось, что прямо перед окопом вылезает танк, сшибает меня, и его гусеница давит мою спину... Очевидно, задремав и сползая по стволу березы, я наткнулся на сучок, и возникшая боль вызвала страшный сон. Открыв глаза и осмотревшись, снова вздрогнул - через поле по направлению ко мне уже наяву двигалось какое-то непонятное, искаженное ночной тьмой существо. Соскочив в окоп, вытащил из кобуры наган, насторожился. Ясно слышались шаги и тяжелое дыхание... Когда человек подошел близко, стало видно, что это красноармеец. На плечах и груди бойца висело стволами вверх и вниз несколько винтовок. Я остановил его. На мой вопрос он ответил, что несет собранные на переднем крае винтовки убитых и раненых бойцов из батальона народного ополчения. Днем немецкие снайперы не давали поднять голову. Принесли пищу только сейчас. Надо еще успеть вынести убитых и раненых... За два дня батальон поредел, но и гитлеровцам досталось, особенно в первый день, когда они лезли, стремясь во что бы то ни стало продвинуться вперед.

Я пригласил бойца погреться в нашу землянку. Мы кое-как забрались в нее. Он закурил. При свете спички открылось опухшее и заросшее щетиной лицо. Я не стал больше расспрашивать красноармейца - его вид и мои наблюдения днем говорили лучше слов о том, в каком положении находится наша пехота.

...Утром следующего дня из штаба полка передали приказ: произвести артналет на городской сад в Калинин, где по разведанным скопились фашистские танки и различная вражеская техника. К нашей батарее присоединились остальные. Через несколько минут дивизион повторил налет. Заглушая звуки далеких залпов и разрывов, над нами послышалось гудение. К Калинин летели два наших тяжелых бомбардировщика. "Сейчас они добавят гитлеровцам!" - с восторгом подумали мы, следя за их уверенным и неспешным полетом. Когда самолеты почти подлетели к городу, откуда-то сбоку вынырнул

"мессершмитт". Послышались пулеметные очереди. Ближайший к истребителю бомбардировщик круто пошел вниз, за ним струился дымный хвост. Второй продолжал лететь. Фашистский ас сделал разворот и сбил второй бомбардировщик. Пораженные таким оборотом событий, мы с тревогой смотрели на распускающиеся в небе парашюты. Между ними, как хищная птица, кружил "мессершмитт", творя зверскую расправу над беззащитными летчиками: его пулемет строчил безостановочно. На наших глазах вершилась одна из многих трагедий первых месяцев войны, когда нашим войскам не хватало не только истребителей...

Возможность танковой атаки врага, видимо, беспокоила командование. Мне было приказано оставить на НП одного наблюдателя и связиста, а с остальными разведчиками явиться в штаб дивизиона. Там оказались и разведчики других батарей. Каждому из нас дали по две бутылки с горючей жидкостью и приказали пройти к передовой на шоссе Москва - Ленинград. Меня назначили старшим. Мы нашли место, где редкий лес порос густым кустарником вплоть до полотна дороги, и вырыли в кустах глубокие узкие окопы. Затем нашли несколько небольших намокших и тяжелых сучковатых палок и потренировались бросать их вместо бутылок. Мысль о танках не давала покоя - ведь мы с ними еще не встречались. Да и всех-то нас в этой засаде было не больше десяти человек... Просидели до вечера, как было приказано, вслушиваясь в пугающие шумы леса. Но танки так и не появились. Может, наш артналет сделал свое дело?

...Так без больших боев прошли первые дни. Когда на переднем крае разгоралась перестрелка, комбат открывал огонь по элеватору. Два-три залпа - и перестрелка стихала.

На четвертый или пятый день утром ко мне на НП прибежал взбудораженный чем-то разведчик Богданов.

- Ну, живем! - весело сказал он. - У нас новый комбат, да какой!

Богданов приносил нам завтраки из дивизионной кухни. Так было и сегодня. Но на этот раз он возвратился не один, а с новым командиром батареи. По дороге тот рассказал, что под Минском попал в окружение и оттуда пробился к своим частям. Покорил же он Богданова тем, что сразу же приказал ему "позаботиться" о разведчиках и достать для нас в ближайшей деревне мяса, картошки и спирту.

Через несколько минут со стороны нашего блиндажа показался новый комбат и, подойдя, спрыгнул в наш окоп.

Не знаю, почему командование полка решило сделать замену. Разницу между старшим лейтенантом Петровым и новым командиром - старшим лейтенантом Боковым мы почувствовали сразу...

- Расскажи обстановку, старший сержант! - приказал новый комбат мне, увидев треугольники на воротнике моей шинели.

Доложив все, что знал о своем участке, я решил спросить его о боях под Минском. Комбат сразу помрачнел и рассказал, как отступал от самой границы. По его словам выходило, что большинство новых укрепрайонов сданы без боя, что в первые дни войны из-за предательства многих старших командиров

потеряно много нашей техники. А у немцев полно танков, самолетов, артиллерии...

Это походило на правду, но слышать такое было больно и обидно. Я не утерпел, перебил комбата вопросом:

- Товарищ старший лейтенант, ну а все же, когда в нашу сторону начнет склоняться победа?

Комбат долго смотрел на меня и разведчиков, переводя взгляд с одного на другого и как будто что-то обдумывая, а потом показал на высокую белоствольную березу, стоявшую рядом с нашим окопом:

- Как человеку без рук и ног на это дерево влезть - так нам победить!

Ответ его так поразил нас, что больше вопросов мы не задавали. Комбат, видимо, обиженный молчанием, тоже не стал разговаривать и ушел.

Почта еще не работала, и нашей "газетой" был передний край на том участке фронта, где мы находились. Ничего утешительного здесь не было - ни достаточного количества войск, ни укреплений, ни военной техники. Вдобавок вчера Богданов принес из кухни слухи, что немцы уже чуть ли не у Ярославля и совеем недалеко от Иванова. Мы не верили: подождем, что скажут сводки Совинформбюро. Не поверили и словам комбата: не так уж плохи наши дела!

В следующие два дня комбат на НП не появлялся: либо спал, либо о чем-то разговаривал с лейтенантом Смирновым в нашей землянке. На ночь оба уходили в ближайшую деревню, оставляя нас четверых в безлюдном лесу.

ПРИКАЗ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ № 270

16 августа 1941 года

...Не только друзья признают, но и враги наши вынуждены признать, что в нашей освободительной войне с немецко-фашистскими захватчиками части Красной Армии, громадное их большинство, их командиры и комиссары ведут себя безупречно, мужественно, а порой - прямо героически.

...Но мы не можем скрыть и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам...

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего независимо от его служебного положения потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться в плен - уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи.

3. Обязать командиров и комиссаров дивизий немедленно смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности, как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах.¹

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ:

Председатель Государственного Комитета Обороны **И. СТАЛИН**

Зам. Председателя Государственного Комитета Обороны **В. МОЛОТОВ**

Маршал Советского Союза **С. БУДЕННЫЙ**

Маршал Советского Союза **К. ВОРОШИЛОВ**

Маршал Советского Союза **С. ТИМОШЕНКО**

Маршал Советского Союза **Б. ШАПОШНИКОВ**

Генерал армии **Г. ЖУКОВ**

На второе утро после появления нового комбата мы засекли немецкую минометную батарею. Цель была отличная, немцы почти не замаскировали огневые позиции, которые располагались на кустистом взгорье, справа за элеватором. Когда минометы стреляли, мы видели вспышки огня, вырывавшиеся из стволов. Это была первая обнаруженная мною цель, и я побежал в блиндажик доложить об этом новому командиру батареи. Мне уже представлялись разбитые минометы и падающие под нашим огнем немецкие солдаты. Но Боков с досадой бросил:

- Нет боеприпасов, сержант! - И приказал вернуться на НП, чтобы продолжать наблюдение.

Я поплелся обратно сам не свой: слова комбата и обидели, и расстроили меня. Я знал, что не все бойцы в полку имеют винтовки, но чтобы не было снарядов... Это не укладывалось в моей голове!

Справа от нас, где располагались наблюдательные пункты двух других батарей дивизиона, было относительно спокойно. Слева, где проходила железная дорога и находился дивизион, в котором служил Парахонский, все дни слышалась пулеметная и винтовочная стрельба, вела огонь наша артиллерия и глухо "тюкали" немецкие минометы. Мы не знали, что там происходит, а комбат

¹ Воен.-ист. журн. 1988. № 9. С. 26-28

пожимал плечами. На третий день своего появления. поговорив с начальником штаба дивизиона по телефону, Боков обратился к Смирнову:

- Приказано перенести наш НП к железной дороге. - И весело посмотрел на меня: - Теперь к нам снарядов подбросят! - А лейтенанту приказал: - Сходи туда с Богдановым, подбери место для НП!

В полдень ко мне на наблюдательный пункт пришел командир взвода управления соседней батареи нашего дивизиона лейтенант Городиский. Узнав, что делается на нашем участке, он рассказал, как его разведчики обнаружили почти не замаскированную немецкую минометную батарею - судя по всему, ту, что обнаружил и я. Лейтенант обстрелял ее и в бинокль увидел, как снаряды разбили два вражеских миномета. С тех пор батарея молчит. Его рассказ обрадовал меня. Я хорошо знал лейтенанта. Он начал службу в полку в 1939 году. В боях с белофиннами, за отвагу, прямо на фронте был произведен в сержанты. Месяц тому назад его назначили командиром взвода и присвоили звание младшего лейтенанта. Для меня же он оставался товарищем по довоенной казарме. Я пригласил Городиского в наше укрытие, к разведчикам. Подойдя, мы увидели уже возвратившегося Смирнова. Он сидел перед блиндажом и бритвой срезал свои окантованные золотой ленточкой лейтенантские нашивки на шинели. Увидев Городиского, заорал на него:

- Почему командирские нашивки не срезал? Их же за версту видно! Наблюдатель называется!

Городиский, видимо, обидевшись, зло плюнул и ушел.

"Командиру, конечно, виднее, что делать,- подумал я про Смирнова. - Вот зачем только надо было на Городиского орать..."

К вечеру комбат позвал меня:

- Прикажи разведчикам собрать имущество и отправляйся с ними на новый НП. Следуйте через огневые позиции, там и поужинаете. А я с лейтенантом Смирновым пойду через штаб стрелкового батальона...

Боков явно нервничал и отчитал меня за нерасторопность. На кухне после ужина мы задержались, получая теплое белье. В это время пришли Смирнов и Боков. Комбат снова отругал меня за то, что задерживаемся. К нам подошел красноармеец Федотов, ординарец комбата, который на кухне готовил ему ужин, и спросил, с кем ему идти - с разведчиками или с ним?

- Со мной пойдешь, - отрывисто и резко бросил Боков.

Было ясно, что комбат чем-то очень раздражен, и мы постарались поскорее уйти на новый НП.

Вечерело. Богданов сбился с дороги, и мы шли через лес наобум, надеясь выйти к железной дороге. Дневной бой стих, не слышно было ни единого выстрела. В полной темноте подошли наконец к железнодорожной насыпи, не зная точно, где находимся - у своих или у врагов. Я вытащил наган, красноармейцы зарядили винтовки. Решили пройти немного вперед, вдоль насыпи. Шагов через пятьсот увидели будку. У которой утром побывал Богданов с командиром взвода. Смирнов сказал ему, что рыть окоп для НП надо на другой, высокой стороне насыпи. Мы перешли полотно и вскарабкались наверх. Здесь росли редкие деревья, чернели кустарники, похоже было, что впереди местность

плохо просматривалась отсюда. "Придется ждать рассвета, чтобы выбрать как следует новый НП", - подумал я и выругал в душе Смирнова, не выполнившего до конца приказ комбата.

Под насыпью, у самого полотна, выкопали яму и накрыли лежавшими неподалеку шпалами. Работа согрела нас. Оставив одного бойца дежурить, я с остальными залез в блиндаж, где сразу же и уснул в намокшей от пота одежде, прямо на земле. Вылезая утром наверх, ребята щелкали от холода зубами и дрожали всем телом: последние дни резко падала температура, а эта ночь была особенно холодной.

Вместе с Богдановым сразу же пошли выбирать наблюдательный пункт. С высоты за насыпью, поросшей густым кустарником, в слабом утреннем тумане были видны деревня и большое поле перед ней. Посередине тянулась цепочка совсем не замаскированных недавно вырытых окопов. То в одном, то в другом мелькали головы красноармейцев - судя по всему, им приносили пищу. Один храбрец сидел наверху и преспокойно ел из котелка.

Немецкая передовая проходила по огородам деревни и была хорошо видна. Обзор отсюда был отличный, и, оставив Богданова рыть окоп, я вернулся назад.

Тем временем связисты уже установили телефонный аппарат и сообщили, что штаб требует Бокова. Поскольку он еще не появлялся, трубку пришлось взять мне.

Начальник штаба дивизиона спросил, что нами сделано и где находится командир батареи. Я доложил, что НП и блиндаж готовы, а Боков, наверное, скоро будет, поскольку идет сюда через штаб батальона вместе с лейтенантом Смирновым и красноармейцем Федотовым. Через час меня снова позвали к телефону. Узнав, что комбата еще нет, начальник штаба приказал отправить двух красноармейцев в стрелковый батальон и разыскать пропавших.

- Живыми или мертвыми! - добавил он.

В полдень красноармейцы вернулись, никого не обнаружив. В этот день "мессершмитты" совершили жестокий налет на оставшиеся на старом месте наблюдательные пункты других батарей дивизиона, обстреляли штаб полка и бомбили огневые позиции в Эмаусе. Действовали они точно, словно по чьей-то подсказке.

Через два дня меня и Богданова вызвали в штаб полка. Там капитан стал расспрашивать про Бокова, Смирнова и Федотова. Мы рассказали обо всем, что произошло за те три дня, пока Боков командовал батареей, и, главное, о его ответе на мой вопрос. В конце наших объяснений капитан укоризненно покачал головой:

- Эх вы! А еще комсомольцы!

Не сказав больше ничего, он отпустил нас. Но нам самим уже стало ясно, что рядом с нами был предатель, сумевший подбить на предательство нашего комвзвода и подбравший ключи к нам.

Вспоминая сейчас и заново переживая этот случай, когда я мог стать невольной жертвой предательства, если бы комбат, не почувствовав моей внутренней неприязни, "прихватил" с собой и меня, задаю себе вопрос: как могло случиться, что мы не разгадали зловещего замысла этого человека? Ведь разговор с ним встревожил и зародил в нас чувство отчужденности. Однако для кадровых

сержантов и красноармейцев авторитет командиров и политработников был настолько высок, что ответ комбата был воспринят нами только как своеобразная реакция на долгое изнурительное отступление, участником которого он оказался. Вопрос - победим или нет - перед нами не стоял: мы безгранично верили словам Сталина, считая отступление делом временным. И поэтому менее всего ожидали, прибыв на фронт, предательства со стороны боевых товарищей из одного и того же блиндажа и окопа, тем более - от командиров!

Тогда, по молодости, я не задумывался, в чем истоки предательства. Сейчас ясно: шкурничество и трусость, приспособленчество и безответственность, равнодушие ко всему (кроме собственных дел), всепрощение тех, кто постоянно подводит своих товарищей и близких, любит жить за счет других, обманывая и делая подлости, - вот почва в обычной жизни, на которой произрастает предательство в годы тяжелых испытаний.

Для меня и разведчиков случай с Боковым стал уроком: надо жить своим умом и отвечать не только за себя, но и за окружающих, понимать, что за черными мыслями и словами могут последовать черные дела. Истины эти простые, а по-настоящему мы усвоили их, только когда набили шишки...

7 ноября 1941 года

День или два спустя наш дивизион сняли с железной дороги Москва - Ленинград и паромной переправой перебросили на левый берег Волги. Это не такое уж легкое дело, если учесть, что паром был очень хлипким. Остальные дивизионы остались на прежних позициях.

После ночного марша дивизион занял позиции вдоль левого берега Волги. Пехоты здесь не оказалось.

Оборона водного рубежа была поручена артиллеристам.

Новый наблюдательный пункт нашей батареи находился метрах в двухстах от реки, там, где берег поднимался террасой. Кругом рос густой кустарник, чуть сзади начинался лес. Тут мы и построили блиндаж, а на песчаной террасе вырыли большой окоп и установили в нем стереотрубу. Впереди, между террасой и водой, ночью оборудовали еще один окоп, куда на ночь забирался разведчик с ручным пулеметом.

За рекой, в полукилометре от берега, отлично просматривалась большая деревня. Сразу за ней шел лес. Я и разведчики часами просиживали за стереотрубой, наблюдая поведение немецких солдат и офицеров. В наших ушах еще звучал упрек: "Эх вы! А еще комсомольцы!" И нам очень хотелось обнаружить что-нибудь у врага и нанести урон гитлеровцам.

Враги разгуливали свободно, не маскируясь, иногда по деревне проезжали машины. В одном из домов, как видно, расположился штаб: к нему то и дело подходили офицеры. В остальных жили солдаты; жители, очевидно, были выселены. Мы сообщили об этом командиру дивизиона. Несколько дней, то утром, то вечером, он приходил на НП и, не торопясь, тратя всего два-три снаряда, чтобы не спугнуть гитлеровцев, проводил пристрелку батарей.

Когда на четвертый или пятый день командир дивизиона появился на НП, в деревню как раз въехала колонна автомашин. Дивизион открыл по ним беглый

огонь всеми батареями. По всей деревне, поднимая фонтаны земли и обломков строений, мощно загрохотали разрывы. Высыпавшие из домов солдаты бросились врассыпную. Машины заметались, одна съехала в канаву и опрокинулась. Над двумя другими поднялись высокие столбы огня и дыма. Несколько офицеров и солдат, вышедших из штаба, попали в эпицентр огня: возникший близко взрыв разметал их в разные стороны. Над деревней встало сизое облако порохового дыма. Мы с восхищением смотрели на нашего командира: вот что такое умело подготовленный артиллерийский налет! Наконец-то и мы как следует поколотили фашистов!

Наш налет стал сигналом к стрельбе батареи "катюш", которая только вчера присоединилась к нам. Мы слышали прерывистое урчание реактивных установок. Вскоре в деревне и в лесу за околицей заплескало пламя².

Все последующие дни на нашем участке было очень тихо. Мы даже сумели помыться в "бане", которую предприимчивый начальник штаба дивизиона наспех соорудил из землянки прямо на огневой. Пар получался от нагретых камней, а вместо таза для воды приспособили кухонное ведро. В "баню" надо было залезать на четвереньках, а мыться на корточках. Зато я навсегда запомнил пронзившее все тело необычное чувство наслаждения, когда горячая вода с мылом коснулась кожи, очищая от пота и грязи, накопившихся за четыре месяца войны.

В начале ноября наш дивизион перебросили на другой участок Волги, ниже по течению. Везде лежал глубокий снег. Морозило. Прибрежная часть реки покрылась тонким льдом. Мы выбрали НП между деревьев могучего соснового леса, выходившего на высокий обрывистый берег, немного в стороне от небольшой деревеньки. Вырыли для него окоп, сзади соорудили блиндаж и соединили их траншеей. С другой стороны Волги находилось село, посередине которого возвышалась церковь. Река служила нейтральной полосой.

Новый командир батареи лейтенант Варягин понравился мне и разведчикам с первого дня. Был он немногословен, сдержан и смел. По дороге сюда он и я должны были пройти через деревню, которая была тесно прижата к Волге и отлично просматривалась с занятого гитлеровцами берега. Шел минометный обстрел, посвистывали редкие пули. Разрывы мин возникали беспорядочно, то приближаясь, то уходя далеко от нас. Шагая посередине улицы, Варягин не кланялся даже тем осколкам, что шипели совсем рядом. Я шел за ним, думая, что мог бы он идти и побыстрее и не очень выставлять себя напоказ фашистским воякам. Была ли это беззаботность молодости, неопытность и необстрелянность или лихость, желание показать, что двадцатилетний комсомолец Игорь Варягин, только что назначенный командиром батареи, не трус, - судить не берусь. Наверное - было все, вместе взятое.

Нашему дивизиону была поставлена задача - оборонять участок левого берега. Кроме нас здесь других войск не было. Каждая из трех батарей отвечала за 6-7 километров лесного берега.

² В то время "катюши" чаще использовали снаряды зажигательного действия.

- Враг должен думать, что весь берег и днем и ночью под тщательным наблюдением, - сказал Варягин. - А это значит, что мы не должны пропустить ни одного солдата, ни одной машины, открыто идущих или едущих по деревне, ни одного ночного огня и звука! Будем сразу же обстреливать - такой приказ командования!

Мы старательно исполняли свое дело: круглосуточно дежурили на НП и делали вылазки по берегу, не соблюдая правил маскировки, чтобы создать видимость многих наблюдательных пунктов.

Особенно тяжелы были ночные дежурства. Мороз к вечеру крепчал, начинали потрескивать деревья; шинель, не просушенная ни разу как следует, и кирзовые сапоги дубели, пальцы на руках, несмотря на рукавицы, переставали слушаться, металлические части стереотрубы прилипали к коже. Невольно думалось: "Что же будет в январские морозы, да еще если придется браться за винтовку - ведь в варежках много не настреляешь!"

Необычно ранняя зима еще не успела сковать толстым льдом могучую реку, и она служила хорошим оборонительным рубежом. Но морозы давали о себе знать, и с каждым днем водный просвет на реке сужался. Снег занес и наш "колодец" - глубокую воронку от тяжелого вражеского снаряда, упавшего рядом с нашим блиндажом. В этой воронке мы докопались до воды и иногда пользовались ею. Правда, она пахла порохом, но все же была пригодна для питья.

Вместе с Варягиным на шесть километров волжского берега нас было шесть двадцатилетних: четыре бойца, сержант и лейтенант.

Справа от наблюдательного пункта через редкие стволы сосен виднелись дома пустующей деревни: жители покинули ее, боясь обстрелов. Слева от нашего окопа вдоль Волги тянулся высокий бор.

Где-то там, далеко, еще ниже по реке, находились НП остальных батарей дивизиона; в глубине безлюдного леса километров за десять от нас на опушке поляны стояли четыре орудия нашей батареи, связанные с нами тонкой ниточкой телефонного провода.

До Иванова, моего родного города, расположенного примерно в центре европейской части страны, отсюда напрямую было двести километров. Враги прошли в четыре раза больше и рвались к Москве, пытаясь выполнить желание фюрера провести парад фашистских войск на Красной площади 7 ноября, в день 24-й годовщины Великой Октябрьской революции.

По-разному встречали защитники Москвы этот праздник - кто лежал в снегу на поле боя, кто в окопе, вроде нашего, а кто и в госпитале; для счастливчиков этот день совпал с короткой передышкой. Но одно у всех было общим: огромная, все нарастающая тревога за судьбу Москвы.

Крохотным, малозначительным островком был наш НП в будущем море сражений, ближе и ближе подступающем к столице. И все-таки не было чувству одиночества и оторванности от главных сил фронта, от Родины.

Морозным утром 7 ноября мы увидели, что за ночь вся поверхность Волги покрылась снегом. Еще неделя-две - и реку скует толстый ледяной панцирь. И тогда из защитницы она станет помощницей врага, и мы останемся с ним один на один: впереди пехоты как не было, так и нет...

В то утро с батарейной кухни необычно рано принесли термос с пищей и бутылку водки. Мы разложили еду по котелкам, водку разлили в единственный стакан и крышки от котелков.

Варягин поднял задубевшей от мороза рукой стакан и протянул к нашим "рюмкам" из крышек:

- За наш великий праздник! За Сталина!

Мы дружно чокнулись с ним: каждый из нас в душе тоже произнес эти слова. Я выпил свою "рюмку" вместе со всеми. В котелки с кашей нападали снежинки и не растаяли. Молча принялись за еду. Говорить было не о чем: после переброски за Волгу не получали ни писем ни газет... Невольно думалось, как необычно встречаю праздник, вспомнилось родное Иваново. Пытался и не мог представить, что сейчас делается в Москве...

Через несколько дней на НП принесли "Правду", а мне - письмо и посылку. В газете - снимок Красной площади и речь Сталина на военном параде. "У нас временные трудности! - сказал он. - Пройдет несколько месяцев, полгода, может быть, годик, и гитлеровская Германия лопнет под тяжестью своих преступлений. Победа будет за нами!" Прочитав это, мы испытали огромную радость и облегчение: оказывается, наши дела не так уж плохи! Читали и перечитывали газету, вдумываясь в смысл каждой строчки.

Письмо тоже обрадовало: "Иваново еще ни разу не бомбили, - сообщал отец, - хотя воздушные тревоги объявлялись". В посылке - теплые портянки и вязаная кофта из медвежьей шерсти. Видно, почувствовало мамино сердце, как дрожал я на морозе в своей солдатской шинели и кирзовых сапогах. Кофту дала тетя Катя, наша соседка. "Денег не взяла", - было сказано в письме. А ведь в мирное время у нее и снега зимой нельзя было допроситься!

...Стареют с годами фронтовики, многое уносят с собой, уходя в небытие... Но парад на Красной площади 7 ноября 1941 года, развеявший тревогу о возможной сдаче Москвы врагу и возродивший твердую веру в Победу, останется в памяти многих поколений! Тогда многие из нас не знали, что человек, которому мы верили больше, чем себе, в действительности был совсем другим, и в том, что враги за считанные месяцы прорвались к Москве, была и его большая вина. Но об этом - после.

16 ноября далеко за рекой мы слышали сильную артиллерийскую канонаду. Звуки смещались от запада к востоку. Значит, фашисты снова перешли в наступление? На нашем участке перемен не было. Дивизион в одиночку продолжал оборонять порученный ему участок левого берега великой реки. Два других вместе с отступавшими частями Западного фронта отражали натиск врага на правом берегу Волги. Нам оставалось только ждать, что будет дальше.

Кроме нашего заснеженного лесного НП, мы оборудовали другой - на чердаке одного из домов расположенной поблизости пустующей деревни. Ночью там можно было поспать в чисто вымытой горнице и немного согреться. В случае обстрела мог спасти глубокий подвал. Лаз в него находился на кухне, рядом с русской печью.

Утром 22 ноября к нам на чердак неожиданно поднялись лейтенант и красноармеец в полушубках и валенках. Объяснили, что пришли из прибывшей

на наш участок части. Сказали, что много раз крепко били немцев, а встанет Волга, так дадут перцу еще! Наши бои и обстрелы казались мелкими по сравнению с теми, о которых рассказывали гости. И мы поведали с охотой им обо всем, что знали. Лейтенант высунул голову через пролом в стене и, нарушая все правила маскировки, долго разглядывал в бинокль занятое немцами село. Минут через 15-20 наши гости ушли. Я спустился с чердака в горницу и стал клеить новую карту. Не прошло и нескольких минут, как над нашим домом просвистел снаряд. Второй разорвался, не долетев. Разрывы повторились, но уже совсем близко. Убрав карту, я побежал к спасительному подвалу. Просвистел еще один снаряд. Он разорвался рядом. Видно, разведчики уже спустились с чердака - дверка лаза в подвал была открыта. Я уже собрался прыгать в подполье, когда над головой снова раздался оглушительный взрыв, и что-то со страшной силой толкнуло меня в плечо, сбив с ног и отбросив к стене кухни. Резко запахло порохом. Мне показалось, что снаряд, пробив крышу, попал в печь, и кирпич, отлетевший от нее при взрыве, ударил меня. Почувствовал тупую щемящую боль, захватывающую всю верхнюю часть тела, но вскочил и бросился в подвал.

Рядом с домом еще рвались снаряды, однако мне уже было не до них. По спине что-то текло, правая рука плохо слушалась.

- Посмотри-ка, - попросил одного из разведчиков. - Я, кажется, ранен?

Он зажег спичку. На спине и груди через гимнастерку просочилась кровь. Разведчики разорвали рубашку от ворота вниз и кое-как меня перевязали.

Вскоре обстрел прекратился. Тем временем мое состояние ухудшилось. Боль быстро растекалась по груди и правой руке, и я с трудом вылез из подвала.

Один из разведчиков побежал на наш лесной НП сообщить о моем ранении Варягину. Комбат вызвал автомашину. Вместе с вернувшимся бойцом, обхватив его здоровой рукой за плечи, мы дошагали, прячась за дома, до околицы села. Когда мне помогали влезать в кабину, подошли Варягин с Богдановым. Разведчик надел мне на здоровую руку часы, которые я оставил у него, уходя с лесного НП в деревню. Машина тронулась.

Варягин помахал мне рукой. Лицо его было серьезно и озабочено. Он смотрел то на меня, то на мое правое плечо, где гимнастерка все больше темнела от крови.

К вечеру попал в медсанбат. Пожилой врач, осмотрев меня, сказал:

- А вы счастливый, молодой человек. Отделались дыркой в правой лопатке. Пройди осколок чуть-чуть выше - вас сюда вряд ли довели бы - с сонной артерией шутки плохи. А чуть ниже - ваша ключица была бы раздроблена, возможно, пробито и легкое - это тоже не слаще!

И плечо и рука болели все сильнее.

После перевязки мне предложили селедку с черным хлебом и чаем, но мне было не до еды. Кое-как пересидел ночь на скамье, пристроенной к одной из стен избы. Запомнился надолго путь из санбата в Кимры, в полевой госпиталь. Грузовик отчаянно прыгал на ухабах и колдобинах подмерзшей грунтовой дороги, разбитой еще осенью, и каждый толчок отзывался лютой болью в моем плече. Кроме меня, в кузове сидел еще один раненый. Два красноармейца лежали

на соломе, покрывавшей днище кузова, и при каждом прыжке машины тяжело стонали.

В Кимрах в первом госпитале нас не приняли, да и другой оказался забит ранеными. Меня вели из комнаты в комнату и не могли найти свободного места. Часть раненых лежала прямо на полу. Среди них было много обмороженных, в основном казахов и узбеков. Некоторые из них держали кверху ноги и руки. В комнатах стоял тяжелый тошнотворный запах. Наконец нашли место в какой-то небольшой комнате с кроватями. Я, как был в шинели, накинутой на плечи, так и лег на койку. Бессонная ночь в медсанбате и дорога, измотавшая болью, отняли последние силы. Я словно провалился в темную глубокую яму и проснулся только утром.

После осмотра и перевязок раненых погрузили в автомашины и отправили на вокзал. Я рассчитывал увидеть санитарный поезд, зеленые вагоны с красными крестами... Но на путях стояли теплушки, совсем такие же, в каких мы ехали на фронт. "Лежачих" раненых клали на нижние нары; "ходячие" лезли наверх. Я с трудом забрался на верхние нары и устроился так, чтобы по возможности уменьшить боль. Но вот поезд тронулся. Вагон сильно затрясло, и при каждом его колебании словно чьи-то зубы впивались в мое плечо. Раненые стонали, просили пить... Санитара с нами не было, он заходил только на остановках. Я ехал сидя, о сне не могло быть и речи. Дотянуть бы только до утра! Ночью на противоположной стороне вагона после сильного толчка поезда рухнули верхние нары. Лежавшие на них раненые вместе с досками упали на тяжелораненых, находившихся внизу. Тускло светившая керосиновая лампа совсем погасла. В кромешной тьме раздавались жуткие стоны, мольба о помощи, бессвязные крики людей, лишившихся сознания.

"Вместо нас сюда бы Гитлера и тех, кто развязал эту войну, чтобы сами испытали весь этот ужас, услышали эти страшные вопли", - думал я со злостью и отчаянием, пытаясь слезть со своих нар... К нашему счастью, поезд вскоре остановился, пришли санитары и помогли раненым.

До Москвы нас везли более суток, хотя обычный поезд шел всего несколько часов. Вероятно, наш эшелон с ранеными был последним, проследовавшим из Кимр в Москву: враги подходили к столице и вот-вот должны были перерезать железную дорогу, по которой двигались наши теплушки с красными крестами на боках и крышах.

Когда автобус шел к Тимирязевской сельскохозяйственной академии, где размещался госпиталь, я смотрел на улицы малолюдной Москвы, перекрытые во многих местах рогатками из рельс и заборами из колючей проволоки. На глаза попадались зенитные орудия. Время от времени раздавались выстрелы зенитных пулеметов. Очевидно, ожидался или уже шел воздушный налет. На улицах было очень много снега и почти не было людей...

...Так закончилось мое участие в сражении на верхней Волге - правом фланге великой битвы за Москву...

На фотографии, посланной домой незадолго перед войной, не задумываясь, я написал про себя: "будущий участник боев и войн".

Кто мог подумать тогда, что мне и моим товарищам предстоят суровые экзамены! Не мне оценивать, как я выдержал первый из них. Одно ясно сейчас: доставшийся мне "билет" был далеко не самым трудным...

Два дивизиона, оставшиеся на правом берегу реки и отступавшие почти до Москвы, понесли серьезные потери...

Из двенадцати сержантов, заснятых на фотокарточке, что хранится у меня, под Москвой погибли двое. Случай сохранил меня: смерть ошиблась на несколько миллиметров в выборе своей цели.

Еще четверо из нас погибли позднее, на других фронтах войны. Из оставшихся в живых все будут ранены по нескольку раз. И только Ваня Зиненко пройдет через все фронтовые дороги с одним легким ранением, хотя досталось ему не меньше других. Через тридцать девять лет после этих событий, когда я снова увиделся с ним, он признался:

- Иногда было так тяжело, что хотел, чтобы меня убило... Помню, один раз, в минуту слабости пошел в "долину смерти", была у нас такая подо Ржевом, - без всякой причины, просто так, куда глаза глядят, чтобы поскорее шлепнуло...

..."Тимирязевка", где я лежал, была переполнена. Почти каждый день формировались санитарные поезда и увозили раненых в тыл. Через несколько дней настал и мой черед.

В Тюмень нас, раненых, везли настоящим санитарным поездом. В нем все было почти как в госпитале - горячая еда, если нужно - перевязки, даже срочные операции. Присланная мне старинная кофта из медвежьей шерсти теперь очень пригодилась - надел ее вместо гимнастерки, не вдевая правую руку в рукав. И тепло и надевать просто.

...Бескрайние просторы восточной части Европейской России и Сибири, по которым мчался поезд, успокаивали: такую большую страну завоевать невозможно! На железнодорожных станциях кипела напряженная тыловая жизнь, без стрельбы зениток, без противотанковых рогаток на улицах. Огни тыловых городов светились и ночью - вражеские бомбардировщики сюда не долетали.

Первое, что я сделал в Тюмени,- написал письмо домой. На это пришлось затратить немало времени. Рука еще плохо слушалась и болела, а я старался писать четким и красивым почерком:

"Дырка в спине была 3х4 см, а в плече, где осколок вылетел - 3х3. Сейчас "дырок" почти нет... Ранило меня без всякой героики..."³

Через несколько дней в газетах появились сообщения об успешном наступлении под Москвой. Наконец-то! Со мной в палате лежал пожилой пехотинец, раненный, как я узнал, под калининским элеватором, и еще человек шесть с разных фронтов. Мы горячо обсуждали последние новости. Я поделился со старым пехотинцем своими переживаниями по поводу того, что не пришлось участвовать в наступлении. Он ласково посмотрел на меня и отечески пожурил:

³ Письма приводятся в сокращении, - Авт.

- Дурачок, ведь кому-то и жить надо! Вот ты молодой, значит, уже лучше меня: у тебя еще все впереди! На-ка вот бритву - сними усы, ты, видать, их еще ни разу не брил, а уже пора!

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО
Из вечернего сообщения 11 декабря 1941 года
В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

ПРОВАЛ НЕМЕЦКОГО ПЛАНА ОКРУЖЕНИЯ И ВЗЯТИЯ МОСКВЫ
ПОРАЖЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК НА ПОДСТУПАХ МОСКВЫ

С 16 ноября 1941 года германские войска, развернув против Западного фронта 13 танковых, 33 пехотных и 5 мотопехотных дивизий, начали второе генеральное наступление на Москву.

Противник имел целью, путем охвата и одновременного глубокого обхода флангов фронта, выйти нам в тыл и окружить и занять Москву.

До 6 декабря наши войска вели ожесточенные оборонительные бои, сдерживая наступление ударных фланговых группировок противника и отражая его вспомогательные удары на Истринском, Звенигородском и Наро-Фоминском направлениях.

6 декабря 1941 г. войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери.

После перехода в наступление, с 6 по 10 декабря, частями наших войск занято и освобождено от немцев свыше 400 населенных пунктов.

Германское информационное бюро писало в начале декабря: "Германское командование будет рассматривать Москву как свою основную цель даже в том случае, если Сталин попытается перенести центр тяжести военных операций в другое место. Германские круги заявляют, что германское наступление на столицу большевиков продвинулось так далеко, что уже можно рассмотреть внутреннюю часть города Москвы через хороший бинокль".

Теперь уже несомненно, что этот хвастливый план окружения и взятия Москвы провалился с треском.

Настало время выписки. Врачебная комиссия работала на четвертом этаже. Меня быстро осмотрели. Сердце мое, ослабленное потерей крови и непривычное к ходьбе по лестницам, билось очень часто.

- На что жалуетесь?
- Вот, сердце колотится.
- Сколько вам лет?
- Двадцать.
- В таком возрасте это не опасно! Годен!

Когда на вокзале в Кирове, куда меня направили, выходил из вагона, появилась группа женщин. Одна из них бросилась ко мне и обхватила мою шею руками:

- Коленька... Коленька... Жив! - с плачем говорила она, судорожно обнимая меня. Другие женщины оттащили ее. Я успел разглядеть ее лицо. Запомнились безумные от слез глаза. Не выдержало материнское сердце тяжелой вести о гибели сына.

До марта пробыл в Кирове. В запасном артиллерийском полку меня вооружили старой, выдавшей виды винтовкой. У некоторых новичков винтовки были английского производства времен первой мировой войны. На стрельбище тренировались в стрельбе из автоматов, учились бегать на лыжах, занимались строевой подготовкой и каждый день ели гороховый суп и пшенную или овсяную кашу. Эх, лучше бы на фронт!

Красноармейцы здесь были совсем не то, что раньше. Молодых почти не было. Много велось разговоров о семьях, о гражданской жизни, о положении на фронтах. Я внимательно слушал их. Разговоры у каждого были разные. Запомнился один - с высоким и не улыбчивым красноармейцем Негиным, бухгалтером по профессии.

- Самое большое счастье в жизни, старший сержант, - говорил он,- это иметь детей и жену, которые тебя любят и ты их тоже... Тебе это трудно представить, а я знаю...

Лицо у Негина при этих словах преображалось, обычная его угрюмость исчезала. Глядел он в это время на меня, а видел, наверное, тех, что были на фотокарточке, вынутой из нагрудного кармана...

Наконец-то из нашего запасного полка собрали несколько маршевых рот. Пока шли по городу к вокзалу, справа и слева от колонны все больше и больше собиралось народа, в основном, женщин. Среди нас было много вятичей: очевидно, слух о нашей отправке разнесся по городу. Вечерело, пошел снег. Многие из сопровождавших женщин плакали. А может, это снег таял на их лицах? Наверное, все вместе, - ведь в строю шли их мужья, братья, любимые. Только у меня не было тут никого из близких... Невольно вспомнил отца и мать, Лелю, Леву. Как-то они, мои самые дорогие?

Леля, моя сестра-десятиклассница, пока я лежал в госпитале, болела тифом. У меня есть ее фотография, снятая после выздоровления. Черноглазая, худющая, с бритой головой, похожая на мальчишку. Отец прислал мне вырезку из областной газеты "Рабочий край", где сестра сфотографирована за вышивкой, которой стала увлекаться. Отцу под Новый год тоже было плохо. Он почти через день ходил в Соснево - пригород Иванова - за соленой водой из источника, на которой мама варила суп. Видно, переутомился,- туда не близко, несколько километров,- и дома упал без сознания. "Но сейчас ничего, - писала мама, - отлежался". О себе промолчала. Она всегда думала только о других: "Приезжал Лева. Поехал за танком на Урал. Заходил в свой энергоинститут. Говорил, что все удивлялись его огромному росту. А я думаю, он все такой же, как и был. Просто военная форма делает его выше..."

Посылая домой письма, я старался не расстраивать родителей. Промолчал о том, что несколько раз был под обстрелом, что мог бы стать жертвой предательства, что мерз в заснеженном лесу на берегу Волги, о своих мучениях после ранения. Единственное, что себе позволил - написал, что меня ранило, да и то не сразу...

...Вот и вокзал. Женщин дальше не пустили. Лица моих соседей по колонне помрачнели. Ведь большинство из них недавно призваны в армию. И не известно, что ждет всех впереди...

А я уже был на фронте и, хотя подвига не совершил, но кое-что видел. Так что выше голову, товарищ старший сержант!

Отсюда, из Кирова, началась моя новая дорога на фронт, теперь уже на Северо-Западный, в 84-й артиллерийский полк 55-й стрелковой дивизии.

Болотный фронт

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Из вечернего сообщения 3 мая 1942 года

В течение 3 мая на фронте ничего существенного не произошло.

Из вечернего сообщения 4 мая 1942 года

В течение 4 мая на некоторых участках фронта наши войска вели наступательные бои и улучшили свои позиции.

Из вечернего сообщения 5 мая 1942 года

В течение 5 мая на фронте ничего существенного не произошло.

4 мая 1942 года в полдень наш артиллерийский дивизион⁴ маршем подошел к тылам 55-й стрелковой дивизии. Все последние дни и ночи непрерывно лил дождь. Плащ-палатки уже не могли защитить нас, и шинели и гимнастерки не просыхали. Казалось, мы сами разбухли от постоянного соприкосновения с водой. А тут еще страшная весенняя распутица, тылы не справлялись с подвозкой продуктов, и наш пищевой рацион сокращался по мере приближения к фронту. Начиная с 1 мая мы получали только маргарин и хлеб.

Воспользовавшись передышкой, я нацарапал родителям открытку:

"Вы, наверное, очень беспокоитесь, что долго не пишу. Я переезжаю на другое место, поэтому и задержался. Зато вчера получил письмо от Бориса. Он, оказывается, около Старой Руссы, пока еще не воюет, но вообще-то - это дело ближайших дней. Мне сейчас, в отличие от прошлых раз, приходится шагать пехтурой. Уже привык: "баллоны" мои не спускаются".

В большинстве случаев мои бесхитростные попытки заморочить голову военной цензуре, чтобы подсказать родителям, где я нахожусь, были безрезультатными. Но этой открытке повезло: слова о том, что Борис около Старой Руссы, остались незачеркнутыми. Про "баллоны" же написал потому, что

⁴ 84-й АП вступил в бой недоукомплектованным. - Авт

после госпиталя, где лежал после ранения под Москвой, вместо сапог получил ботинки с обмотками и не сразу научился их прочно закручивать.

Время привала подходило к концу. Мы оказались рядом с медсанбатом дивизии. Несколько больших палаток не вмещали всех раненых. Остальные лежали рядом, на парусиновых полотнищах, а большинство - просто на земле, прикрытой еловыми ветками. Мне впервые пришлось видеть так много раненых вне госпиталя, а их подвозили и подвозили.

За полчаса привала мы наслушались стонов, насмотрелись на окровавленные бинты и лоскуты, которые то и дело выносили из палаток санитары.

На дорогу нам выдали немного маргарина, объявив, что это на сегодня все, хлеба не будет. Да если бы и был, ничто в рот не лезло. Даже когда отошли от медсанбата, в ушах все звучало: "Сестра, пить..." А навстречу шли и шли раненые, некоторых несли на носилках или просто на руках.

Впереди гремела канонада. 55-я дивизия, в которую я был направлен в составе пополнения, продолжала начатое вчера наступление...

Словно встречая нас, наперекор всему сквозь тучи пробилось солнышко. Идти стало веселее. Мы сделали еще один привал на лесной дороге и разделились на две части. Огневые взводы с орудиями остались, а остальные пошли вперед.

Пройдя несколько километров, вышли к ручью, протекавшему в неглубоком овраге. Наш взвод, человек 16, уже спустился в него, когда прилетели "юнкеры". Они сразу заметили нас - мы шли не маскируясь. Первый "юнкерс" пошел стремительно вниз, издавая свистящий звук. Мы разбежались по оврагу и попадали на землю, кто куда. Я увидел, как от пикирующего бомбардировщика одна за другой стали отделяться черные точки - бомбы, и следил за полетом, стремясь определить - в нас или мимо. Страшный вой вдавил в землю. Разрыв, второй, третий... Колебалась стенка оврага, шипели осколки, летели комья земли. Я лежал неподвижно, подавленный неожиданным налетом и оглушительными взрывами. Но вот в пике пошел второй "юнкерс", и только что пережитый кромешный ад повторился сначала. Потом третий... Бомбардировщики сделали круг и снова полетели прямо на нас. Схватив карабин, я лихорадочно зарядил его и, лежа, выстрелил в первый "юнкерс", когда он с воем пикировал на наш овражек. Напрасная попытка! Снова и снова свистели бомбы, ухали разрывы, ходуном ходила земля. Тело и нервы напряглись до предела... Наконец бомбардировщики улетели. Потрясенные бомбежкой, мы бросились из спасшего нас овражка в лес, еще не веря до конца, что не поплатились за нарушение правил маскировки.

За леском на небольшой возвышенности находилась деревня Большие Дубовицы. Комвзвода Спесин⁵ сказал, что там расположился штаб артиллерийского дивизиона, в который мы должны явиться. Но теперь Спесин уже не торопился выходить из леса: искал глазами - каким путем скрытно проскочить к домам. Наверное, у него, как и у нас, все еще стоял в ушах вой "юнкеров", свист бомб и оглушительные звуки разрывов.

⁵ Фамилия изменена.- Авт.

Да, здесь уже был фронт, а не тыловая обстановка. С нашей и немецкой стороны время от времени раздавались артиллерийские и минометные выстрелы. В деревне то там, то здесь слышались звуки разрывов. Еще дальше, за Большими Дубовицами, где проходила передовая,- воздух прорезали редкие автоматные и пулеметные очереди. Судя по всему, разгоревшийся утром бой стихал.

В одном из сараев, пристроенных прямо к деревянной избе, нашли начальника штаба дивизиона капитана Саксина. Он спокойно и деловито объяснил обстановку по карте и сообщил, что штаб дивизиона должен перейти на новое место. Указав новое место нахождения дивизиона на карте, капитан приказал нам идти туда, чтобы подготовить блиндаж и линию связи со штабом полка.

К вечеру, когда мы заканчивали подготовку блиндажа, туда пришли командир дивизиона майор Новиков Александр Данилович, начальник разведки старший лейтенант Манушкин, начальник штаба и несколько красноармейцев.

Ночь прошла спокойно, а рано утром, едва мы вышли из блиндажа, начался сильный минометный обстрел нашего участка леса. Первые мины разорвались совсем рядом и очень неожиданно: сперва мы инстинктивно бросились на землю, а потом побежали к блиндажу. В районе Больших Дубовиц застрекотали автоматные очереди. Наш блиндаж находился у перекрестка дорог, километрах в двух от деревни. За ночь связисты протянули линии связи па НП батарей, расположенных за Большими Дубовицами. Командир дивизиона пытался с ними связаться, чтобы узнать, что происходит на передовой. Но связь после обстрела оборвалась.

Между тем минометная и автоматная стрельба нарастала. Новиков распорядился, чтобы начальник разведки с разведчиком Алапыкиным отправились в штаб стрелкового полка, который поддерживался нашим дивизионом, и выяснили обстановку на месте. Через полчаса разведчик вернулся, таща на себе тело убитого начальника разведки. Недалеко от нашего блиндажа они попали под минометный обстрел.

Наконец восстановилась связь с командиром одной из батарей. Он сообщил, что немцы зашли с флангов и сейчас пехота отступает: артиллеристы уходят вместе с командиром батальона. Куда - еще не известно.

Бой, который начался впереди, теперь обтекал нас справа и слева. Гитлеровцы явно пытались взять в кольцо подразделения, находившиеся в прилегавшем к Большим Дубовицам районе.

Капитан Саксин достал из карманов убитого начальника разведки документы. Быстро и молча выкопали неглубокую яму и опустили в нее тело Манушкина. Через несколько минут над ней вырос холмик земли. На большее времени не было...

Опасаясь полного окружения, командир дивизиона решил отходить, приказал взять имущество и следовать за ним. Участок леса, где мы находились, по-прежнему обстреливался сильным минометным огнем. Один из связистов торопливо сунул мне катушку без провода. Мы пошли по линии связи, оставляя провод несобранным. Шли довольно долго, почти бежали, прислушиваясь ко все приближавшейся автоматной стрельбе. К разрывам мин добавилась шрапнель.

Снаряды взрывались над лесом, а их начинка - сотни свинцовых шариков - со свистом врезались в верхушки деревьев, били по земле вокруг нас. Наконец вошли в мелколесье, затем перебежали небольшой овраг; за ним начинался кустарник, а дальше - снова лес. Добравшись до первых деревьев, увидели красноармейцев, роющих окопы, и носом к носу столкнулись с командиром дивизии. Размахивая пистолетом перед лицом Новикова, он яростно кричал:

- Куда бежишь, артиллерист? Огня давай! Давай огня! Где твоя связь? Почему катушки пустые? А ну... собрать провод! Открыть огонь по гадам!

Я оказался ближе всех к Новикову. Обернувшись к нам и увидя на мне висящую катушку, Новиков тут же приказал:

- Старший сержант! Собери провод! Бегом вперед! Я схватил лежавшую на земле "нитку". Кто-то из подбежавших связистов перерезал ее ножом и закрепил провод на катушке. Я закрутил ручку барабана, и провод потянул меня обратно под шрапнель. Когда добежал до оврага, "заиграла" "катюша". С ужасом почувствовав, что ее снаряды несутся в нейтральную зону, прямо на меня, упал ничком на землю. Почти одновременные многочисленные взрывы - справа, слева, впереди, сзади окружили со всех сторон. В ушах звенело и грохотало, в нос ударил резкий пороховой запах, кругом свистели, яростно били по деревьям и земле осколки. Однако ж бывали чудеса на войне: в этом аду я остался жив...

Вскочив, снова побежал вперед, быстро наматывая провод. Сверху время от времени со свистом летела шрапнель, и я невольно вздрагивал и внутренне сжимался при разрывах в небе. За оврагом наткнулся на пожилого тщедушного красноармейца без винтовки. Без пилотки и поясного ремня, в расстегнутой шинели, с перекошенным, искажившим лицо ртом, он неуклюже топтался на одном месте. Налитые кровью глаза смотрели мимо меня, взгляд был лишен всякой мысли. Я понял: он сошел с ума или контужен, и побежал дальше - задерживаться не имел права, да и помочь ничем не мог.

В мелколесье, прежде чем выйти на поляну, глянул вперед. На поляну из леса выбегали немецкие солдаты в серо-зеленых мундирах с автоматами в руках. Одни перебежками, другие чуть согнувшись двигались прямо на меня. За несколько секунд отчаянным усилием, почти ломая пальцы, я перетер провод о край каркаса катушки и, сгибаясь, чтобы не заметили, изо всех сил побежал назад.

На опушке леса, где нас задержал командир дивизии, красноармейцы продолжали рыть окопы.

- Автоматчики подходят! - крикнул я и побежал искать командира дивизиона.

В полдень наши пушки и гаубицы уже вели огонь. Начались контратаки стрелковых подразделений. Первая, вторая, третья... До нас долетали нестройные крики "ура!", перемежавшиеся стрельбой из автоматов, винтовок и пулеметов. При каждой контратаке немцы открывали ураганный минометный и пулеметный огонь, а блиндажи еще не были готовы и прятаться от обстрела было негде. Мины рвались вокруг нашего НП, который находился в неглубокой ямке под кустом. Над нами проносились осколки, зловеще посвистывали пули.

После каждой контратаки мимо проносили раненых. Некоторые шли сами. Запомнилось: быстро, во весь рост, не обращая внимания на обстрел, идет

полураздетый рослый боец с мужественным и, как смерть, бледным лицом. Во все плечо и грудь - громадная, сплошь сочащаяся кровью повязка. Другой пробежал в горячке, вместо челюсти - сплошное кровавое месиво...

Перед третьей контратакой Новикова, Саксина и Спесина вызвали к командиру стрелкового полка, который находился метрах в двухстах позади от вашего НП в наспех построенном легком блиндаже. Первым вернулся бегом Спесин, крикнул срывающимся голосом:

- Но-овая контратака-а-ка! Не уцелеть нам! - Он добавил, дрожа всем телом: - Отвернись, старший сержант! - И на моих глазах торопливо стал расстегивать поясной ремень - от страха перед новым шквалом ответного немецкого огня напала на беднягу медвежья болезнь - ведь и утром, когда мы бежали по лесу, он несколько раз пугал нас, неистово бросаясь на землю не только при близких разрывах, но и при звуках далеких минометных выстрелов.

Подоспевший командир дивизиона Новиков уже передавал приказ командиру гаубичной батареи, крича в трубку:

- Бызов! "Карандаши" встают снова⁶! Начинай подготовку! По красной⁷ пойдут. Сразу дави шеститрубный⁸! Чтобы совсем замолчал - не мешал "карандашам"! "Огурцов"⁹ не жалеи! Выполняй!

Эта контратака тоже оказалась безуспешной. В тот день она была последней.

Следующий день выдался спокойнее. Немцы не пытались наступать дальше, и мы использовали передышку, чтобы окопаться. Командир дивизиона приказал уточнить привязку огневых позиций, переведенных на новое место. Я пошел в район огневых один, а красноармейцы остались строить блиндаж. Шел напрямиком, по азимуту, так было короче, надеясь на свой опыт. Лес становился все гуще. В одном месте наткнулся на мертвого красноармейца. Лица уже почти не осталось, шинель разлезлась, видимо, он лежал здесь давно, еще с зимы. Рядом валялась покрытая ржавчиной винтовка, кругом - стреляные гильзы винтовочных патронов. Тогда я не смог заставить себя посмотреть его документы - таким отталкивающим был идущий от трупа запах. А теперь не могу себе этого простить. Вряд ли кто-нибудь смог сообщить его родным, что человек этот героически погиб, а не просто "пропал без вести".

Наконец лес кончился, и пошло большое поле, огороженное забором из колючей проволоки в два ряда. Проволока была протянута достаточно высоко от земли, и под ней можно было пролезть. Но мне почему-то не захотелось нагибаться, и дойдя до угла изгороди, я пошел вдоль нее. На втором углу увидел прибитую к столбику фанерку с нарисованным черепом и надписью черной краской: "Мины". Выходит, правильно сделал, что поленился лезть под проволоку! Подорвался бы на нашем же минном заграждении.

⁶ Готовится новая контратака.

⁷ Ракета

⁸ Шестиствольный немецкий миномет

⁹ Снарядов

Наконец нашел огневые позиции батарей. С большим трудом разобрался, где нахожусь: кругом лес, болота да редкие поляны при полном бездорожье. Отметил на карте, где поставлены батареи. Просто так, без привязки. Инструменты тут не помогли бы. Назад шел уже не по азимуту. Сделал крюк и вышел на дорогу. Хоть и много дальше, но спокойнее. Совсем не хотелось лежать, как тот, полуистлевший, в лесу...

Видно, я приглянулся командиру дивизиона. Ему понравилась схема расположения огневых позиций батарей, которую я начертил для донесения в штаб полка. Собравшись пойти на наблюдательный пункт одной из батарей, он взял меня с собой. По пути я все время сверялся с картой и компасом. Надо было поточнее определить координаты НП. В лесу это не так просто, но, как я убедился, возможно. Шел машинально за Новиковым. Главное - не упустить ниточку пути на карте.

В мирное время на учениях командиру отделения вычислителей, кем меня назначили сейчас, было проще: ориентиры для привязки батарей и НП указывались штабом и времени для работы с топографическими приборами отводилось достаточно. Тут же только карта, компас и считанные секунды.

Новиков не придерживался линии связи и шагал, как ему удобнее. Новую передовую он, видимо, представлял плохо: вдруг прямо над нашими головами раздались свист пуль и резкая трель близкой автоматной очереди. В это время мы шли через лесную вырубку, напоминавшую по форме квадрат, с редкими небольшими кустиками и одиночными деревьями. Пули просвистели, когда мы уже приближались к окружавшему вырубку лесу. Мы инстинктивно бросились на землю. Однако это не спасло. Пули снова с громким стуком взрыли землю прямо перед нашими головами. Мы вскочили и что было сил бросились к спасительному лесу. Еще одна очередь, еще и еще... Не знаю, что страшнее - близкий разрыв бомбы либо снаряда или свистящие и бьющие по земле рядом с тобой пули немецкого автоматчика. Пожалуй, одинаково. То падая на землю, то бросаясь вперед, когда отсвистят пули, мы преодолели оставшуюся до леса сотню метров. В лесу сразу увидели блиндаж с амбразурой в нашу сторону и бросились к нему. В блиндаже находились двое красноармейцев. Один, раненый, с перевязанной бинтом шеей, лежал без сознания, тяжело дыша с хрипом и бульканьем. Второй встретил нас руганью:

- Кукушка проклятая, черти бы ее съели! Засела на дереве, не разгляжу на котором. Моего напарника, сволочь, зацепила, и вас чуть не порешила. Но я ее, гадюку фашистскую, выслежу! - И сердито добавил: - Вы поосторожнее. Нейтральная полоса - не бульвар!

Отдышавшись, мы двинулись дальше и наконец попали на батарейный НП. К вечеру без происшествий вернулись в штаб дивизиона. Штабной блиндаж был уже построен. Вырытую в сырой болотной земле яму, глубиной около метра, почти три метра в длину и два в ширину, бойцы покрыли сверху бревнами и забросали вынутой из ямы землей. Получился блиндаж в один накат. Стенки укрепили тонкими жердями, а пол настелили из кольев, уложенных на толстые чурбаки. В одном из углов блиндажа выкопали ямку для стока воды. Вход в блиндаж закрыли палаткой. Немного отдохнув, я решил написать письмо домой.

За эти дни мне "на собственной шкуре" довелось убедиться в разнице фронтовой обстановки полка артиллерии Резерва Главного Командования, в котором я был в 1941 году, и артиллерийского полка стрелковой дивизии, где находился сейчас. Тогда мы имели слабую связь со стрелковыми подразделениями и находились дальше от передовой. Здесь же все было жестче, обнаженней, опаснее. Только за прошедшие два дня меня могло много раз убить или ранить. Мой боевой опыт, пусть небольшой, помогал теперь справиться с новыми испытаниями.

Копилка из консервной банки и ружейного масла едва освещала не очень ровные строчки письма, выходившие из-под карандаша. Огонек ее нервно вздрагивал, когда где-то неподалеку рвались, сотрясая блиндаж, тяжелые снаряды, методически посылаемые друг за другом немецкой артиллерией. На листок то и дело капала вода, сочившаяся из набросанной сверху мокрой земли.

"Пишу письмо ночью. Немцы успокоились. В сводках за первые числа о нашем участке сообщалось: "Идут бои местного значения". Сегодня уже тише. За меня не беспокойтесь. Долго ли мы здесь пробудем - не знаю..."

"Рамушевский коридор"

Действительно, я тогда не знал, что пробуду на Северо-Западном фронте триста дней - почти год! Каждый из этих дней был иным, но всегда - трудным. Нашу дивизию, входившую в состав 11-й армии, много раз отводили в тыл для пополнения. А потом снова бросали на передовую, нередко на прежние места. Это было тяжелым психологическим испытанием: и снова вступать в бой там, откуда едва вернулся живым. Поневоле думалось - а как будет на этот раз?

Чтобы было понятно, где шли бои, следует сказать несколько слов о Северо-Западном фронте. В то время он располагался между Волховским (с севера) и Калининским (с юга) фронтами - от озера Ильмень до озера Селигер, растянувшись более чем на 200 км. Еще зимой сорок первого войска этого фронта окружили в районе Демянска 16-ю немецкую армию в составе семи дивизий. В истории Великой Отечественной войны Советского Союза об этом говорится так: "В ходе боев при окружении вражеских войск были разгромлены три немецкие дивизии. Противник оставил на поле боя до 12 тыс. трупов. Наши войска захватили 185 орудий, 135 минометов, 340 пулеметов, 450 автомашин, 125 вагонов с разными грузами, несколько складов с боеприпасами, снаряжением и продовольствием и другое военное имущество"¹⁰. Однако фронт не сумел развить успех и уничтожить окруженную армию.

21 апреля 1942 года ценой больших потерь немцам удалось прорвать фронт советских войск и соединиться с окруженной группировкой в районе деревни Рамушево. "Попытки... ликвидировать образованный гитлеровцами так называемый "рамушевский коридор" успеха не принесли"¹¹

Через "коридор" длиной около 40 и шириной до 10 километров проходила дорога, соединявшая Старую Руссу с Демянском. Для окруженных немецких войск она была дорогой жизни, и они ее защищали, не считаясь с потерями.

¹⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941-1945. М., 1961. Т. 2. С. 337

¹¹ Там же

Условия боевых действий в районе "рамушевского коридора" были предельно суровыми. Бесчисленные болота не давали возможности построить ни настоящего окопа, ни прочного блиндажа. Наземные укрытия в виде невысоких двойных стенок из кольев, с набросанной между ними болотной грязью вперемешку со мхом не спасали от обстрела. Шедшие почти непрерывно майские ливни пропитали влагой всю землю даже на возвышенных местах. Почти во всех окопах и блиндажах под полом из кольев все время держалась вода, и ее надо было постоянно вычерпывать. Ночью в блиндаже для освещения чаще всего жгли немецкий телефонный провод. Он очень чадил, и утром бойцы долго откашливались, сплевывая противную черную слизь. Помню, сменивший Саксина начальник штаба, капитан Тириков, бывший учитель из Сибири, переспав ночь в нашем прокопченном блиндаже, основательно "прочистил" легкие и носоглотку, а потом пошутил:

- У меня до войны корова была, так я ей хлев построил - светлый, высокий, чистил его каждый день. А теперь как вернусь после войны, построю такой же блиндаж и скажу ей: поживи-ка милая, как я жил!

В течение всего лета мы ни разу не мылись и завшивели до предела. Изничтожить наших мучителей, находясь на передовой, было невозможно. И только к осени, когда в тылу дивизии построили бани, нам удалось от них избавиться. Однако ненадолго. Во время затяжных боев вши появлялись снова. И приходилось опять в дни передышки тщательно прожаривать одежду.

Осень сменилась зимой с сильными морозами. Но и морозы не сковали местные болота. Зная, что мы располагаемся в лесу, немцы обстреливали сильным минометно-артиллерийским огнем лесные островки, перешейки и настилы, проходившие прямо по болотам. Огонь не был прицельным, но из-за скученности бойцов на более сухих участках причинял большой урон.

Позднее мы научились делать укрытия в два и три наката и чувствовали себя в них более безопасно. И тем не менее, каждый раз, когда над блиндажом или где-то невдалеке друг за другом со зловещим свистом проносились мины или снаряды, сердце тревожно сжималось... При каждом разрыве блиндаж вздрагивал, как живой, с наката и стенок сыпалась земля. Минует ли следующий? Сколько же вынесли за эти нескончаемые девять месяцев почти непрерывных боев солдатские сердца: ведь многие дни и ночи обстрел не прекращался...

С мая по июнь 1942 года войска Северо-Западного фронта трижды переходили в наступление с целью разгрома демянской группировки врага. Первая операция была проведена с 3 по 20 мая. Замысел ее состоял в том, чтобы силами 11-й и 1-й ударной армий нанести по "рамушевскому коридору" встречные удары с юга и севера, полностью перекрыть его и затем разгромить группировку противника.

"С поставленной задачей советские войска не справились,- напишут позднее военные историки. - Не увенчались успехом и последующие попытки Северо-Западного фронта ликвидировать демянский плацдарм противника. Это объяснялось прежде всего тем, что наступление организовывалось плохо. Командование фронта действовало нерешительно, управление войсками было слабым. Удары наносились не одновременно и на узких участках фронта, весь же

остальной фронт оставался пассивным. Неоднократно повторяющиеся удары следовали из одного и того же района, что значительно облегчало борьбу противника против советских войск"¹².

Сколько же крови и напрасно погубленных жизней стоит за этими немногими сухими словами!

3 мая 1942 года 55-я дивизия вместе с другими частями фронта была брошена в бой с задачей перерезать дорогу Старая Русса - Демянск, в районе деревень Васильевщина - Бяково. Командование фронта не посчиталось с тем, что дивизия была не подготовлена к наступлению.

При формировании 55-й дивизии в январе - марте 1942 года никакого вооружения в полках не имелось. "Обучение шло на изготовленных самими военнослужащими деревянных макетах винтовок, автоматов, артиллерийских орудий и минометов. Практического навыка в обращении с оружием не было,- вспоминает бывший начальник штаба 107-го полка ветеран дивизии Николай Степанович Локтионов.- Винтовки, автоматы и орудия стали поступать, когда, высадившись 14-17 апреля на станции Крестцы, дивизия в течение полумесяца подходила к линии фронта. Весенняя распутица, проливные дожди, дороги с непролазной топкой грязью не позволили вести обучение на ходу. Надо было строить гати, тащить на руках снаряды, вытаскивать постоянно застревающие в топких местах орудия. Многие дни питались впроголодь - подвоз продуктов постоянно задерживался".

1 и 2 мая части дивизии подходили к линии фронта. В ее составе были три укомплектованных по штатам военного времени стрелковых полка - 107-й, 111-й и 228-й, а также артиллерийский 84-й полк, который еще не был полностью обеспечен артиллерийским вооружением.

В ночь со 2-го на 3 мая дивизия сменила 74-ю бригаду морской пехоты и уже утром была брошена в наступление.

К большому сожалению, первоначальный успех не был своевременно закреплен. За несколько дней тяжелейших кровопролитных боев дивизия понесла огромные потери и оказалась на исходных позициях.

В памяти Николая Степановича Локтионова сохранились некоторые подробности этих трагических дней:

"107-й стрелковый полк должен был прорвать оборону противника и овладеть участком дороги Бяково - Васильевщина,- вспоминает он.- Наступление началось утром. Никаких средств усиления полку не было дано. Поддерживала его лишь артиллерия 84-го АП. Противник имел хорошо оборудованную систему дотов и дзотов, соединенных траншеями. Болото и заливные луга перед ними были заминированы в глубину до километра. За ними шли провололочные заграждения в три ряда. Укрепленные пункты в деревнях Бяково и Васильевщина были насыщены до предела пулеметами, пушками, особенно минометами. Противник имел и сильные резервы, которыми мог маневрировать по дороге Старая Русса - Демянск. У него имелись танковые части и авиация.

¹² История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941-1945. М., 1961. Т.2. С.474.

После артиллерийской подготовки подразделения 107-го полка, имея справа 228-й полк, атаковали противника. Было уничтожено много огневых точек на переднем крае вражеской обороны. Успешно продвигаясь вперед, подразделения 107-го полка перерезали дорогу на небольшом участке. Был получен приказ - продолжать наступление в направлении на Бяково. Противник упорно оборонялся. 228-й полк, наступавший справа, нужного успеха не имел. И тут противник перешел в контратаку.

В небе появилась бомбардировочная авиация. Находясь под бомбовыми ударами, подразделения полка все же продолжали вести бой. После окончания бомбежки противник, подтянув резервы - пехоту и танковые подразделения, снова пошел в контратаку, открыв сильный артиллерийский и минометный огонь. У нас не было ни одного истребителя, ни одного танка, а фланги в месте прорыва обороны противника не были должным образом прикрыты.

Для развития успеха наступления командир дивизии генерал-майор Шевчук направил в 107-й полк батальон 111-го полка, но в создавшихся условиях реальной помощи в развитии имевшегося успеха этот резерв оказать не мог. Сказались и большие потери личного состава полка. В бою были убиты два командира батальона, начальник штаба батальона, не говоря о больших потерях личного состава. Остатки полка оказывали упорное сопротивление. Шел бой и на флангах прорыва. Сил становилось все меньше. Многие легли героями на поле боя. Много раненых направлено в санчасть полка. Силы были неравны. Наши подразделения вынуждены были начать отход. Был получен приказ - не допустить противника за его прежнюю линию обороны. Этот приказ был выполнен. На этом закончился первый день боя.

Следующие два дня части дивизии переходили в наступление, но успеха не имели. 5 мая командир полка Мамин вызвал меня и поставил задачу - силами остатка взвода пешей разведки и пятнадцати автоматчиков сменить на переднем крае всех находившихся там солдат и офицеров и отправить их в тыл полка. Это было сделано, чтобы более точно установить, сколько бойцов осталось от личного состава части. Всех сняли с обороны и у походных кухонь разобрались с теми немногими, кто остался в живых. Утром 6 мая они возвратились обратно и сменили нас. Дальше начались боевые будни. Нам приходилось то безуспешно наступать, то отражать атаки наступавшего противника. Когда в начале июня подошла Сибирская бригада, то ей хватило лишь одного стрелкового взвода, чтобы сменить личный состав полка на участке его обороны..."

Врач санбата 55-й дивизии Георгий Артемович Газалов, вспоминая на одной из послевоенных встреч трагические дни в начале мая 1942 года, рассказывал: "Раненых было столько, что у меня, принимавшего их и делавшего первую обработку, к вечеру перестала разгибаться спина, руки покрылись коркой из высохшей крови, а пальцы с трудом сгибались. В ночь на 9 мая случился заморозок, выпал снег. Многие раненые, лежавшие прямо под открытым небом, к утру окоченели"...

Серафима Порфирьевна Рыжкова, в то время сестра медсанбата, многократно сопровождала раненых при отправке в эвакогоспиталь. "Мне поручали колонну машин, заполненных ранеными,- вспоминает она.- Почти сто

километров дождливого и холодного весеннего бездорожья, ухабов, тряских настилов и гатей становились дорогой смерти для части раненых - я не успевала оказывать им помощь. В немногих деревнях, через которые проезжали, нас уже ждали жители, пытаюсь помочь, чем могли,- приносили еду, кормили раненых, выносили из машин скончавшихся. Помню, во время остановки в пути я увидела, что один из раненых вылез из кузова машины. Перед началом движения пошла проверить, вернулся ли он. Смотрю - молодой боец оперся на радиатор спиной, хотел, видимо, погреться, да так, стоя, и умер. Молчит и смотрит на меня остекленевшими глазами... Когда такое видишь в восемнадцать лет - это запоминается на всю жизнь!"

Еще тяжелее была обстановка в медсанротах, обслуживавших стрелковые полки.

"Наш 228-й стрелковый полк вступил в бой утром 5 мая,- рассказывает начальник аптеки санроты Галина Сергеевна Федько, тогда девятнадцатилетняя хрупкая девушка.- Погода сырая, неприятная, накануне шел дождь со снегом. А в медсанбате даже палатки не было. Вместо нее соорудили навес из сосновых и еловых веток, под ним - такой же настил. Мне было поручено встречать раненых и по указанию врача делать уколы морфия и противостолбнячной сыворотки. Необъяснимая нервная дрожь от предчувствия предстоящего терзала нас всех уже с утра. Часам к двенадцати начали поступать раненые. Среди первых привезли девятнадцатилетнего Васю Шепилова, командира санитарного взвода 2-го батальона, по виду совсем еще мальчика. При взрыве мины рядом с ним был командир санроты А.В.Нинбург, но остался жив. Мы решили похоронить Васю тут же, на опушке леса. Яма, которую стали копать, сразу заполнялась водой. Вот уже прошло столько лет, а я как наяву вижу скорченное тело Васи, полузалитое болотной жижей.

Всю ночь и весь следующий день поступали раненые, их везли на повозках, а кто мог, приходил сам. За все годы войны я не могу припомнить дней, подобных этим первым дням мая 1942 года. Медики буквально валялись с ног, меня тошнило от стоявшего повсюду в воздухе запаха свежей крови, я не могла есть и не ложилась спать все эти дни... За первые три дня через медсанроту прошло 850 раненых. Это только те, кто был зарегистрирован".

Такие же жестокие потери понесли и остальные два стрелковых полка, вступившие в бой за Васильевщину двумя днями раньше. Деревня несколько раз переходила из рук в руки и все же осталась у фашистов. Артиллерийскому полку тоже пришлось очень трудно. Не случайно командир дивизиона, в который я попал, был так рад пополнению.

Пишу и думаю - а надо ли ворошить трагическое прошлое и рассказывать о неудачном наступлении? Ведь виновные наказаны. Позднее за неподготовленность дивизии к наступлению и неумелое руководство боем ее командира отдали под суд военного трибунала. А командиром дивизии стал Герой Советского Союза полковник Зайюльев Николай Николаевич.

Но каково бы ни было наказание, оно уже не вернет к жизни бессмысленно погубленных солдат и офицеров. Безответственность на войне страшна, ей нет прощения!

Не случайно бойцы и командиры Северо-Западного фронта зачитывали до дыр номера газеты "Правда" с пьесой А. Корнейчука "Фронт". Содержание этой пьесы во многом напоминало ситуацию, сложившуюся в районе "рамушевского коридора": бойцы и командиры рот и батальонов, несмотря на жестокое сопротивление вражеских войск, выполняли свою задачу, а потом успех, добытый ценою больших человеческих жертв, сводился к нулю из-за плохой подготовки наступления и просчетов командования во время сражения.

Первый бой дивизии не был исключением.

Неорганизованность наступления, бессмысленность жертв сказались на боевом духе солдат. У более слабых появилось чувство безысходности, неизбежной гибели. "На третий день наступления, - рассказывает Газалов, - среди раненых появились "самострельщики". Их легко обнаруживали по пороховым пятнам на ране. Таких не обрабатывали и отправляли в штаб дивизии, а оттуда - в военный трибунал. Одного солдата я особенно запомнил. Сначала посчитал, что он обычный раненый - парню оторвало кисть руки. Перевязал его. Вдруг приходят из полка и спрашивают, не попадал ли к нам красноармеец с оторванной рукой. Оказывается, кто-то видел, как боец, спрятавшись за дерево, выдернул кольцо в гранате и занес руку с ней за ствол. Я хотел промолчать, было жалко парня - ведь расстреляют. Но получилось так, что боец сам себя выдал. Когда проходили мимо, он окликнул меня и помахал кулечей - спасибо, доктор!"

Воспользовавшись нашими неудачами, гитлеровцы забросали передовую листовками. На них был изображен красноармеец, повисший на заграждении из колючей проволоки и надпись: "Вы все погибнете в этих ужасных болотах! Перестреляйте комиссаров и командиров, которые гонят вас в бой, и сдавайтесь в плен!"

К концу мая 1942 года наша дивизия наконец отбила деревню Большие Дубовицы и вышла на болото Сучан. Уверен, что каждый, кто служил в 55-й дивизии в те дни, запомнил это проклятое болото. Оно растянулось на два десятка километров и было почти непроходимым как летом, так и зимой. За болотом начинался лес, по его передней кромке проходила вражеская передовая. Наша передовая проходила по болоту. Среди болота попадались лесные островки и перешейки, но их было совсем немного. Мне запомнились их условные названия: Роща-Круглая, Огурец, Лапоть и другие. Одни находились на нашей территории, другие были у врага, иные же делились пополам. Между островками и к передовой прокладывались настилы из жердей, веток, а то и целых бревен. Болото было заминировано как с нашей, так и с немецкой стороны.

Все лето и осень 1942 года три стрелковых и артиллерийский полки дивизии вели на Сучане ожесточенные наступательно-оборонительные бои. Нашей дивизии противостояла отборная фашистская дивизия "Мертвая голова". Навстречу нам рвались части 1-й ударной армии Северо-Западного фронта - мы уже слышали впереди далекую канонаду.

Болото стало союзником противника, затрудняя бойцам подступы к вражеской передовой. Она начиналась установленными на болоте минными и проволочными заграждениями, а затем переходила в мощную оборонительную систему из дзотов и траншей в глубине леса. Свои огневые точки гитлеровцы

маскировали землей, мхом и ветвями деревьев. Разглядеть их в лесной чаще было почти невозможно. Так же невозможно было подобраться к вражескому дзоту даже ночью: на проволочные заграждения гитлеровские солдаты вешали консервные банки, гремевшие при каждой попытке отогнуть или перерезать проволоку. На любой подозрительный звук враги отзывались пулеметными и автоматными очередями, освещая при этом местность ракетами.

В сводках Совинформбюро, публикуемых летом 1942 года в газетах, Северо-Западный фронт по-прежнему почти не упоминался или указывалось: шли бои местного значения. А между тем бои были очень жестокими, с тяжелыми потерями с обеих сторон. Однако с точки зрения высшего командования наш фронт играл вспомогательную роль. В то время фашистские полчища рвались к Сталинграду, продолжали блокировать Ленинград, захватили значительную часть Северного Кавказа. Перед нашей дивизией и другими войсками Северо-Западного фронта была поставлена задача перемалывать живую силу противника, не давая гитлеровскому командованию перебрасывать войска с северо-запада к Ленинграду и на юг.

Несколько раз наша дивизия совместно с приданными и поддерживающими ее частями, а также во взаимодействии с другими дивизиями фронта, пытались перерезать "рамушевский коридор", но безуспешно. Полки дивизии несли серьезные потери, особенно в дни больших наступательных операций. Одна из них проводилась уже в преддверии зимы, когда болото и лес покрылись снегом. Мне запомнился настил, ведущий к передовой, по которому везли раненых. Некоторые из них брели сами. Покрытый с утра снегом, к концу дня настил стал похож на окровавленное полотно почти километровой длины...

Кроме Огурца, Лаптя, Роши-Круглой и других гиблых мест на Сучанском болоте был еще Остров смерти. Этот небольшой клочок земли находился на немецкой стороне болота и был захвачен группой красноармейцев во главе с младшим командиром Порваткиным в первые дни наступления. Группа Порваткина сумела построить там такую тяжелую оборону, что немцы не могли ее одолеть. Но условия на этом островке были тяжелейшие. Настил, тянувшийся туда по болоту, с обеих сторон был хорошо виден немецким автоматчикам. Подход к Острову смерти был возможен только ночью. Но и тогда немцы обстреливали его из минометов, используя данные дневной пристрелки.

В Центральном архиве Министерства обороны сохранилось боевое донесение, свидетельствующее о силе вражеского обстрела на Сучане: "В течение дня 10 октября район обороны 1-го батальона 107 СП подвергся сильному артиллерийскому обстрелу, в результате чего весь личный состав батальона вышел из строя, остался один комбат со связным..."¹³.

Очевидец этих трагических событий связист 2-го дивизиона нашего полка Петр Иванович Желтов рассказал на встрече в 1990 году некоторые подробности того страшного дня. Утром, когда батальон после залпа "катюши" пошел в наступление, враги открыли ураганный артиллерийско-минометный огонь. Наступавший по болоту батальон залег, но это не спасло людей, лишенных каких-

¹³ Центральный архив Министерства обороны СССР. Ф. 55 СД. Оп. 1. Д. 8. Л. 65 (Далее: ЦАМО СССР).

либо укрытий. Не было никакой возможности вынести убитых, оказать помощь раненым, и они погибали от потери крови или очередного близко разорвавшегося снаряда. К тому же один из залпов "катюши" стал роковым для смельчаков, успевших в начале атаки почти вплотную подобраться к траншеям противника. Через два часа от батальона осталось двенадцать человек. Обстрел продолжался, и к концу дня уцелели только комбат, его связной и Желтов. В это время к ним пытались прорваться восемь автоматчиков, присланных из полка. Добрались только трое. Уцелевшим комбату и бойцам пришлось лежать наполовину в воде. До врагов было не больше двухсот метров. Стоило поднять голову или немного приподняться, как раздавалась автоматная очередь или летели мины. Лишь через трое суток к ним пробрался посыльный с приказом отойти. Тяжелее этих дней, вспоминал Желтов, ни раньше, ни потом у него не было - ведь даже "малую нужду" приходилось справлять тут же. В случае "большой" - вместо унитаза использовали саперную лопатку, - чтобы отбросить его содержимое от себя...

Врагам доставалось не меньше. Об этом говорят строки из письма немецкого солдата, написанного в те дни:

*"Милая Герта! Если бы ты увидела, где мы воюем с Карлом, ты сошла бы с ума! Карлу оторвало руку, и ему, счастливчику, повезло... Нам из России живыми не выбраться"*¹⁴. Письмо оказалось пророческим - солдат даже не успел его отправить.

Пленный обер-ефрейтор 12-й роты 28-го пехотного полка 8-й легкой пехотной немецкой дивизии свидетельствовал:

"Она (русская артиллерия) нас просто засыпает снарядами... Мы не находим спасения. В наших ротах осталось по несколько человек..."¹⁵.

А вот что говорилось в боевом донесении штаба 55-й дивизии от 29 ноября 1942 года: "28-й пехотный полк 8-й легкой пехотной дивизии перед фронтом наступления 55-й СД оказывал упорное сопротивление. Огнем станковых пулеметов из района дзотов продолжал оборонять прежний рубеж обороны, опираясь на сильные опорные пункты и развитую систему инженерных заграждений. В течение 28 ноября 1942 г. понес потери только убитыми свыше 300 солдат и офицеров"¹⁶.

Если учесть раненых (а их в действительности всегда было в 3-5 раз больше), то от немецкого полка: после этого боя мало что осталось!

Для наблюдения за болотом и засечки целей гитлеровцы использовали двухфюзеляжные самолеты-разведчики, прозванные нами "рамами". Эти самолеты часто висели над нашим расположением, корректируя огонь своих батарей. Мы пытались сбивать их из винтовок, но безуспешно, поскольку "рама" имела хорошую броневую защиту.

Особенности лесисто-болотистой местности осложняли действия не только артиллеристов.

¹⁴ ЦАМО СССР. Ф. 84. АП. Оп. 9291. С. Д. 29. Л. 249.

¹⁵ ЦАМО СССР. Ф. 55. СД. Оп. 1. Д. 8. Л. 103.

¹⁶ ЦАМО СССР. Ф. 55. СД. Оп. 1. Д. 8. Л. 146.

В августе, перед одним из наступлений, дивизию усилили танковой группой. Я был случайным свидетелем того, как наш новый командир дивизии Герой Советского Союза полковник Заиюльев, наставляя танкистов, пообещал:

- Поможете ротам продвинуться на полкилометра - каждого представлю к Золотой Звезде!

К сожалению, из трех танков не вернулся ни один - гитлеровцы подожгли их бутылками с горючей смесью на линии своих первых дзотов.

В дни больших наступлений нас поддерживала авиация. Чаще всего это были "илы" - самолеты-штурмовики, получившие у фашистов название "черная смерть". Но лес и самолетам мешал развернуться на полную мощь.

Большие неприятности приносили врагам "кукурузники" - легкие двукрылые самолеты. Как только наступала ночь, со всех сторон раздавалось их мерное тарахтение, а затем на вражеском переднем крае и за ним ухали мощные разрывы бомб. И снова лес становился помехой: случалось, правда редко, когда "кукурузник", не рассчитав, сбрасывал бомбу на нашу передовую.

Была еще одна причина, из-за которой лето и зима 1942 года были очень трудными для войск, не только на нашем, но и на всех других фронтах. О ней, этой причине, очень хорошо сказал А.В.Горбатов в своей книге "Годы и войны" (тогда он командовал дивизией): "В той обстановке естественно было, чтобы командир дивизии сам выбирал объекты для частных операций, сам определял силы отряда и время для нападения с использованием внезапности. В таких случаях противник имел обычно потери в два, три, а то и в четыре раза больше, чем мы. Другое дело, когда тебе издалека все распишут... с указанием часа атаки, определяют силы (к тому же не соответствующие ни задаче, ни твоим возможностям). В этих случаях результат почти всегда бывал один: мы не имели успеха и несли потери в два-три раза большие, чем противник.

Особо непонятными для меня были настойчивые приказы - несмотря на неуспех, наступать повторно, притом из одного и того же исходного положения, в одном и том же направлении несколько дней подряд, наступать, не принимая в расчет, что противник уже усилил этот участок. Много, много раз в таких случаях обливалось мое сердце кровью..."¹⁷.

В течение почти трехсот дней нашего пребывания на Северо-Западном фронте роты и батальоны дивизии бросались командованием в наступление именно так, как пишет А.В.Горбатов. Красной Армии приходилось расплачиваться солдатской кровью за преступления Сталина и Ворошилова, уничтоживших в 1937-1939 годах более 40 тысяч человек высшего командного состава - преданных стране, опытных и высокообразованных командиров полков, дивизий, корпусов и армий.

На "задворках" войны

Шли дни, они были заполнены таким количеством опасностей, болью, смертями, что я уже был не в состоянии запоминать подробности. Война перестала для меня быть чем-то необычным. Она превратилась в повседневное

¹⁷ Горбатов А. В. Годы и войны. М., 1989. С. 191-192.

дело, вернее - в очень тяжелую и смертельно опасную, но обязательную работу. Участок фронта, проходивший по сучанскому болоту, по меткому выражению поэта Евгения Матусовского находился на "задворках" войны, а ее "фасад" был в Сталинграде и других "горячих" точках гигантского фронта. Но нам от этого не было легче. В память навсегда врезались те гиблые места "рамушевского коридора", где мы многие месяцы находились в активной обороне или проводили наступления. Перед глазами проходят более всего запомнившиеся события и боевые эпизоды, образы моих дорогих фронтовых товарищей. Многие из них пали смертью храбрых в тех гиблых лесах и болотах Северо-Западного фронта.

Артиллерийский огонь, в отличие от оружейного, требовал коллективного труда разведчиков, связистов, вычислителей и огневиков. Особенность его была еще и в том, что результаты стрельбы видели или могли оценить лишь несколько человек, находящихся на наблюдательном пункте. Очень многое зависело от командира батареи или командира взвода управления, ведущих непосредственно управление огнем, от их искусства в подготовке данных и мастерстве стрельбы. Однако огонь батареи мог быть успешным только тогда, когда солдаты и сержанты, обеспечивавшие подготовку и открытие огня, выполняли свои действия быстро и умело.

Стрельба прямой наводкой на Северо-Западном фронте практически была невозможна. В основном проводилась стрельба с закрытых позиций. Огневые позиции наших орудий находились в четырех - шести километрах от передовой. В этой сложной цепи управления огнем доставалось всем, но больше всех - командирам батарей и взводов управления батареями, командиру дивизиона, начальнику разведки, начальнику связи дивизиона, разведчикам и связистам. Эти люди почти постоянно находились в зоне прямой видимости или слышимости противника, так как располагались в районе командных пунктов рот и батальонов стрелковых полков. При успешных действиях их награждали в первую очередь, и это было справедливо.

Из-за спешки и трудностей стрельбы в лесу бывали и трагические исходы. Помню, осенью, при очередном наступлении на Сучане, дивизии была придана артиллерийская бригада 152-мм пушек-гаубиц. Штаб нашего дивизиона находился тогда на островке Лапоть - недалеко от Огурца и Роши-Круглой. Рядом с нашим блиндажом располагалось несколько блиндажей штабных служб стрелкового полка, который мы поддерживали. Перед наступлением в нашем блиндаже разместился один из командиров артбригады с радистом. Когда началась артподготовка, на Лапоть стали вдруг падать тяжелые снаряды. Звуки выстрелов доносились из тыла. Мы догадались, что это снаряды артбригады, и сказали об этом ее представителю, но он возражал. А снаряды продолжали рваться в нашем расположении. Прибежал взволнованный начальник штаба стрелкового полка - в один из блиндажей, где было несколько пехотинцев, попал снаряд, и всех убило. Он потребовал, чтобы представитель артбригады передал по радиации приказ о прекращении огня всеми батареями артбригады. Обстрел Лапти прекратился. Вероятно, подошедшая артбригада не разобралась хорошо в обстановке и приняла Лапоть за Рошу-Круглую, где засел противник.

Командиром нашего артиллерийского полка был подполковник Петр Андреевич Любимов, а его заместителем по политчасти майор Анатолий Францевич Циш. Оба пользовались большим авторитетом среди личного состава. Штабом полка руководил майор Иван Корнилович Одинок, опытный и мужественный офицер. С его именем связано начало успешных боевых действий нашего полка на Сучане.

Тогда, в начале лета, на нашем участке фронта появилась одна из эсэсовских дивизий "Мертвая голова", отдохнувшая на западе и усиленная артиллерией и танками.

...Вражеский натиск был неожиданным. На рассвете туманного июньского дня пехотные подразделения противника внезапно просочились через наши боевые порядки на флангах полка, оборонявшего село Большие Дубовицы, и подняли стрельбу из автоматов, создавая видимость окружения. Район Больших Дубовиц был выбран гитлеровцами не случайно - это было единственное направление, где противник мог применить танки. С помощью танков гитлеровцы хотели выйти в тылы нашей дивизии, разгромить штабы стрелковых полков и огневые позиции артиллеристов, а остатки стрелковых подразделений оттеснить в сучанское болото, окружить и уничтожить.

Используя сумятицу и растерянность на нашей передовой, 20 танков противника ринулись к Большим Дубовицам. Несмотря на возросшее сопротивление наших стрелковых подразделений, к 12-ти часам деревня была захвачена, вражеские танки и автоматчики вышли на ее южную околицу. Однако на выезде из Больших Дубовиц их задержала небольшая речушка, мост через которую в последний момент был разрушен нашей артиллерией.

Сама по себе речушка, она называлась Черный ручей, вряд ли могла стать серьезным препятствием для танков, если бы не крутые, обрывистые берега, когда-то спасшие меня и моих товарищей при бомбежке. Часть гитлеровских солдат бросилась ремонтировать мост, остальные, перейдя речку вброд, стали окапываться по ее южному берегу. Тем временем в деревню подходили все новые и новые цепи наступающих. Опыленные успехом первых часов боя, враги рассчитывали быстро исправить мост и вновь ринуться вперед. Гитлеровцы открыто и уверенно ходили по деревне - наши батареи, потерявшие связь с отступившими взводами управления, молчали...

Но вот на околицу, где скопились танки и значительная часть гитлеровских солдат, внезапно обрушился шквал артиллерийского огня. Потом он утих, чтобы возникнуть снова, теперь уже в самой деревне. Огонь был точным, и враг нес большие потери. К вечеру усилился - по району Больших Дубовиц стала бить тяжелая артиллерия.

Гитлеровцы так и не продвинулись дальше: как только, опомнившись от артиллерийского налета, они начинали работать на мосту, артиллерийский огонь нарастал, и солдаты снова бежали укрыться в наспех вырытые у моста щели. Часть вражеских танков была подбита, с каждым часом все больше становилось убитых и раненых. Наступательный порыв дивизии "Мертвая голова" иссяк, наступление захлебнулось...

Положение спас майор Одинок. Когда под натиском фашистов бойцы стрелкового полка оставили деревню, его наблюдательный пункт, расположенный в болотистом лесу восточнее Больших Дубовиц, оказался в тылу противника. С высокого дерева село отлично просматривалось вплоть до Черного ручья. Майор мог бы отойти со всеми, чтобы не попасть в окружение, но не поддавался панике. С ним остались его помощник, капитан Кожевников, и два радиста с рацией.

Понимая, что при быстром отходе войск телефонная связь батарей с комбатами нарушилась и они, лишившись управления, прекратили стрельбу, Одинок установил радиосвязь с огневыми позициями дивизионов и приказал открыть заградительный огонь по району моста на Черном ручье и Большим Дубовицам. Одновременно он связался с начальником артиллерии дивизии и попросил его обратиться к командованию 11-й армии с просьбой ввести в бой два полка дальнобойных орудий из резерва армии. К счастью, враги не обнаружили работавшую у них под носом радиостанцию.

Постепенно интенсивный огонь наших орудий истощил боезапас батарей, и они стали одна за другой замолкать. В то же время резервные артиллерийские полки еще не были готовы к открытию огня. И тогда Одинок передал в первый дивизион, находившийся ближе всего к автобатальону, чтобы туда послали офицера на лошади с приказом срочно подвезти снаряды. По дороге несущегося галопом офицера остановил выехавший в район боя командующий 11-й армией, который вначале принял всадника за отступающего паникера. Разобравшись, командующий тут же связался с автобатом и отдал необходимые приказы.

Когда Одинок доложили, что снаряды уже подвезены, враги, ободренные затишьем в обстреле, уже заканчивали мост и вот-вот должны были броситься в атаку. Напряжение горсточки людей, понимавших, как дорога каждая минута, было таким, что, услышав слова радиста и тут же отдав приказ вновь открыть огонь, майор Одинок заплакал...

Огонь наших батарей поддерживали пушечный и гаубичный полки из резерва армии. Это командующий, убедившись на месте в серьезности обстановки, приказал им ускорить открытие огня.

Наверное, я не знал бы этих подробностей, если бы их не рассказал мне свидетель и участник описываемых событий капитан Кожевников, ставший позднее начальником штаба нашего дивизиона.

Ночью группа Одинокова вышла незамеченной к штабу дивизии, прихватив по дороге немецкого солдата. Командующий, все еще находившийся в дивизии, узнав от Одинокова о жестоких потерях противника, что подтвердил и пленный, отдал приказ отбить Большие Дубовицы. Предположение, что деморализованные неудачей наступления враги не смогут устоять, оправдалось: после двух часов жестокого утреннего боя гитлеровцы оставили деревню...

Через несколько месяцев, где-то в октябре, майор Одинок убыл из дивизии с повышением в должности - его назначили командиром артиллерийской бригады. Незадолго перед этим он получил заслуженную награду - орден Красного Знамени.

...Из комбатов нашего дивизиона мне больше других запомнился командир гаубичной батареи лейтенант Виталий Дмитриевич Бызов. Незадолго до войны он

закончил институт. После мобилизации был направлен на краткосрочные артиллерийские курсы, а потом в нашу дивизию. Прекрасный артиллерист, обаятельный человек и вместе с тем очень сильный и смелый, он был всеобщим любимцем. Наблюдательный пункт его батареи находился на Острове смерти, совсем близко от дороги, проходившей через "рамушевский коридор". В дивизионе знали: если гаубичная батарея открыла огонь - значит Бызов услышал шум моторов на дороге. В его руках 122-миллиметровые гаубицы были мощным оружием, которым он уничтожил много живой силы и техники противника. Командир дивизиона майор Новиков очень ценил Бызова и не раз беззлобно ругал его за то, что он при обстрелах неосторожно ведет себя:

- Ты, дурака кусок, себя совсем не бережешь!

- Хотите, чтобы я фашистским минам кланялся?- отшучивался комбат.- Не желаю!

Судьба долго щадила Бызова. Но в конце лета, когда лейтенант возвращался с огневых позиций на свой НП, осколок вражеского снаряда попал ему прямо в грудь и убил наповал...

Две остальные батареи дивизиона имели 76-миллиметровые пушки. Из-за настильной траектории обстреливать ими лесные укрепления было труднее. Требовалось большое мастерство, чтобы в условиях ограниченной видимости, иногда просто на слух вести обстрел передовых позиций противника, его минометных и артиллерийских батарей. Как правило, командиры батарей находились вместе с командирами стрелковых батальонов в самой гуще боя.

...Не легче, а может быть, даже труднее было командирам взводов управления батарей. Их наблюдательные пункты располагались в траншеях стрелковых рот. Вовремя боев на Сучане на левом фланге нашей обороны долгое время находился передовой наблюдательный пункт взвода управления, которым командовал старший лейтенант Игорь Филиппов. Трудно было представить, что этому всегда спокойному и очень мужественному командиру исполнилось только 19 лет. По поведению, по пониманию своего воинского долга он казался значительно старше своего возраста. Сколько раз Филиппов вместе с радистом и разведчиком выползал вперед за окопы своей пехоты, чтобы пристрелять цель, невидимую с его НП! Это был воистину труженик переднего края! Рядом с его блиндажом всегда стоял готовый к немедленной стрельбе станковый пулемет, - Филиппов; отлично владел им, - и ротные пулеметчики доверяли ему так же, как своему командиру. Один раз, когда Филиппов во время очередной вылазки уже заканчивал пристрелку, показались солдаты противника. Они, видимо, заметили выползших в нейтральную зону трех храбрецов и решили захватить их живыми. Десятка два фашистов, прижимаясь к земле, ползли со стороны вражеской обороны. Вовремя их увидев, Филиппов тут же послал по радиации команду на батарею и точным огнём рассеял гитлеровцев, оставивших в панике несколько убитых и раненых. Сам же он и сопровождавшие его красноармейцы благополучно вернулись на наблюдательный пункт.

Погиб Филиппов во время одного из самых тяжелых боев на Сучане. Это случилось 21 сентября 1942 года, когда фашисты предприняли тщательно подготовленную наступательную операцию против нашей дивизии. Последним

Филиппова видел командир отделения связи сержант Трошкин, прибежавший на наблюдательный пункт, чтобы исправить связь. Филиппов, по его словам, вместе с несколькими бойцами стрелковой роты участвовал в отражении вражеской атаки, стреляя из пулемета "до последней возможности".

...Начальник связи дивизиона двадцатитрехлетний лейтенант Трегубов, прибывший в 55-ю дивизию вместе с пополнением, обеспечивал подразделения связью в самые тяжелые моменты. Под любым обстрелом Трегубов выходил на проложенные по болотам телефонные линии и вместе с бойцами искал и исправлял повреждения. Ему везло все лето.

Был он откуда-то с Волги, любил рассказывать о своей семье, писем получал больше всех. Когда в октябре нас первый раз отвели с болота Сучан на отдых, все считали, что дивизия туда уже больше не вернется. Один Трегубов неожиданно обронил:

- А мне почему-то кажется, что я так и останусь на Сучане.

Пророчество его сбылось... Через неделю или полторы нас снова вернули на старые места. Трегубов, получив задание, как всегда, пошел впереди связистов. Обратно в штаб дивизиона его принесли мертвым.

...Поздней осенью сорок второго, когда первые морозы сковали землю и снег припорошил сучанское болото, в наш блиндаж-землянку штаба дивизиона, расположившуюся в районе огневых позиций, вошла девушка в шинели, с сумкой на боку, на которой был красный крест.

Новиков и Саксин сидели за столиком, а я и еще два красноармейца лежали на нарах. Новиков, очевидно, знал медсестру раньше. Он сразу уступил ей свое место и позаботился, чтобы приготовили кипяток - погреться чаем. Девушка возвращалась с батарейного НП, где делала перевязку раненому три дня назад разведчику, который не захотел идти в санбат. Таня, так звали девушку, держалась просто, непринужденно. Мерцающий свет коптилки не дал мне возможности сразу рассмотреть черты ее лица. Пока согревалась вода в котелке, Новиков попросил Таню спеть. Она сразу же согласилась. Откуда-то появилась и гитара. Тогда я впервые услышал бередящие душу слова:

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза...
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...

Голос у Тани был негромкий, но очень чистый, нежный и проникновенный. Он унес мои мысли с заснеженного болота Сучан в необыкновенный мир той далекой любви, которую воспевала песня. И наша землянка, где в печурке тлел огонек, а кругом бушевала поднявшаяся к ночи метель, показалась мне не такой уж холодной и неудобной.

Позднее я поближе познакомился с комсомолкой Таней Волковой. Это была красивая и отважная девушка. Ей не надо было говорить - иди перевяжи раненого. Она сама рвалась туда, где что-нибудь случалось. Казалось, что ни артиллерийский обстрел, ни свистящие пули ее не пугали.

В боях на болоте Сучан Таня познакомилась с политруком одной из батарей Николаем Охрименко - молодым лейтенантом, которого все любили и уважали за мужество и внимание к солдатам. В январе 1943 года приказом по полку было объявлено, что они вступили в брак.

Большая любовь всегда возвышает. Мы слышали о Тане только хорошее и обрадовались за нее. Поэтому приказ был встречен всеми с одобрением. Значит, война - настоящей любви не помеха!

Когда в апреле 1943 года дивизию сняли с Северо-Западного фронта, в первый же день пришлось пройти километров тридцать. К концу дня все устали. Таня забралась на прицеп, где везли боеприпасы. Очевидно, один из снарядов был положен в прицеп по недосмотру уже подготовленным к стрельбе, со снятым колпачком. Возможно, на ухабе была задета боевая головка или снаряд стукнулся ею о стенку ящика... Внезапно взрывы потрясли воздух. Прицеп вместе с Таней оторвало от автомашины и отбросило в сторону. У Николая Охрименко отобрали пистолет: все произошло на его глазах, и он хотел только одного - застрелиться. Могилу Тане копать не пришлось. От нее после взрыва ничего не осталось. Только песни. Одна из них, услышанная на Сучане, и сейчас вызывает щемящее чувство в моей душе...

Не все выдержали испытание на болоте Сучан. Мой командир взвода лейтенант Спесин в те невыносимо трудные дни совсем опустил. Лицо от грязи обросло коростой - боялся сходить в тыл помыться в бане. Терпел любые унижения, лишь бы лишний раз не появиться на передовой. Наконец у командира дивизиона, видимо, лопнуло терпение и он направил Спесина в штаб полка, когда там понадобился офицер для посылки на какие-то курсы.

Через неделю наш командир дивизиона Новиков вызвал меня к себе:

- Старший сержант! Вам присвоили звание младшего лейтенанта. Теперь будете командиром взвода вместо Спесина!

Я оторопело молчал. Приказ о назначении командиром взвода был для меня полной неожиданностью и очень озадачил. Не потому, что я мог не справиться с новыми обязанностями - бои на болоте Сучан лучше любой военной школы подготовили меня к этому. Да и Спесин, самоустранившись от управления взводом, уже фактически передал мне свои обязанности. Выбрав после окончания школы институт вместо военного училища, я и тут, на Сучане, скорее по инерции, оставался верен своим намерениям. Вспоминая сейчас об этом, невольно думаю: как оптимистична, как сильна своими мечтами молодость! Шла жесточайшая война, и конца ее не было видно. Каждый день и час несли смерть и увечья, но даже студеной вода сучанского болота не могла погасить мою мечту об учебе в институте!

Удивленный моим молчанием и, очевидно, желая подбодрить, Новиков стал убеждать меня:

- Вы же кадровый младший командир. Приобрели боевой опыт. Из сержантов один из первых в полку получаете офицерское звание. Можете гордиться этим! - И, перейдя на "ты", давая понять, что разговор окончен, добавил: - Шагай дальше, старший сержант! Твой путь только начинается!

Так командир дивизиона распорядился моей судьбой. И все же я долго хранил свою красноармейскую книжку. Думалось: если ранит, покажу ее в госпитале и верну звание старшего сержанта...

Мои обязанности после нового назначения практически не изменились. Большую часть времени я по-прежнему проводил в штабе дивизиона, который, как правило, располагался в двух-трех километрах от переднего края, примерно посередине между наблюдательными пунктами и огневыми позициями батарей. Пули сюда долетали редко, разве что шальные, зато немецкие снаряды и мины досаждали основательно.

Однако и шальная пуля может убить. Как-то в один из погожих дней мы вышли из блиндажа и остановились, что-то обсуждая. Вдруг стоявший среди нас сержант Заяц безмолвно упал на землю: откуда-то прилетевшая шальная пуля пробила ему голову.

Вскоре после своего назначения я чуть было не натворил беды, и только по счастливой случайности все обошлось благополучно. Наш НП дивизиона вместе со штабом стрелкового полка находился на Огурце - небольшом продолговатом лесном островке. Впереди, примерно метрах в шестистах была Роща-Круглая - такой же островок, но занятый противником. С утра к штабу полка стали подходить красноармейцы для получения наград. Потом из штабного блиндажа вышел командир полка, построил их и стал вручать ордена и медали. В шеренге стояло человек пятнадцать. Еще вчера командир дивизиона сказал мне, что надо провести пристрелку по центру передней части Рощи-Круглой. НП располагался на высокой ели, растущей возле штабного блиндажа. Я залез туда и, предварительно подсчитав угломер и прицел по заданному реперу, передал связисту команду: "Первому оружию, осколочным, заряд полный, прицел... угломер... один снаряд, огонь!" Снаряд свистнул совсем близко от меня и разорвался метрах в двухстах впереди шеренги награждаемых...

- Кто стреляет?! - раздался окрик командира полка, встревоженного разрывом явно "своего" снаряда. Я промолчал. Быстро опустившись вниз, позвонил на батарею и спросил, какой заряд был использован. Мне ответили, что "неполный". У нас в то время были "полные" и "неполные" заряды, последние летели на полкилометра ближе. Я дал команду использовать полный заряд, а заряжающий ошибся. На свое счастье, в этот раз я вел стрельбу не шрапнелью, а осколочным снарядом. И хоть все обошлось и награжденные благополучно разошлись, взволнованный случившимся, я не стал продолжать пристрелку.

А тем временем в моем Иванове жизнь шла по своим суровым законам и, случалось, внезапно наносила ощутимые удары. Как-то пришло письмо от отца:

"...Сегодня был у Чебаевских и видел у них твое письмо. А Таня вышла замуж... Студенты Ивановского энергоинститута, где она училась, выезжали в колхоз, и Таня познакомилась там с преподавателем, руководителем поездки. Она уехала с ним в Москву, не сказав родителям ни того, что выходит замуж, ни того, что уезжает от них..."

Таня Чебаевская была моей соученицей. Она прекрасно занималась, хотя к занятиям почти не готовилась, домашние задания выполняла на переменах. Последнее меня особенно поражало и покоряло. Я тоже был отличником, но

тратил на занятия все внешкольное время. На меня Таня не обращала внимания. Впрочем, ее отношение ко мне лучше проиллюстрировать ее же стихами:

В десятых классах водятся
различные создания,
но лишь немногие из них
достойны описанья!

Вот Малиновский, например,-
краса и гордость наша,-
всегда прилежен, скромн, тих
и слушает папашу.

С ним рядом - верный Москвичев,
сонливый, словно филин,
а в голове - вагон ума
и два вагона пыли.

А сзади - Вова Шерстунов...

Таня выделялась не только блестящими способностями. Это была красивая, высокая, стройная девушка. Ее живое, подвижное лицо украшали большие светлосерые глаза, чуть пухлые полные губы и высокий лоб. Светлые волосы падали до плеч. С мальчиками она держалась свободно, а если ее обижали - могла дать сдачи. Перед уходом в армию я подговорил своего школьного товарища Васю Москвичева, которого тоже призвали, зайти к Тане попрощаться. Мы пробыли у нее минуты три и чувствовали себя очень скованно. На прощание она сказала: "Пишите". Этого было достаточно, чтобы я в течение первого года службы регулярно раз в месяц посылал ей письмо с коротким рассказом о своих армейских делах. Ответов не было. Потом стал писать реже. Но юношеское увлечение не угасло. Когда началась война, и я попал на фронт, сразу же послал ей почтовую открытку. Не надеясь на ответ, написал всего лишь несколько фраз:

"Здравствуй, Таня!

Тебе, наверное, пишут со всех фронтов. Предлагаю тебе еще одного корреспондента с Северного фронта. Борис".

Дней через десять я держал в руках письмо, на котором Таниным почерком были написаны мой адрес, фамилия и имя! С каким волнением я читал и перечитывал откровенные и теплые слова этого письма!

"Здравствуй, Боря! Я очень рада весточке от тебя. Я и раньше получала твои письма, меня они очень радовали. Но ты не знаешь, какая я плохая..."

Дальше Таня описывала, как она вместе со студентами ездила на заготовку дров, как изменилось Иваново за прошедший месяц войны и что ей известно о наших однокашниках. Я не мог понять, почему Таня считает себя плохой и не придавал этому значения. Наоборот, письмо окрылило меня, и я два дня писал ответ, пытаюсь составить его поинтересней...

Но больше от Тани весточек не было. А я, еще на что-то надеясь, время от времени посылал письма...

В начале июля пришла тревожная весть о брате. Во время занятий танк, в котором он находился, по вине водителя упал с моста в реку. Родителям Лева написал: "Ничего страшного не произошло, да и не могло произойти - ведь я не там, где Борис... Получил удар люком по голове - на затылке ссадина. Ударился лицом - разбил нос, содрал кожу на переносице. Под левым глазом на щеке будет шрам. Наложили скобки... Вот видите, как все же я легко отделался!"

Мне брат о своей беде не написал. Не хотел, видно, тревожить, считая, что у меня и так не легко.

А ему и без фронта досталось! Да и фронт для Левы, наверное, тоже не за горами:

...За полгода, проведенные на Сучане, бойцы и командиры дивизии преобразились. Несмотря на то, что больших боевых успехов еще не было, дивизия становилась грозной силой, привыкая действовать как единый, четко налаженный механизм. Очень большую работу проводили с нами политработники дивизии. Заместителем по политической части нашего дивизиона во время боев на Сучане был капитан Касым Абдурхоевич Абайханов, позднее ставший парторгом полка. Мы регулярно получали газеты, в дивизионе проводились комсомольские и партийные собрания; в свободную минуту горячо обсуждали события, происходившие на наших фронтах и у союзников.

А фронтовые события не радовали под Харьковом наши наступающие войска попали в окружение и понесли большие потери; пал героический Севастополь, и весь Крым оказался под пятой оккупантов; пользуясь отсутствием второго фронта, фашистские войска в июле ринулись к Волге и Кавказу; захвачен Донбасс, наши войска отошли за реку Дон... Сводки Совинформбюро снова, как в 1941 году, стали одна другой тревожнее.

В конце июля, когда немцы устремились к Сталинграду, к нам в штабной блиндаж пришел Абайханов и зачитал навсегда оставшийся в памяти фронтовиков приказ Верховного Главнокомандующего номер 227. И сразу трудности нашей "сучанской" жизни, мои заботы о родных, сообщение о замужестве Тани - все отошло назад перед этими откровенными, тревожными и жестокими словами сталинского приказа: "...Пора кончать отступление... Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности... Отступать дальше - значит загубить себя и вместе с тем нашу Родину... Ни шагу назад без приказа высшего командования!"

...Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства не безграничны. Территория Советского государства - это не пустыня, а люди - рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети... После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более — 10 миллионов тонн металла в год.

У нас нет уже теперь преобладания ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше - значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину..."¹⁸.

Приказ этот запомнился мне как поворотный пункт в войне: наступление немцев под Сталинградом было остановлено! День за днем мы продолжали напряженно следить за сводками. Сталинград не сдавался! Накал боев стал предельным, мужество защитников города - небывалым. Это был героический пример выполнения необычного приказа, и он сыграл великую роль!

"Долгожители" переднего края

Говорят, что случай маловероятен, но щедр. На войне одним, правда, немногим, он дарил жизнь, в то время как кругом калечило и убивало. Для других же не оскупился на ранения и смерти там, где не было большой опасности. Третьих, пропустив через все круги фронтового ада, лишал жизни, когда, казалось, все уже было позади.

...Много раз мог погибнуть на Сучане, но не был даже ранен мой друг, сержант-радист Саша Ипполитов. Летом он неоднократно сопровождал Филиппова, когда тот делал вылазки для пристрелки. Накануне боя, в котором погиб Филиппов, Ипполитов находился на наблюдательном пункте дивизиона. Вместе с ним был заместитель командира шестой батареи старший лейтенант Талидан, временно исполнявший обязанности командира дивизиона. Вечером, 20 сентября, в блиндаж к Талидану и Ипполитову пришел Филиппов. Два связиста поочередно дежурили у телефонного аппарата. Ипполитов, как обычно, проверил на ночь радиосвязь. Рация работала отлично. На передовой стояла мертвая тишина. Незаметно тема разговора переменилась. Вместо обсуждения событий на передовой начались рассказы о довоенной жизни, о личном. Саша с удивлением узнал, что Филиппов - его ровесник, они оба окончили перед войной среднюю школу. Беседовали всю ночь. Когда перед рассветом Филиппов пошел на свой наблюдательный пункт, Ипполитов проводил его и снова вернулся в блиндаж. Уже засыпая, он подумал, что на передовой непривычно тихо.

В этот момент совсем рядом с блиндажом разорвался тяжелый снаряд, вслед за этим послышался нарастающий вой и грохот. Через какие-то мгновенья звуки слились в общий гул, который не давал возможности слышать друг друга и разговаривать по телефону. Из щелей в накате заструился песок; от сотрясений воздуха погасло пламя коптилки. Не дожидаясь команды, Ипполитов включил рацию и услышал в наушниках голос сержанта Асобины - штаб дивизиона требовал доложить обстановку.

Пока Талидан безуспешно пытался связаться по телефону с Филипповым, чтобы узнать, что происходит на левом фланге, Ипполитов выскочил из блиндажа, надеясь увидеть кого-то из стрелков. В нескольких шагах от себя он заметил вражеского автоматчика. Между деревьями мелькнуло еще несколько зеленовато-серых фигур. Ипполитов выстрелил из карабина в фашиста, который сразу упал, и бросился в блиндаж. Узнав от Ипполитова, что рядом с блиндажом

¹⁸ Воен.-ист. журн. 1988. № 8. С. 73-75

гитлеровцы, Талидан приказал батарее произвести огневой налет по району наблюдательного пункта. Через считанные секунды, показавшиеся всем вечностью, вокруг них загрохотали разрывы теперь уже своих снарядов. Немного спустя к ним добавились почти одновременные разрывы многих мин от залпа, выпущенного "катюшей". После того как разрывы смолкли, связист сержант Роман Дроздов, выскочивший из блиндажа посмотреть, что происходит, крикнул, что сильная автоматная перестрелка идет уже у второй линии наших траншей. Талидан дал приказ отходить. В таких случаях радисты обычно уходят последними: необходимо время для свертывания рации.

Когда Ипполитов вылез из укрытия, он увидел нагромождение сбитых снарядами деревьев. Талидана и остальных уже не было видно. Он решил ползти по узкой, неглубокой траншее, которая вела на правый фланг. Через несколько десятков метров закрепленная на спине рация зацепилась за ствол сбитой снарядом тонкой березы. Стараясь освободиться, Ипполитов привстал на колени. Близкий разрыв немецкой ручной гранаты уложил его на дно траншеи. Осколки посекали ветви и ствол березы, и рация освободилась. Чтобы посмотреть, не повреждена ли рация, сержант попытался сесть. Но как только высунул голову над бруствером, в ту же секунду его оглушила автоматная очередь, глаза засыпало песком. Напрягая все силы, он быстро-быстро пополз по траншее, потом неестественно большим прыжком выскочил из укрытия и бросился к запасной траншее.

Ипполитов не запомнил, сколько раз падал на землю, сколько раз по нему стреляли. Добежать до своих - это было главным! Наконец, когда силы были на исходе, он увидел траншею и свалился в нее...

Тут находились артиллеристы и пехотинцы, среди них были и командиры. Один из них, усатый, коренастый, с орденом Красного Знамени на груди, выделялся спокойствием и распорядительностью. Потом Саша узнал, что это был капитан Виталий Михайлович Сарычев, командир полковой батареи. Как только Ипполитов восстановил радиосвязь, Сарычев немедленно дал команду открыть артиллерийский огонь. Фашистская пехота была прижата к земле - ее продвижение прекратилось.

Вечером Саше приказали явиться в штаб дивизиона. Не прошел он и ста метров, как вдруг автоматная очередь прострочила кочковатую поверхность болота. Рядом с его ногами вражеские пули вздыбили фонтанчики воды. Пришлось передвигаться ползком. Пропитанная водой и грязью шинель стала непривычно тяжелой. Рация, карабин и вещмешок мешали движению. Сентябрьская болотная вода была ледяной, но с него лил горячий пот. Немецкая "кукушка" долго не хотела упустить появившуюся добычу. Только через три часа, уже перед самым закатом, добрался Саша Ипполитов до штаба дивизиона. Этот день с его многочисленными опасностями, тревогами и невероятным напряжением запомнился девятнадцатилетнему сержанту на всю жизнь.

...После гибели Манушкина начальником разведки дивизиона стал лейтенант Николай Тимофеевич Мартынов. Николай был самым старшим среди нас. Мобилизованный в первые дни войны, до этого он работал ткацким мастером, имел семиклассное образование. Незадолго до войны женился. Человек

исключительной храбрости, выдержки и железного здоровья, Мартынов словно родился для должности начальника разведки. Бывая в самых опасных местах сучанского болота, он каждый день многократно рисковал жизнью и тем не менее ни разу не был ранен. Выручали хладнокровие, природная сметка, наблюдательность, быстрая реакция на изменения в обстановке и... солдатское счастье. С легкими ранениями Мартынов вообще не считал нужным обращаться в санбат и оставался на передовой. Помню, что уже позднее, в Белоруссии, у Николая осколком срезало кожу на животе, была задета и мускульная ткань. Только через несколько дней командир дивизиона сумел заставить его пойти в санбат, где сделали хорошую перевязку и подлечили загноившуюся рану.

Там же, в Белоруссии, когда мы стояли на отдыхе, боец во время обучения случайно выдернул кольцо у гранаты-"лимонки" и, испугавшись, отбросил ее почти под ноги Мартынову. Николай тогда чудом уцелел, пах и низ живота усеяло мелкими осколками. В медсанбате он попросил, чтобы осколки извлекали без наркоза. И стерпел, не проронил ни звука, удивив всех огромной выдержкой. Кстати сказать, внешне Николай Тимофеевич не выделялся чем-то особенным - невысокий, сухощавый, с открытым взглядом серых глаз под белесыми бровями и чубом светлых волос на голове. Разве что выглядел удивительно молодо - никто не верил, что ему двадцать восемь лет.

Замечательным качеством Николая была душевная доброта. Он всегда стремился помочь более слабому, причем безвозмездно, от душевной щедрости. Не один раз этот человек с риском для жизни помогал и мне, делая вид, что это ему ничего не стоит, просто все так и должно быть.

Командир дивизиона капитан Александр Данилович Новиков в Мартынове души не чаял. Мне же Николай Мартынов казался вообще непостижимым человеком, и я, быстро сдружившись с ним, пытался во всем брать с него пример.

Под стать Николаю были его разведчики. Запомнился мне татарин Александр Алалыкин. Все лето он просидел на наблюдательных пунктах вместе с Мартыновым в каких-нибудь сотнях метров от немецкого переднего края. Рядом с ними убивало и ранило людей - разведчики выходили из строя один за другим, а Александр отделялся лишь дырками в шинели, сапогах да в пилотке. И теперь он вспоминается мне: невысокого роста, широкоплечий, со скуластым открытым лицом и добрым взглядом черных глаз. Скромн и молчалив он был до крайности. Как-то по дороге с НП на огневые позиции Алалыкин наткнулся на отставшего от группы разведчиков гитлеровца и взял его в плен. В дивизионе узнали об этом лишь тогда, когда сообщили из штаба полка, куда он отвел пленного.

Надо сказать, что разведчики не всегда имели возможность дожидаться своих наград. Чаше награды находили их в госпитале, либо о них говорилось в похоронной. К концу боев на Северо-Западном фронте медаль "За отвагу" по праву украсила грудь Александра Алалыкина, оставшегося живым и невредимым.

...Поздней осенью майора Новикова перевели в другой дивизион. На новое место он взял Мартынова и меня. Начальником связи в новом дивизионе был лейтенант Геннадий Михайлович Беляев. Так мы оказались вместе: Мартынов, Беляев и я. На войне дружба зависит не только от тебя и твоих товарищей: ранения и смерти, служебные перемещения могут оборвать ее в любой момент.

Но нам повезло: почти полтора года шли мы одной боевой дорогой, поддерживая друг друга и помогая.

Беляев был моим ровесником, но имел уже богатый жизненный опыт. В детстве он рано лишился родителей и, как говорят, узнал, почем фунт лиха. До войны работал учителем в сельской школе. Ко времени нашего знакомства Беляев был уже коммунистом, секретарем партийной организации дивизиона. Он первый заговорил со мной о вступлении в партию перед тем, как нас сняли с Северо-Западного фронта. Главной чертой его характера было исключительно развитое чувство долга, стремление отдать всего себя делу, в правоте которого был убежден, не рассчитывая на какие-либо привилегии и награды. Пишу и как будто вижу его прямой и суровый взгляд, крепко сжатый волевой рот. Но стоило Гене улыбнуться, как суровость сразу исчезала. Его поведение и распоряжения, отдаваемые красноармейцам, диктовались предельно простой логикой: "Мы получили приказ и должны его выполнить. При этом ни себя, ни вас "жалеть" я не имею права". С приходом Беляева взвод связи стал образцовым в дивизионе.

Особенно доставалось начальнику связи в дни наступлений, когда приходилось постоянно выходить на линию связи, под обстрел. В первые же дни появления на Сучане (Геннадий прибыл в полк 1 июля 1942 года, на два месяца позднее, чем я) только случайность спасла ему жизнь. Тогда связисты-телефонисты его взвода в свободное от дежурства время наспех построили под большой елью блиндаж. Вернее, просто шалаш. Утром 3 июля противник начал сильный артиллерийский обстрел из 155-мм пушек. Связь с НП и батареями прервалась. Рация почему-то вышла из строя, и Беляева из шалаша позвали к радистам, находившимся в отдельном блиндаже, метрах в двадцати. Гена еще не дошел до радистов, как его оглушило взрывом снаряда, попавшего прямо в дерево, под которым находился шалаш. Взрывная волна разметала шалаш в стороны, осколками снаряда убило двух бойцов, пятерым были нанесены тяжелые ранения. Когда потрясенный и оглушенный громким взрывом и свистом осколков он вскочил с земли, куда его отбросило взрывом, то на месте шалаша увидел лишь разбросанные изуродованные тела товарищей.

Сердце громким молотом стучало в груди, но Гена этого не замечал. Перед ним корчились в муках умирающие бойцы, на которых он так надеялся. В ушах стояли их крики и стоны, ноздри втягивали пропитанный едким запахом взрыва воздух. Только что он чудом уцелел, но вполне возможно, что обстрел повторится и придет его очередь. А еще надо помочь раненым...

Подбежав к месту взрыва, Беляев какое-то мгновение в отчаянии смотрел на неподвижные искаленные тела, на беспомощно распластавшихся тяжелораненых, на ползущих по земле бойцов. Сначала он бросился к тем, неподвижным, не смея поверить в смерть доверенных ему людей... Геннадий запомнил на всю жизнь эти краткие минуты и те бесконечно долгие часы, когда вместе с оставшимися в живых бойцами-радистами он сделал перевязки и наложил жгуты тяжелораненым красноармейцам, а потом они тащили их, стонавших и терявших от боли сознание, на медпункт полка...

Я ничего не придумал, описывая состояние Беляева. Знаю по себе, что так оно и было! Не все сейчас представляют, что стоит за скупыми строчками со

словами: "ранило", "убило"... Поэтому и захотелось хоть раз показать это. Поставь себя на место Беляева, читатель!

Жестокий урок не прошел даром: скоро связисты научились строить прочные укрытия. Но большую часть времени им приходилось вместе со своим командиром проводить "на линии", прячась от обстрела за кочку, дерево или используя для этого свежую воронку. Не знаю, как удалось Гене уцелеть.

Когда Геннадия избрали секретарем партбюро дивизиона, ему шел двадцать первый год. Ни теоретической подготовки, ни опыта работы он не имел. Хорошо, что немного знал комсомольскую работу - вступил в комсомол в 1935 году и все время активно участвовал в комсомольской жизни. Здесь, на Сучане, ему помогали, главным образом, личный пример старших и то, что костяк партийной организации составляли в основном старые опытные коммунисты: связист Сергей Васильевич Архипов - коммунист ленинского призыва, рабочий из Наро-Фоминска; начальник штаба дивизиона капитан Андреев, бывший работник Харьковского тракторного завода (погиб на Сучане в декабре 1942 года) и другие. Беляев работал, руководствуясь их советами и наставлениями. Главной задачей для себя и своих боевых товарищей он считал честное выполнение воинского долга.

Партийная организация полка уделяла очень большое внимание росту ее рядов за счет передовых бойцов и командиров. К концу нашего пребывания на Сучане в управлении 2-го дивизиона три четверти состава были коммунистами, а во взводе Беляева из тридцати трех человек коммунистами стали тридцать два. Взвод связи так и называли взводом коммунистов.

Вспоминаю Беляева, Филиппова, Ипполитова, Таню Волкову и думаю: какими же взрослыми были эти совсем молодые люди на войне! А главное, что они сами считали себя такими и не просили и не думали ни о каких скидках на молодость. Когда же приходил опыт - все становилось по плечу!

Отличившиеся в боях на Сучане бойцы и командиры за мужество и отвагу получили ордена и медали. Наград было не так уж много, и они не были щедрыми. Беляева наградили орденом Красной Звезды, Мартынова - медалью "За отвагу", меня - медалью "За боевые заслуги". Эта первая в моей жизни медаль и знак ветерана Северо-Западного фронта, полученный много лет спустя, - память о тяжелых боях, о тех, кто навсегда остался на Сучане. Хочется привести здесь слова поэта Матусовского, на себе познавшего, каким был Северо-Западный фронт:

...Мы, встав здесь однажды, не двигались вспять,
Решив не сдаваться на милость.
Наверно, поэтому нас убивать
По несколько раз приходилось...¹⁹

Невольно думаю сейчас, когда пишу эти строки: быть раненым на безлюдном, где почти не было боев, участке фронта на берегу Волги в 1941 году и

¹⁹ Матусовский М. На Северо-Западном фронте. М., 1975, Т. 1. С. 407.

остаться живым, без единой царапины, на унесшем столько жизней Сучане - это ли не парадокс войны!

Нашу 55-ю дивизию со времен боев на Сучане в шутку стали называть то "непромокаемой", то "болотной". И, может быть, не случайно мы потом попали на Припятские, а позднее - на Пинские болота. Здесь дивизия получила название Мозырской, была награждена орденом Красного Знамени, а наш арtpолк - орденом Суворова III степени. Но уверен: эти успехи закладывались в боях на болоте Сучан!

...В декабре 1942 года нас перебросили с правого на левый край "рамушевского коридора". Леса, к которому мы уже так привыкли, здесь не было. Только снежные поля и редкие кустики. А как же строить блиндажи? Первые ночи, когда дивизия еще только сосредоточивалась на новом месте, спали просто на снегу, подстелив под себя ветки или случайно уцелевшую плащ-палатку. На такой "постели" я не мог проспать всю ночь беспробудно, как это получалось у Мартынова. А он, проснувшись утром, прямо на снегу, не вставая, на удивление всем нам, запевал что-нибудь веселое. Песен этот добрый и веселый человек знал множество, и одна была лучше другой - напевные, мелодичные, веселые и грустные, они ласкали слух и успокаивали душу. Но мне было не до песен. За ночь я вскакивал пять-шесть раз и, шлепая себя по окоченевшим бокам руками, носился, как очумелый, пытаюсь отогреться.

Правда, Мартынов спал в шубе, а я в шинели, так как офицером стал недавно.

Приближался Новый - 1943-й год. Улучив момент, я послал весточку домой:

"Поздравляю с Новым годом! Желаю в нем всего хорошего, а главное - здоровья! Живу сейчас в палатке. Мама, наверное, будет теперь беспокоиться, что холодно мне. Нет, мама, солдату, видать, и на Северном полюсе будет жарко! К тому же, и одет я прекрасно. Долго ли пробуду здесь - не знаю. Самое вероятное, что скоро опять буду на фронте. Надо немцев уничтожить, жизнь налаживать..."

Под Новый год наша дивизия заняла оборону. Мы разжились блиндажиком. Привезли лошадьми бревна издалека, за много километров. Потом ночью на руках подтаскивали к месту, где намечался штаб дивизиона. Блиндажик был низенький, но уютный. Появилась у нас и маленькая елочка без всяких украшений, но зато зеленая и пушистая.

Ночь под первое января 1943 года была тихая и звездная, с крепким морозом. Вражеская передовая замолчала. Гитлеровцы, наверное, попрятались в свои блиндажи, оставив часовых, напяливших на ноги громадные соломенные лапти - мы их часто находили во вражеских окопах.

А у нас - отличное новогоднее настроение! И не только из-за полученных наград. Хотя наш фронт не имел успехов, но уже чувствовалось, что после разгрома немецких войск под Сталинградом не за горами время, когда и мы начнем окружать и бить фашистов!

В двенадцать часов ночи на нашей передовой застрочили автоматы, полетели в небо ракеты. Вся передовая, не сговариваясь, как бы заявляла фашистским воякам: "Ну, держитесь, близок час расплаты с вами! Будет вам еще не один Сталинград! Начавшийся самопроизвольный новогодний фейерверк завершили "катюши". "Заиграв" где-то совсем близко, они выпустили в черное ночное небо оранжево-огненные стрелы, расчертившие его яркими полосами. Ракеты пронеслись над нами. На вражеском переднем крае загрохотали взрывы. Немецкая оборона молчала.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Из вечернего сообщения 30 декабря 1942 года

ИТОГИ 6-НЕДЕЛЬНОГО НАСТУПЛЕНИЯ НАШИХ ВОЙСК НА

ПОДСТУПАХ К СТАЛИНГРАДУ

К середине сентября месяца 1942 года немецко-фашистские войска были остановлены Красной Армией под Сталинградом.

Ход войны показал, что стратегический план немецкого командования, состоявший в том, чтобы захватить Сталинград, отрезать центральную европейскую часть Советского Союза от волжского и уральского тыла, окружить и взять Москву, - был построен на песке, без учета своих реальных сил и советских резервов.

Полной противоположностью ему был стратегический план окружения и разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом, созданный Верховным Главнокомандованием Красной Армии.

Этот план осуществлен нашими войсками в ноябре - декабре 1942 года тремя этапами.

Бои под Горбами

Позднее, где бы дивизия не воевала, если надо было подчеркнуть убийственную тяжесть артиллерийского обстрела или особую жестокость боя, мы обычно говорили: "Совсем как под Горбами". Так называлась деревня в конце "рамушевского коридора". Эта деревня была на карте, но уже не существовала: фашисты сожгли и разрушили ее по неизвестной причине.

Это был тот период, когда советские войска, воодушевленные победой под Сталинградом, вели успешное наступление на многих участках фронта. Мы прибыли под Горбы в суровые январские морозы и были брошены в брешь, пробитую в немецкой обороне. Враг отчаянно сопротивлялся. Чтобы обескровить готовившиеся к наступлению советские войска, фашисты использовали свою многочисленную артиллерию, находившуюся в полукольце окружения. Ее налеты были массированными и точными: гитлеровцы организовали звукозасечку наших батарей, использовали для корректировки огня азростаты. Стоило нашему орудию сделать три-четыре выстрела, как на наши огневые позиции тотчас обрушивался шквал артиллерийского огня нескольких вражеских батарей. Людей, лошадей и пушки спасали мощные укрытия из бревен и земли, которые мы

строили, не жалея сил. И все-таки каждый день мы теряли кого-нибудь из связистов, разведчиков, огневиков, командиров взводов и батарей.

Проводная связь во время боев под Горбами почти не работала. После жестоких артиллерийских налетов оставались лишь отдельные куски провода, соединить которые было невозможно. Каждые сутки прокладывались новые линии, но и они работали всего по 10-15 минут: осколки мин и снарядов снова секли их на мелкие куски. Помню, в один из дней, когда шел тяжелый бой и надо было обеспечить связь во что бы то ни стало хотя бы на несколько часов, комиссар полка майор Анатолий Францевич Циш приказал всему политсоставу полка вместе со связистами выйти на линии связи и восстанавливать провод.

На начальника связи дивизиона Беляева было страшно смотреть. Он исхудал и почернел; от мороза и бессонных ночей глаза у него постоянно слезились, белки глаз воспалились, покраснели. Иногда героическими усилиями всего взвода телефонную связь удавалось восстановить, но ненадолго... Вблизи переднего края телефонные линии артиллеристов и стрелковых подразделений часто шли рядом. При одновременном повреждении нескольких линий связисты не сразу находили нужные концы, ошибались. На одни ошибки накладывались другие, и тогда по одной линии можно было сразу услышать многих, не столько говоривших, сколько мешавших друг другу. Такая связь становилась бесполезной.

Во время боев я в большинстве случаев находился в штабе дивизиона, помогая начальнику штаба капитану Тирикову в обеспечении стрельбы батарей и подготовке боевых донесений. Капитану было уже за сорок. Ко мне он относился как отец к сыну. И я стремился во всем ему помогать.

В один из первых дней боев под Горбами капитан приказал мне пойти на НП дивизиона и уточнить его местоположение. До НП было километра 3-4. Я пошел, как всегда, один. Пройдя километр, стал пересекать большое поле, где ночью был произведен мощный огневой налет. Вражеские снаряды буквально перепахали его вдоль и поперек, кругом чернели глубокие воронки. Земля, копоть, снег, сбитые и посеченные мелкие деревья и ветки кустарника - все смешалось. В воздухе еще стоял запах пороха. Один из тяжелых снарядов попал прямо в то место, где вчера был наш штабной блиндаж. Взрывом разбросало бревна наката по сторонам, часть их валялась в образовавшейся воронке.

Поневоле съезжившись, я быстро перебежал обстрелянный участок, затем перешел через замерзший ручей и стал подниматься по заросшему редкими кустами лугу. Там, где начинался лес, увидел блиндаж. Он оказался пустым. Посидев немного на его крыше, я определил по карте свое местонахождение и пошел дальше.

Сказывалась близость передовой. Впереди время от времени трещали автоматы - и наши, и немецкие. Но пули еще не долетали до меня. Поле пересекли глубокие колеи от танковых гусениц, и, посмотрев, куда они ведут, я заметил сбоку, в кустах, два Т-34. Почему-то перевел взгляд с танков на небо и вдруг ясно увидел две черные точки, летящие прямо на меня. Мгновенно шлепнулся в снег, и тотчас оглушили два близких разрыва. Ни раньше, ни позже мне не приходилось

видеть, как летят мины. А сейчас, если бы я их не заметил, то, наверное, не успел бы упасть в снег до их разрыва...

Полуоглушенный, я вскочил и бросился в лес. Снеговой покров между деревьями, посеревший от копоти и выброшенной взрывами земли, пестрел многочисленными воронками. Многие деревья были повреждены артиллерийским и минометным обстрелом. Я перебежками пробирался дальше, прячась за уцелевшими деревьями. Рядом то и дело громко щелкали разрывные пули немецких автоматов. При ранении такой пулей образуется рваная, трудно заживающая рана.

Сейчас стрельба шла в лесу, и при каждом, самом легком соприкосновении с веткой или стволом дерева, пули разрывались, издавая громкий, щелкающий звук.

Наконец малозаметная тропа, на которую я случайно наткнулся, привела меня к блиндажу. Спрыгнув в узкий проход, я нагнулся, чтобы побыстрее забраться в убежище. Но не тут-то было. В блиндаже люди буквально лежали друг на друге. Кое-как втиснувшись поверх всех, я пробрался к Мартынову. Дневной свет слабо проникал сюда. Лицо Мартынова казалось серым, выросшая за несколько дней щетина на щеках и подбородке изменила его черты.

- Зачем тебя сюда принесло? - спросил он.

Я протянул ему карту и попросил нарисовать передний край, спросил, где НП. Оказалось, что НП дивизиона и батарей находится метрах в 200-300 впереди, в воронке от тяжелого снаряда. Мартынов сидел в ней вместе с разведчиком Алалыкиным весь вчерашний день, порядком перемерз, но зато хорошо изучил передний край немцев. Идти сейчас на НП бессмысленно, убьют. Стрельбу комбаты ведут отсюда, ориентируясь по звукам разрывов.

Я отметил на карте примерное местонахождение НП и блиндажа, а Мартынов нанес на нее линию переднего края. Почувствовав, что тела подо мною начали шевелиться, сполз в проход. Надо было вылезать обратно.

- Подожди немного, - остановил меня Мартынов.

И почти сразу же после его слов многочисленные разрывы затрясли блиндаж. Обстрел кончился так же внезапно, как и начался.

- Теперь иди, - сказал Николай. - Они, гады фашистские, по расписанию сегодня работают!

Я попрощался, вылез из блиндажа и, подстегиваемый автоматными очередями, побежал обратно. От только что избитой минами земли пахло стгоревшим толом. Где-то справа ухали разрывы тяжелых снарядов. Сильно запыхавшись, перешел на быстрый шаг. Хотелось скорее выйти из опасного места. У блиндажа, где мне удалось передохнуть по пути на НП, увидел лежавшего навзничь мертвого красноармейца. Принес ли его кто сюда или тут его и убило - понять было трудно.

Когда я вернулся, в штабной землянке Тирикова не было, его вызвали на командный пункт полка. В мое отсутствие одна из наших батарей, находившаяся почти рядом со штабом дивизиона, открыла стрельбу. Гитлеровцы сразу же засекли ее: едва забрался в землянку, как кругом стали рваться снаряды. Было

разбито орудие. Один из снарядов упал у входа в землянку. К счастью, он не разорвался...

Я понимал, что батарею нельзя оставлять на старом месте. Как только она снова откроет огонь, ее могут уничтожить. Не исключено, что налет повторится сегодняшней ночью: тогда на месте батареи останется месиво из земли и железа, и тогда никакие укрытия не спасут орудия. "Надо готовить запасную огневую позицию",- решил я и распорядился от имени Тирикова. За ночь ОП была оборудована: сделаны укрытия для орудий и снарядов, блиндажи для орудийных расчетов. Я подготовил данные для стрельбы, выбрав целью вражескую передовую впереди НП, на котором только что побывал и в правильности координат которого не сомневался. Вернувшийся Тириков одобрил мое решение.

Перед рассветом связь с НП восстановилась. Командир батареи, узнав о случившемся, приказал перетащить орудия на новые огневые. За какой-нибудь час батарея снова была готова к стрельбе...

Через несколько дней поступил приказ сменить места наблюдательных пунктов и максимально приблизить их к немецкому переднему краю, чтобы, по возможности, вести прицельный огонь. Стало еще труднее: стояли трескучие морозы, а на глазах у немцев невозможно было ни построить блиндаж, ни вырыть землянку, разве что просто яму в снегу. Пищу доставляли на передний край остывшей, а иногда и замерзшей. Чтобы дотащить термос до НП, надо было проявить немало мужества. Помню случай, когда один из бойцов струсил и вернулся на кухню с полным термосом, так и не накормив наших разведчиков, радистов и Мартынова. Командир дивизиона Новиков, бывший в этот день на огневых, вытащил пистолет и приказал бойцу немедленно идти обратно, пообещав расстрелять, если тот не отнесет пищу своим же товарищам. Фамилию бойца не называю. Позднее он был награжден медалью "За отвагу".

Мы никогда не теряли убитыми и ранеными столько людей, как в эти дни. На передовой наступил критический момент. Не было возможности укрыться от обстрела, согреться от лютого мороза; даже чистого снега для утоления жажды не могли найти. Гасла надежда уцелеть, теряла смысл сама жизнь. Она становилась тягостной, с ней легко было расстаться, не дожидаясь осколка или пули, стоило расслабиться, опустить руки, сказать себе: все равно убьет... Но мысль, что такая гибель равносильна предательству, что все - эти муки придется принимать кому-то другому, если струсить, сподличать, не выдержать до конца, заставляла людей все перенести, выстоять.

У родителей сохранилось мое письмо тех дней:

"...Вы, наверное, судя по газетам, думаете, что здесь боев нет,- о нашем фронте сводки ничего не говорят. Но война здесь идет жестокая. Убитых немцев по высотам и лесам валяется порядком. Таких боев я еще не видывал! Черт бы побрал этого Гитлера - свалился он нам на голову! Но мы его, конечно, вразумим! Только сегодня одни мы выпустили полторы тысячи снарядов! А бывают деньки и погорячее!"

Обычно я старался не очень волновать отца и мать своими письмами, но тут не выдержал. Да и обидно было: сводки Информбюро наш фронт упорно замалчивали...

Именно тогда, под Горбами, я еще ближе сдружился с сержантом-радистом Сашей Ипполитовым и хочу сказать о нем несколько слов. Узнав о нападении фашистов, семнадцатилетний Саша сразу же подал заявление в военкомат о досрочном призыве в армию. Вначале попал в 1-й Московский отряд особого назначения радистом. Во время последнего немецкого наступления на Москву отряд занял оборону западнее Клина. Саша стал невольным свидетелем того, как в течение двух-трех дней через позиции отряда с запада на восток, в Клин, отходили группами и в одиночку, конные и пешие, измученные и голодные красноармейцы и командиры, потерявшие связь со своими частями. Среди них было много раненых. Утром 1 декабря в бою при прорыве в сторону Яхромы Ипполитов был ранен. Рана была не тяжелая, но идти он не мог. До отказа набитая ранеными санитарная машина застряла на лесной дороге из-за перегрузки. Когда пули немецких автоматов засвистели над машиной, она быстро опустела. Водитель все же сумел вырвать ее из грязи, доставив Ипполитова и одного тяжелораненого в Яхрому.

В течение одиннадцати дней, проведенных на переднем крае, ему довелось испытать страх и голод, угрозу смерти и плена, пережить горечь отступления и другие неурядицы того периода войны. Ипполитову казалось, что он уже посвящен в солдаты-фронтовики. И только потом, когда после почти пятимесячного лечения в госпиталях и пребывания в запасных полках Саша второй раз попал на фронт, теперь уже Северо-Западный, понял, что глубоко ошибался. Настоящим солдатом и фронтовиком он стал только здесь, на болоте Сучан и под Горбами!

Рассказ о Саше хочется закончить его же словами, которые он сказал на одной из наших ветеранских встреч:

- Я считаю, что родился дважды: первый раз меня родила мать; а второй раз, уже как гражданин, я родился в боях на Северо-Западном фронте.

Очень верные слова!

Никогда позже от наших бойцов не требовалось такого напряжения, такого количества духовных и физических сил, сколько их было отдано за две недели боев под Горбами!

Ненависть к противнику теперь постоянно прорывалась в наших разговорах. "Вот придем в Германию, я там никого не пожалею, ни старуху, ни ребенка!", - горячился девятнадцатилетний сержант Евгений Комаров, командир отделения разведки нашего дивизиона, сменивший погибшего сержанта Зайца. В 1941 году у него погибла вся семья: отец и старший брат - на фронте, а мать - в тылу под фашистскими бомбами. Женя воевал смело и отважно. Немецкий снаряд, разорвавшись рядом с наблюдательным пунктом, искромсал его тело до неузнаваемости. Не стало еще одного моего товарища. И похоронку послать некому...

Большинство знакомых мне солдат и офицеров были настроены по отношению к немцам примерно так же, как сержант Комаров. Да и в тылу, узнавая о зверствах оккупантов, люди не могли простить этого врагу. Отец писал мне в те дни: "Танюшка спрашивает, сколько ты убил фрицев?" Моей любопытной племяннице шел... шестой год!

Тогда слова "немцы, фрицы, фашисты" одинаково обозначали ненавистных нам оккупантов.

Это было до появления известной редакционной статьи в газете "Правда", разъяснившей разницу между фашистами и немецким народом. В статье говорилось, что гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается и не может стать объектом мести. Наш ум понимал эти истины, но сердце болело по погибшим и не сразу подчинялось разуму.

Как-то, когда я был в нашем блиндаже один, в штаб пришли с НП командир дивизиона Новиков и начальник разведки Мартынов. Новиков стал рассказывать что-то смешное о Мартынове. Я молчал. Только вчера мы потеряли одного из командиров батарей. Нового офицера еще не прислали. "Почему Новиков не назначает меня командиром батареи? - думал я с обидой.- Ведь справился бы, а значит, смог бы делать больше, чем делаю. И так было бы честнее перед самим собой! Может, Новиков считает, что я не настоящий офицер, раз получил звание на фронте без военной школы, да еще всего четыре месяца назад? Или кто-то рассказал ему о моих раздумьях, когда он назначил меня командиром взвода? Но это уже в прошлом!" Бои под Горбами сделали из меня совсем другого человека: теперь, не раздумывая, согласился бы принять батарею.

Командир дивизиона, словно разгадав мои мысли, стал внезапно серьезным:

- Слушай, Малиновский! Я ведь понимаю, почему ты молчишь. Хочешь, чтобы я тебя назначил командиром батареи? Знаю, ты с этим справишься. И завтра же принесут тебя сюда убитого или еще через день притащат собачьей волокушей умирающего в медсанбат. А скажи, что ты видел в жизни? Ты ведь и девушку ни разу не поцеловал!

Мартынов поддержал его. Лишь через год, уже на другом фронте, когда у нас выбыл один из комбатов, Новиков назначил меня на его место, да и то временно.

Почему он так поступил? - задаю я себе вопрос. Старший по возрасту и лучше познавший цену жизни, видевший уже не одну безвременную смерть, он, думаю, искренне хотел, насколько было в его силах, помочь молодому старательному сержанту дожить до обычного человеческого счастья, казавшегося таким несбыточным и прекрасным в те суровые и страшные дни.

Трудно предугадать повороты судьбы! И все-таки считаю: если бы не командир дивизиона Новиков, - не уцелеть бы мне в те убийственные дни жестоких обстрелов и лютых морозов...

Трагедия под Лешошкино

Наступление зимой на хорошо укрепленные позиции противника - есть ли что-нибудь труднее?

55-я СД была введена в прорыв под Горбами для наступления на деревню Лешошкино, чтобы наконец закрыть "рамушевский коридор".

Все лето сорок второго гитлеровцы строили мощные защитные сооружения на своей стороне коридора - минные поля, проволочные заграждения, многочисленные ДЗОТы с ходами сообщений и рядами траншей в полный рост. А теперь яростный мороз, сковавший землю, помогал врагам: наши бойцы не могли

вырыть временное укрытие и надежно спрятаться от огня. Оружие становилось ненадежным помощником. Держать его голыми руками, всегда готовым к действию, в таких условиях могли только сильные люди.

И все-таки наша дивизия, закаленная в предыдущих боях, сумела сделать невозможное! 7 января 1943 года 111-й и 228-й стрелковые полки в жестоком бою при поддержке танковых подразделений прорвали оборону противника и овладели деревней! 8 января в прорыв был введен 107-й СП под командованием гвардии майора Ефима Кондратьевича Вербина, чтобы закрепить успех. Но случилось непоправимое: наступление других частей захлебнулось, фланги дивизии остались открытыми. В то же время командование армии и фронта не спешило принять нужные меры...

Немецкое же командование, понимая, что успех наших войск грозит окружением его 16-й армии, действовало очень оперативно. В тот же день к Ловошкино противник подбросил свежие силы со значительным количеством танков и самоходок. Наступая со стороны ничем не защищенных флангов, они уже к вечеру восстановили старую линию обороны. Вырвавшиеся к Ловошкино батальоны 107-го СП, ряд подразделений 228-го полка и группа артиллеристов нашего полка оказались отрезанными от основных сил.

Штаб 107-го СП и его командир гвардии майор Вербин для лучшего управления боем переместились к переднему краю и теперь оказались лицом к лицу с вражескими автоматчиками, преградившими им путь к батальонам. Телефонная связь с батальонами была сразу прервана, а радиостанций там не было. 9 и 10 января для связи с окруженными, для доставки им боеприпасов и вывоза раненых использовались танки.

В сложившемся положении были возможны два решения: либо попытаться вывести обратно попавших в окружение, либо оказать дивизии необходимую помощь, чтобы закрепить достигнутый успех. К сожалению, командование 11-й армии, как и прежде, ограничилось полумерами. Дивизия получила приказ - захваченный рубеж во что бы то ни стало удержать, оставшимися силами пробиться под Ловошкино и продолжать наступление²⁰. Была обещана помощь, но только на словах...

Не перевелись и на втором году войны генералы Горловы из пьесы "Фронт", которые еще думали и действовали по канонам гражданской войны и знали только одно слово для приказа: вперед!

А теперь я хочу предоставить слово бывшему начальнику штаба 107-го СП Локтионову, который лучше меня знал происходившие трагические события, поскольку был их непосредственным участником.

"Вечером 10 января был получен приказ комдива о переносе КП 107-го полка в район Ловошкино. Командир полка гвардии майор Вербин решил для прорыва использовать танки. Но танки уже не могли прорваться через линию фронта, так как дорога находилась под сильным артиллерийским огнем противника. Положение на КП было очень тяжелым. Находился он в небольшом блиндаже с траншеями впереди и по бокам. Немецкие пулеметчики и снайперы

²⁰ Ивушкин Н.Б. Место твое впереди. М., 1986. С. 120. 101

простреливали всю территорию КП. Артиллерийский огонь противника все больше и больше уничтожал лес, который редел прямо на глазах.

Наступило утро 11 января. Гвардии майор Вербин поставил задачу штабу полка и штабным подразделениям прорваться к подразделениям полка. Противник встретил нашу группу сильным пулеметным и артиллерийским огнем. Летела в воздух земля, падали подкошенные взрывом деревья, воздух наполнился запахом горелого пороха. Были убитые, были раненые. Продвижение приостановилось. Мы залегли под огнем противника. Не удалось использовать и момент, когда в районе намеченного прорыва через передний край проходили два наших танка из-под Лешовкино. Немцы перенесли на них огонь орудий прямой наводки. Снаряды рвались на броне и сбивали находившихся на танках раненых.

В это время к участку, где начал прорыв штаб 107-го СП, подоспел учебный батальон дивизии под командованием майора Шилова. Штаб полка еще раз сделал попытку прорваться с этим батальоном. Но снова артиллерия противника и его пулеметы не дали возможности совершить прорыв. Майор Шилов был тяжело ранен. Мне особенно запомнился во время этого боя один из курсантов учебного батальона. Он лежал недалеко от танковой дороги, под деревом, широко разбросав в стороны руки. Левая рука у локтя была оторвана, и кровь окрасила снег в багряный цвет. Широко открытые глаза удивленно смотрели вверх, но были неподвижны. Он был мертв.

Снова пришлось отходить, помогать раненым. Попытка прорыва не удалась.

12 января из штаба дивизии были присланы две радиостанции для переброски в подразделения 107-го СП и установления связи с батальонами. Но попытки перебросить их в ночное и утреннее время успеха не имели.

В ночь на 13 января через передний край противника из окружения вышел офицер с двумя солдатами и доложил командиру полка, что немцы часто атакуют окруженные подразделения, боеприпасов и продовольствия не хватает. Об этом было доложено полковнику Зайнцелю. В эту же ночь в распоряжение гвардии майора Вербина был направлен вновь сформированный батальон под командой старшего лейтенанта Николаева. Батальон имел только стрелковое оружие, запас боеприпасов и необходимое продовольствие. В батальоне было около двухсот человек.

13 января в предрассветной тишине батальон Николаева цепочкой двинулся по тропке, которую указывал вырвавшийся из окружения офицер. К счастью, немцы не освещали свой передний край. Пропустив две роты батальона, я вернулся за штабом полка и гвардии майором Вербиным. Они шли за мной по узкому следу, проложенному батальоном. Замыкала движение третья рота. Так мы миновали передний край противника. В лесу было по-прежнему тихо. Немцы нас не обнаружили.

Наступал рассвет. Бойцы двигались бесшумно, рассредоточенно, в полной готовности к бою. Перешли небольшую поляну. Внезапно из-за кустов послышался шорох, и впереди показались какие-то черные фигуры. Резко прозвучал окрик: "Хальт". Немцы открыли пулеметный огонь. Рота и штабные подразделения залегли и открыли ответный огонь. Завязался бой. Через полчаса, когда уже совсем рассвело, немцы прекратили огонь и отошли. Была выслана

разведка в сторону Лешовкино по танковой дороге. Разведчики доложили, что противника нет. Гвардии майор Вербин принял решение немного продвинуться вперед, так как до Лешовкино оставалось уже недалеко, и выбрать место для КП полка, прикрыв его стрелковой ротой батальона. Такое место было выбрано в хорошо сохранившемся лесу. По радио передали координаты КП полка в штаб дивизии. Вербин приказал мне лично связаться с командирами батальонов в Лешовкино, уточнить обстановку на месте, проверить оборону подразделений и связь между ними, узнать обстановку в других частях, находящихся под Лешовкино, и возвратиться на КП полка.

В этот же день я два раза пытался пробраться по танковой дороге в сторону Лешовкино и каждый раз натыкался на немецкие патрули, которые открывали огонь.

Утром 14 января вместе с командиром артдивизиона 84-го АП капитаном Новиковым нам удалось пройти по танковой дороге. По пути обнаружили трупы двух солдат, убитых немцами. Видимо, это были связные, посланные из окруженных батальонов. Никаких документов при них не оказалось.

Тем временем под Лешовкино сложилась тяжелая обстановка. Батальоны 107-го СП занимали оборону на одном из флангов группировки окруженных частей. Командование группировкой было поручено старшему по званию офицеру из соседней дивизии, часть которой тоже попала в окружение. При нем имела работающая радиостанция. Удерживаемый район обороны занимал не более 2-2,5 км по фронту и в глубину не более одного километра. Это был участок лесного массива с довольно высокими деревьями и кустарником. Часто попадались и низменные, болотистые места. Перед фронтом находилась деревня Лешовкино.

Было много раненых. Их размещали в шалашах из еловых лап и легких блиндажах, где можно хоть немного укрыться от холодного ветра, а ночью чуть-чуть согреться у небольшого костерка. Оружие никто из раненых не сдавал, берегли и боеприпасы. Знали: вокруг немецкие подразделения. 16 января с утра немцы возобновили атаки, которые бойцы отбивали с большим упорством, но при этом берегли патроны и стреляли только по целям. А гранаты у нас тогда были просто на вес золота. Их мы берегли особенно.

17 и 18 января окруженных обстреливала вражеская артиллерия. Немецкие подразделения вели себя более или менее спокойно. Видимо, что-то замыслили против обороняющихся. Тем временем уже давал о себе знать голод. В день люди получали по половине сухаря. Жевали снег. Пробовали ветки сосен и елей. Как-то бойцы одной из групп решили разогреть в котелке снег и выпить горячей воды. Нашли ель, под которой снег казался наиболее чистым. Но когда он растаял, вода оказалась с запахом пороха, а на дне котелка были два небольших осколка от снаряда.

Ночью немцы пытались в отдельных местах вклинить в нашу оборону, но их попытки были отбиты. Видимо, они вели разведку.

18 января командир части, возглавлявший командование всей группировкой, вызвал всех командиров к себе, в том числе и меня. Он сообщил,

что получен приказ командующего армией на выход всей группировки из-под Леошкино своими силами и что выход он назначает на 19 января.

Прошла еще одна тревожная ночь. Утром 19 января со стороны Леошкино противник подтянул пехоту и около 10 часов утра при поддержке артиллерии перешел в наступление. Видимо, немецкое командование решило нанести удар по нашей группировке и ликвидировать ее. Подпустив гитлеровцев к лесу, мы открыли сильный пулеметный огонь, остановили и рассеяли наступающие цепи. После этого, оставив заслон, начали отход. Нам удалось выйти на КП 107-го СП. Мне показали, где находится командир полка гвардии майор Вербин. Мы встретились, обнялись. Доложил ему о выходе из-под Леошкино. Подходили подразделения других частей. О нас было доложено командиру 55-й СД Зайюльеву. Получили приказ - всех оставить в районе КП полка и организовать оборону. Командование возложено было на гвардии майора Вербина.

Однако с выходом на КП 107-го СП всей группы, находившейся под Леошкино, положение осталось напряженным. До нашего переднего края было далеко, а кругом немецкие подразделения. Надо было снабжать всю группу боеприпасами и питанием. Командование пыталось для этого использовать самолеты У-2, но они мало помогали. За период с 19 по 22 января было сброшено всего несколько мешков сухарей и несколько мешков с боеприпасами. Как-то были сброшены мешки с ракетами, но при падении они взорвались. 22 января подобраны два мешка с салом.

Личный состав был истощен и утомлен. Тяжело стало подниматься, трудно было передвигаться. Но моральный дух у всех был высоким.

Немцы часто кричали, чтобы мы сдавались, грозили уничтожить. Но мы верили, что выдержим. Уверенность и силу вселял в бойцов и командиров гвардии майор Вербин. Он спокойно отдавал приказы и всегда находился там, где возникала перестрелка. Казалось, он был сразу во всех местах обороны.

Первые дни ожидали подхода наших новых частей, чтобы продолжать выполнение поставленной задачи на перерез "рамушевского коридора". Но затем был получен приказ командира дивизии полковника Н.Н. Зайюлева на выход всей группировки. Выход был назначен на 3 часа 23 января.

Были созданы группы прорыва, две боковых группы прикрытия и группа прикрытия с тыла. В середине выходящей группировки должны были идти раненые - те, кто мог самостоятельно передвигаться, и те, кого надо было выносить.

В группу прорыва были выделены подразделения 107-го СП. Командование ими было возложено на старшего лейтенанта Николаева.

Была составлена последняя строевая записка. На 23 января во всей группе, которой командовал гвардии майор Вербин, числился 781 человек, из этого количества было 410 раненых. Всего же активных штыков, как тогда называли строевые подразделения, было менее половины группы. Вдобавок это были люди, физически истощенные, не способные на длительное ведение боя.

К назначенному времени все было уточнено, бойцам были поставлены задачи. Розданы последние запасы боеприпасов. Были сгруппированы раненые, которые сами решили стать в строй с оружием.

Ровно в три часа 23 января группа прорыва атаковала передний край. По ранее обнаруженным огневым точкам противника был открыт огонь, а штурмовые группы атаковали их с флангов. Вражеская оборона была взломана, уничтожены огневые точки на переднем крае.

В штаб дивизии передали радиogramму о начале выхода.

После прорыва обороны противника я продвигался с гвардии майором Вербиным. Не один раз мы вместе уточняли по компасу направление, по которому должна была идти на прорыв вся группа. Боковые группы следовали за группой прорыва.

Противник яростно огрызался. На всем пути били огневые точки. Вражеские минометы вели беспорядочный огонь по нашему расположению.

И хоть продвижение проходило медленно, до переднего края нашей обороны осталось совсем немного. Теперь нам предстояло ударить по немцам с тыла и прорваться через их передний край.

...Темная ночь. Мутно белеет снег, освещаемый вспышками выстрелов и осветительными ракетами. Озаренные их ярким светом, кусты и деревья кажутся какими-то громадами. Люди падают на снег, ожидая сгорания ракеты. С визгом и шелканьем летят над головами пули.

Когда мы вышли к небольшой поляне, Вербин послал меня с группой бойцов пересечь ее и разведать, что находится на опушке леса. Достигли середины поляны, и тут в воздух взлетели две осветительные ракеты. Противник стал поливать нас пулеметным огнем. Бойцы группы прорыва сразу открыли огонь по пулеметам противника. Я стал поднимать бойцов, но никто из них не поднялся. Подполз к одному, другому - все оказались убитыми. Пришлось возвратиться к Вербину. Это была моя последняя встреча с ним.

После подавления огневых точек противника гвардии майор Вербин направил меня на левый фланг прорывающейся группы, чтобы организовать последний бросок, а сам остался на правом фланге. На левом фланге группы прорыва оказались бойцы и командиры 84-го АП и других подразделений. По сигналу ракеты левофланговая группа, стреляя, стала перебегать поляну. Снег был глубокий, и передвигаться было очень трудно. Ноги стали тяжелыми, непослушными. А немцы снова открыли огонь. Наша группа продвигалась, одновременно ведя огонь по противнику.

Забрезжил рассвет. Ничего не осталось в памяти о переходе переднего края противника и нашей обороны. Помню только, что все как-то смолкло, кажется, куда-то стал падать, уходила из-под ног земля. Быть может, получил контузию. Вскоре увидел наших бойцов. Кто со мной вышел, не помню. Сел у дороги на снег. Подошли несколько бойцов, спрашивают: "Есть хотите?" Дали хлеба. Но есть я не мог.

Вышедших бойцов и командиров направляли в медсанбат. Гвардии майор Вербин и старший лейтенант Николаев погибли при последнем броске группы. По неполным данным, из-под Лешошкино удалось вырваться не более 150 человек. Но эти данные приблизительные. Из состава 107-го СП вышли 35 человек.

Хочу сказать еще раз об исключительном мужестве гвардии майора Вербина. Он правильно оценил сложившуюся обстановку, твердо и четко отдавал приказы, проявлял исключительную требовательность к себе и действиям других командиров. Он смог создать и постоянно поддерживал высокую дисциплину и постоянную боевую готовность всего личного состава вплоть до самопожертвования. В те дни коммунисты и комсомольцы проявили исключительные образцы выносливости, отваги и добросовестного отношения к выполнению боевой задачи. Вот коротко, что могу Вам сообщить о боях под Лешошкино".

К рассказу Н.С.Локтионова добавлю, что он сам проявил незаурядное мужество, умение руководить боем в окружении и был награжден орденом Красной Звезды.

Инструктор политотдела дивизии Иван Александрович Иохим, выходец из немцев Поволжья, тоже оказался в окружении. Вот его бесхитростный рассказ:

"11 января сформированная командиром дивизии группа прорыва, в которую входил и я, при поддержке нескольких танков пыталась прорваться к окруженному 107-му СП. Танк, за которым бежали я и еще несколько человек, был подожжен. От него повалил густой дым. Пользуясь возникшей дымовой завесой, наша группа пробилась через немецкий передний край и соединилась с окруженными. Остальные танки были подбиты, прорыва не получилось.

Через несколько дней во время одного из обстрелов меня ранило осколком в грудь. Я потерял много крови (перевязку некому, да и нечем было сделать), и меня затащили в одну из трех землянок, где находились раненые. К 22-23 января обстановка стала критической. Все попытки высвободить нас не увенчались успехом. Продовольствия не было ни грамма. Патроны заканчивались. Из двух раций собрали питание для одной, но и она дышала на ладан. За два дня до этого произошло событие, которое ускорило решение командования о нашем самостоятельном прорыве. Ночью к нам в плен попал заблудившийся немецкий фельдфебель, который наткнулся на наше боевое охранение. Поскольку я был единственным человеком, владевшим немецким языком, мне пришлось вести допрос. Выяснилось, что пленный в составе бригады горных егерей (номер уже не помню) был переброшен сюда из Скандинавии. Ночью их бригада сменила находившуюся на нашем участке потрепанную немецкую часть и получила задачу уничтожить окруженную в лесу русскую группировку. Эти данные мы сообщили командованию, и в ночь на 23 января получили приказ прорываться к своим.

Днем мне принесли щепотку сухарных крошек. Это была вся моя пища за 10-11 дней. Сообщили, что ночью прорываемся. Состояние у меня было тяжелое, голода я уже не чувствовал, сил передвигаться не было. Досаждало несметное количество вшей, переползавших на меня с трупов, которых в землянке было уже больше десятка. Я попросил вытащить меня, когда начнется отход, или, в крайнем случае, пристрелить, но не оставлять живым...

Но случилось так, что обо мне забыли, а может, просто совесть не позволила пристрелить. Сообщил мне об отходе наших пленный немец, который находился в блиндаже со связанными телефонным проводом руками. Что

заставило его это сделать - трудно понять. Возможно, он считал, что его перед уходом пристрелят, а может, подействовало гуманное с ним обращение наших бойцов... Как бы там ни было, я, уцепившись за него, выбрался из нашего склепа. Была глубокая ночь. Снег - выше колен. Мороз -20°С. Все уже ушли далеко вперед. Мимо пробирались шедшие сзади раненые - кто с палкой, а кого тащили на палатке.

Вдруг в лесу раздалось громовое "Ура-а-а!", и началась стрельба. Не знаю, откуда у меня вдруг появилась такая прыть, но я ринулся вперед за всеми. Немцы были буквально ошеломлены нашим "Ура!", тем более ночью, в лесу, видно, они этого не ожидали. В какой-то момент я вскочил в воронку от бомбы, где стояли три фрица с поднятыми руками у станкового пулемета, но на них никто не обращал внимания. Пробежав еще и окончательно выбившись из сил, я упал в снег. Кругом наступило затишье. Холода я не чувствовал и уже смирился с тем, что мне больше не подняться. И вдруг кто-то рядом мощно закричал:

- Товарищи, вперед! Осталось сто метров! Здесь - смерть, там - жизнь! - это был голос командира полка Вербина. Не в состоянии подняться, я пополз и вскоре увидел пушку, покрашенную в белый цвет, и услышал русскую речь. Это все, что осталось у меня в памяти.

Очнулся в блиндаже командира дивизии Заиюльева. Его первый вопрос был: "Где Вербин?" Что на это я мог ответить...²¹. Затем - медсанбат, лечение от истощения, а потом - фронтовой госпиталь, где был извлечен из грудной клетки злосчастный осколок.

Особо следует сказать о массовом героизме наших воинов. У бойцов не было возможности укрыться от непрерывного обстрела - на всех было три землянки, да и те были заполнены ранеными. Сильные морозы, отсутствие пищи и медицинской помощи, нехватка боеприпасов до предела усложнили обстановку. Но не было случаев, чтобы кто-то смалодушничал. Все коммунисты и комсомольцы, вышедшие из окружения, сохранили свои партийные и комсомольские билеты, награды и знаки различия. В моей планшетке вместе с другими документами были листовки на немецком языке, разоблачавшие преступную клику Гитлера и обращения к немецким солдатам с призывом сдаваться в плен²². Нетрудно догадаться, что меня ожидало, попадись я им живым в руки. Вот, пожалуй, и все из этой эпопеи".

Остается добавить, что Ивану Александровичу в те дни шел двадцать второй год.

Не могу не сказать еще об одном человеке - командире батальона 107-го СП капитане Борисе Полякове. За отвагу и умелое проведение боев в окружении под Ловошкино он был награжден орденом Красного Знамени. После выхода из окружения капитан был назначен командиром 107-го СП. Через полгода в боях на Курской дуге двадцатилетний командир полка погиб... О его коротком, но славном боевом пути подробно рассказано в книге Н.Б.Ивушкина²³.

²¹ Судьба Вербина неизвестна. Вероятнее всего, этот человек, спасший многих людей, сам погиб в последние минуты выхода из окружения, что подтверждается и рассказом Н.С.Локтионова. - Авт.

²² И.А.Иохим отвечал в политотделе за антифашистскую пропаганду.

²³ Ивушкин Н.Б. Место твое впереди. С. 113, 114, 108.

Командир нашего дивизиона Александр Данилович Новиков, начальник разведки дивизиона Мартынов, разведчики и часть связистов взводов управления в дни наступления на Ловошкино продвигались вместе с подразделениями 107-го СП и тоже оказались в окружении.

14 января, находясь под Ловошкино, Новиков получил переданный по радиации приказ начальника артиллерии дивизии: ночью выйти из окружения, занять старый НП и быть в готовности к прорыву восстановленной линии обороны гитлеровцев, когда начнется выход из окружения основной части войск.

"Хорошо помню,- вспоминает А.Д.Новиков,- лютой мороз той тревожной ночи под Ловошкино. Я собрал свою группу и доложил командиру полка Любимову о готовности выполнить приказ. Пошли по "танковой дороге". Впереди Мартынов с разведчиками, за ними - остальные. До старой передовой километров двенадцать. Прошли благополучно весь путь, оставалось метров пятьсот, когда группа Мартынова наткнулась на немцев и завязала бой. Мы поспешили на помощь. Гитлеровцы открыли сильный огонь. Нас спасли многочисленные воронки от тяжелых снарядов и авиационных бомб. Забрались в них, осмотрелись. Фигуры бежавших на нас врагов, освещенные светом луны, были хорошо видны. Не выдержав нашего ответного огня, они отошли. Вероятно, это был отряд, посланный закрыть последний узкий проход на Ловошкино..."

Группе удалось прорваться почти полностью. Не вышли два связиста. Судьба их осталась неизвестной. Среди окруженных находился с первого до последнего дня командир артиллерийского полка Петр Андреевич Любимов с группой управления, имевшей радиосвязь с огневыми позициями. Не раз во время атак гитлеровцев пушки и гаубицы полка открывали огонь. При этом доставалось обеим сторонам. Ведь это был огонь "на себя".

В донесении от 25 января 1943 года командующий артиллерией 55-й СД полковник И.С. Зарецкий указывал: "Перед фронтом дивизии действовало до 20 немецких батарей калибром 75, 105, 155 и 210-мм. Кроме того, действовали минбатарей, количество которых не установлено. ...Приказ командования дивизии артиллеристы 84-го АП выполнили с честью".²⁴.

После выхода из окружения Н.С.Локтионова вызвали на КП дивизии. Там его направили к начальнику штаба генерал-майору Шмыго. В его землянке Локтионов доложил о боях под Ловошкино и о выходе из окружения. Кто еще находился в землянке он не видел - было темно. После его доклада из угла вдруг поднялся комдив Заиюльев, подошел к нему и с досадой сказал: "Лучше бы ты погиб, а не Вербин!"

Эти слова, обращенные к человеку, чудом избежавшему смерти, требуют пояснения. Комдив Заиюльев, по рассказам хорошо его знавших однополчан, был человеком своеобразным. Он не любил штабистов всех рангов и игнорировал свой штаб. Мог неделями не разговаривать с начальником штаба дивизии, часто отменял его приказы. Это, конечно, не способствовало успеху боевых действий дивизии и было вызвано предельным самолюбием и недалекостью комдива. Звание Героя Советского Союза Заиюльев получил в боях на озере Хасан, будучи

²⁴ ЦАМО СССР. Ф. 55 СД. Оп. 1. Д. 53. Л. 50.

командиром батальона. Недостаток военного образования восполнял личной храбростью. С началом боя он уходил в полки, батальоны на самые ответственные и тяжелые участки. Здесь главными качествами командира считались самообладание и бесстрашие, а он имел их в избытке и чувствовал себя в своей стихии. Его присутствие поднимало боевой дух солдат и командиров, способствовало выполнению поставленной перед полком или батальоном задачи. Однако остальные полки дивизии оставались в это время без управления со стороны комдива.

Гвардии майор Вербин был опытным и умелым командиром. Заиюльев понимал, что его гибель - большая потеря для дивизии. Возможно, он чувствовал, что и сам во многом виноват в случившемся. В его словах, обращенных к Н.С. Локтионову, слились вместе и боль утраты, и горечь от неудачного наступления, и презрение к "штабистам", одним из которых был начальник штаба 107-го СП.

"Еще хочу написать о встрече с Заиюльевым в 1945 году в Москве,- заканчивает свой рассказ Н.С.Локтионов.- Тогда он уже был в звании генерала. Мы случайно увидели друг друга на улице. Он интересовался судьбой дивизии, а потом спросил у меня, почему мало наград. Значит, не заслужил, отшутился я, воевал не за награды! В ответ он сказал, что недостаточно хорошо относился к людям, мало награждал. Это еще один штрих его характера".

У артиллеристов нашего дивизиона после боев под Горбами и Ловошкино орденов и медалей не добавилось. "Но для тех, кто уцелел, сама жизнь разве не была бесценной наградой!" - невольно думаю сейчас, когда пишу эти строки.

Последний бой

В конце января пришел приказ: двигаться к Старой Руссе. Когда во время похода дивизион растянулся по заснеженному полю почти на полкилометра, в нашем расположении стали рваться снаряды. День был ясный, солнечный. На немецкой стороне мы увидели два едва заметных азростата. Однако немецкие наблюдатели, наверное, плохо видели разрывы. А может быть, учитывая возможность близкого окружения, приберегли снаряды для более трудного времени. Скоро обстрел прекратился, не принес нам никакого вреда.

...Передовая под Старой Руссой проходила по сосновому лесу. Таких высоких и стройных сосен я нигде еще не встречал. В районе наших НП неожиданно увидел Мартынова... высоко-высоко на сосне, почти на ее вершине. Дерево оказалось таким высоким, что надо было иметь большое мужество на него залезть.

Я с трудом дошел до НП. Каждые 300-400 метров приходилось искать пенек, чтобы присесть, а иногда прислониться к дереву, пока утихнет сильнейшая колющая боль под левой лопаткой. Что со мной - я не знал, к врачу не обращался. Очевидно, сказалось, что после ранения сразу попал на фронт, не успев восстановить силы, и сейчас, после многих месяцев постоянного нервного и физического напряжения, они были на исходе. А может, причиной была бессонная ночь: над нашим блиндажом то и дело свистели тяжелые снаряды, разрываясь поблизости и тяжело сотрясая землю.

На этот раз я решил "привязать" НП с помощью стереотрубы - иначе определить точное местоположение мартыновской сосны было невозможно. Поэтому со мной пошли все красноармейцы моего небольшого взвода: Захаров, Рыбаков, Негин, Суриков и Кувалдин. Рыбаков нес уложенную в футляр стереотрубу, Негин - треногу к ней в брезентовом чехле, а Суриков - планшет и рейку для измерения расстояний.

Моим помощникам, за исключением двадцатилетнего Сурикова, было под сорок. Все они были вятчиками и до войны имели самые "мирные" профессии. Захаров "на гражданке" работал учителем математики, Рыбаков - завмагом, Негин - бухгалтером, Кувалдин - портным. Несмотря на то, что каждый из них был почти вдвое старше меня, у нас установились теплые товарищеские отношения. Я старался не подвергать бойцов опасностям - когда требовалось пойти на НП и при этом не нужно было брать прибор, всегда ходил один. А когда был свободен, вместе со всеми участвовал в строительстве блиндажей. И красноармейцы отвечали заботой за заботу. Делились, когда прижимало, последним куском хлеба. Помню, в трудные времена, когда из-за оттепели на много дней прекратился подвоз продуктов, ко мне с котелком в руке подошел Кувалдин.

- Товарищ младший лейтенант! - сказал он.- Мы вот очистки картофеля под снегом нашли и сварили. Это - ваше...

Придя на НП к Мартынову, мы долго искали поблизости какие-нибудь ориентиры, но их не оказалось. Только к вечеру удалось точно установить на карте, где находится пересечение двух просек, расположенное примерно в полутора километрах от НП. Отсюда и начали привязку. Перед тем как стало темнеть, я нанес на планшет и карту Мартынова по маленькому треугольнику, обозначавшему место наблюдательного пункта.

Наступление под Старой Руссой началось утром 23 февраля. Заурчали "катюши" - они всегда первыми открывали артподготовку. К ним присоединились орудия нашего полка и поддерживающая дивизию тяжелая артиллерия Резерва Главного Командования. От мощного артиллерийского огня задрожала земля. Выстрелы орудий, сливаясь с разрывами снарядов на вражеской передовой, заглушали все остальные звуки и сотрясали воздух сплошным мощным гулом.

Время от времени прорывались хорошо знакомые нам раскатистые и рыкающие звуки мощных ракетных снарядов, выпускаемых поодиночке специальными установками; воронки от них были похожи на воронки авиационных бомб.

Наиболее тяжелый бой развернулся в районе станции Марфино. Один из его эпизодов рассказал позднее, на встрече ветеранов, бывший начальник разведки первого дивизиона старший лейтенант Константин Михайлович Лосев.

Костя появился у нас в полку в августе, во время боев на болоте Сучан. Теперь командир дивизиона поручил ему поддержать бой одного из передовых батальонов. Для двадцатилетнего комсомольца, всего полгода назад окончившего артиллерийское училище, это было первое серьезное задание, чуть не стоившее ему жизни и потому запомнившееся. Вместе с ним были разведчик и телефонист. Впереди, в полукилометре, - вражеский передний край. Справа вдалеке смутно

вырисовывалась окраина Старой Руссы. Вокруг - небольшой кустарник и мелколесье. Сзади, почти рядом, стояла хорошо замаскированная полковая пушка, подготовленная для стрельбы прямой наводкой.

После небольшого затишья немцы, перегруппировавшись, перешли в контратаку. Большой отряд автоматчиков и два самоходных орудия противника пересекли шоссе и двинулись на роты батальона, которые залегли. Одновременно усилился вражеский артиллерийский и минометный обстрел. Доложив по телефону командиру дивизиона о сложившейся обстановке, Лосев получил приказ открыть заградительный огонь, но внезапно связь оборвалась. Связист побежал искать повреждение. А тем временем контратакующие приближались к нашим позициям, ведя сильную стрельбу из автоматов.

Рядом ухнул выстрел. Это полевое орудие открыло огонь по наступающему противнику, но после двух выстрелов замолчало. Лосев подбежал к орудию и увидел, что командир его убит, а расчет в замешательстве. Не задумываясь, старший лейтенант крикнул:

- Слушай мою команду! По ближней самоходке.

Бойцы словно ожидали этих слов. Они бросились к пушке и точно выполнили команды новоявленного командира. Третьим снарядом самоходное орудие было подбито.

- По второй самоходке... - снова скомандовал Лосев, и вдруг в ушах у него возник какой-то сплошной звон, вытеснивший трескотню автоматов, а слева горячо пахло пороховой копотью и гарью. Повернув голову туда, он увидел в нескольких шагах от себя еще дымящуюся воронку от взрыва снаряда или мины. К нему подбежал разведчик и стал что-то беззвучно кричать. Орудие продолжало стрелять, но звуки его выстрелов теперь воспринимались, как едва слышные хлопки...

Вскоре атака была отбита. Фашисты понесли большие потери и были отброшены назад, за шоссе.

Через день слух у Кости восстановился. В боях под Старой Руссой ему повезло дважды. Несколькими днями позже, когда фашисты были уже выбиты с занимаемых позиций, Лосев вместе с разведчиками проходил мимо построенного немцами блиндажа. Его двойные стенки, между которыми была засыпана земля, служили бы хорошей защитой, если бы не открытый вход в блиндаж, обращенный к противнику. Начался артиллерийский обстрел. Лосев с разведчиком бросились в блиндаж, где уже находилось несколько человек из стрелковых подразделений. Через открытый вход были видны блески огня, вылетающие из ствола вражеского орудия, которое било прямой наводкой. Внезапно какое-то предчувствие заставило Лосева выскочить из блиндажа и спрятаться за его заднюю стенку. Следом за ним сюда прибежал разведчик. Только они присели, как раздался сильный приглушенный взрыв, затем треск, крики и стоны. Стенка блиндажа пошатнулась, но осталась целой. От снаряда, разорвавшегося внутри, погибли все, оставшиеся в блиндаже...

Наша дивизия и соседние с ней части сумели прорвать вражескую линию обороны, но развить успех полкам оказалось не под силу. Ведь гитлеровцы затратили на укрепление своих позиций почти год. Дивизию отвели на отдых.

После нескольких дней боев немецко-фашистские войска, боясь полного окружения в районе Демянска, стали отходить. Наши войска шли за ними по пятам, нанося большие потери. Демянский плацдарм врагов был ликвидирован.

За осень и зиму 1942-1943 годов Северо-Западный фронт упоминался в сообщениях Совинформбюро лишь однажды (23 февраля 1943 г.). 1 марта 1943 г. Совинформбюро сообщило:

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС ЛИКВИДАЦИЯ УКРЕПЛЕННОГО ПЛАЦДАРМА ПРОТИВНИКА В РАЙОНЕ ДЕМЯНСКА

В сентябре 1941 года немецко-фашистским войскам удалось прорваться юго-восточнее озера Ильмень и занять силами 16-й немецкой армии район Залучье - Лычково - Демянск и далее на восток до берегов озер Велье и Селигер. В течение последующих 17 месяцев противник упорно и настойчиво стремился удержать за собой захваченный плацдарм и превратил его в мощный укрепленный район, назвав его "Демянской крепостью". Немцы рассчитывали использовать этот укрепленный район для развертывания удара на важнейшие коммуникации Северной группы наших войск. За это же время указанный район неоднократно был ареной ожесточенных боев, в которых перемалывались немецкие дивизии.

На днях войска Северо-Западного фронта под командованием маршала Тимошенко перешли в наступление против 16-й немецкой армии. В ходе боев наши войска, прорвав на ряде участков сильно укрепленную полосу противника, создали реальную угрозу двойного окружения немецко-фашистских войск. Противник, почувствовав опасность окружения, начал под ударами наших войск поспешное отступление на запад.

За 8 дней боев наши войска, неотступно преследуя противника, освободили 302 населенных пункта, в том числе город Демянск и районные центры Лычково, Залучье. Очищена от противника территория площадью в 2350 квадратных километров.

За восемь дней боев наши войска захватили в плен 3000 немецких солдат и офицеров.

За это же время взяты следующие трофеи: самолетов - 78, танков - 97, орудий разного калибра - 289, пулеметов - 711, а также большое количество боеприпасов и много другого военного имущества.

Противник оставил на поле боя более 8000 трупов".

Позднее военные историки напишут: "Операции советских войск на западном и северо-западном направлениях, проведенные в начале 1943 года, тесно связаны со стратегическим наступлением на юге. Хотя они и не достигли поставленных целей, враг был лишен возможности усиливать свои группировки на южном крыле советско-германского фронта за счет групп армий "Центр" и "Север". Это значительно облегчило Советской Армии не только успешно осуществить операции под Сталинградом, на Верхнем Дону, харьковском и донбасском направлениях, но и отразить попытку контрнаступления врага.

Ликвидация плацдармов в районе Ржева и Демянска практически сняла угрозу наступления противника на московском направлении."²⁵

Бои за Демянский плацдарм бывший начальник штаба 16-й немецкой армии генерал-лейтенант Бек-Баренц назвал "мельницей" - уменьшенным "Верденом первой мировой войны"²⁶.

Только убитыми 16-я немецкая армия потеряла здесь до 90 тысяч человек²⁷. Добрая половина этой цифры приходится на потери от артиллерийского огня. Северо-Запад был единственным участком вражеского фронта, за пребывание на котором каждый фашистский солдат получал памятную медаль.

...И вот мы снова на марше, но двигаемся уже не в сторону фронта, а в противоположном направлении. Многих дорогих товарищей, самоотверженно деливших с нами фронтовые невзгоды, теперь рядом нет.

За триста дней пребывания на Северо-Западном фронте 84-й АП потерял столько убитыми и ранеными, что если бы не пополнение, он перестал бы существовать. Большинство артиллеристов выбыло из полка по ранению. Но много было и таких, которые разделили судьбу старших лейтенантов Манушкина и Бызова, сержантов Зайца и Комарова, старшего лейтенанта Филиппова, капитана Трегубова и Тани Волковой... В стрелковых полках потери были в несколько раз больше...

Передо мной лежит письмо, которое не могу читать без сердечной боли:

"Уважаемый Борис Николаевич!

На Ваше письмо и просьбу сообщаю следующее.

Весь послевоенный период в нашей местности идет поиск и перезахоронение останков погибших воинов на воинские кладбища в Новой Деревне, Васильевщине, Кузьминском. Здесь на воинском кладбище увековечены имена 8 тысяч советских воинов. В Васильевщине - более 500. Только нынче из района между Васильевщиной и Бяково членами поискового отряда "Долг" Парфинского РК ВЛКСМ вынесены останки 125 воинов и 9 мая с воинскими почестями похоронены на воинском кладбище в Новой Деревне. В сентябре там же были похоронены найденные останки еще 200 воинов...

На мемориальные доски заносятся все новые и новые имена...

Ветеран Великой Отечественной войны Белокуров Иван Павлович.

15.XI.1989 г."

А ведь кроме этих деревень, оказавшихся в расположении фронта, который растянулся на многие километры, были Горбы, Легошкино и многие другие.

И сколько еще найдут в этих местах и с почестями похоронят безвестных воинов! Кто-то из них в годы войны был погребен наскоро, как Манушкин, кто-

²⁵ История второй мировой войны, 1939-1945. М., 1976. Т. 6. С. 146.

²⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941-1945. М., 1961. Т. 11. С. 474.

²⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941-1945. М., 1961. Т. 11. С. 474.

то, будучи убитым, затонул в болоте, был занесен снегом, присыпан землей, которая густо поросла травами...

И вот Северо-Западный фронт позади. Эшелон за эшелоном покидали станцию.

Под мерный стук колес теплушки написал домой письмо.

"...Я не знаю, что будет впереди, но сейчас мы двигаемся все дальше и дальше в тыл. Почти год простояли в обороне. Привыкли жить в блиндажах и землянках, в лесу и в поле. За эту зиму я практически не снимал шинели и шапки, они как бы стали частью моего тела, особенно шапка. Без нее мне сразу как-то не по себе. Но все это пустяки! Главное, видите: я жив и здоров, и мы научились воевать!"

Передний край стал нашей школой. Здесь мы учились быть настоящими солдатами, становились боевыми командирами. Нашими учителями были собственная совесть, пример товарищей и... ненавистные нам враги.

Прощайте, болото Сучан, деревня Горбы и Старая Русса! Прощайте и вы, фронтовые товарищи, навеки оставшиеся на новгородской земле! Мы, живые, еще расплатимся с гитлеровцами за ваши загубленные жизни!

На переднем крае бывало по-разному. Одно дело, когда враг тебя не видит. Другое - когда ты в поле зрения и действия противника и тебя в любой момент может убить или ранить, но где нужно быть, несмотря на угрозу смерти, мороз, жару и голод... Когда знаешь, что противник обнаружил тебя, стараешься сделать все, чтобы избежать опасности. Но часто это невозможно: по условиям боевой обстановки необходимо быть именно здесь. Жестокое испытание, которому подвергаются люди в таких условиях, способствует укреплению в них высокого гражданского долга и взаимовыручки либо порождает трусов и предателей. На глазах друг у друга, день за днем, проходили мы суровую проверку, деля опасности пополам. Фронтная дружба, зародившаяся на Сучане и под Горбами, еще не раз придет на выручку в трудные минуты. И теперь, через много лет после войны, она собирает на встречи и живых и погибших - ведь они в нашей памяти, в нашем сердце, а значит, всегда с нами!

На Курской дуге

Степной, Центральный, 1-й Белорусский и 3-й Прибалтийский фронты, Порккала-Удд - таким был дальнейший боевой путь дивизии. А на моем пути добавился еще и эвакогоспиталь в городе Мозырь.

В первых числах мая наш эшелон остановился в голой степи у станции Быково под Касторной. Вручную, используя солдатскую смекалку и канаты, спускали мы орудия вниз с десятиметровой насыпи. А затем маршем, с длительными остановками двинулись по курской земле. В пути получили пополнение - людей, боевую технику, автомашины. В стрелковые полки и в наш арtpолк пришли моряки с Дальнего Востока - молодец к молодцу. Новички быстро освоились и скоро ничем не отличались от наших ветеранов. Пушки и гаубицы тащили машины. Сначала это были американские "шевроле", но они вскоре вышли из строя, а потом - мощные "студебеккеры". Лошади у нас все же

были, но только кавалерийские. Тяжеловозов отдали почти всех, оставив по одной упряжке на дивизион.

Все было хорошо, но случилась неувязка: две недели пришлось сидеть без соли. Обидно: суп густой, наваристый, каша сочится маслом - давно такой роскошной еды не видели, а начинаешь есть - назад выворачивает...

Чаще всего мы останавливались в оврагах, иногда в деревнях. Соловьи заливались тут всюду, отстаивая свою честь называться курскими.

На деревенских околицах вечерами собирались девушки. Пели звонкими голосами под стать соловьям, лихо танцевали с нашими солдатами, вспоминая, наверное, при этом своих парней, ушедших на войну.

Но отдых наш продолжался недолго. Дивизия получила задание построить линию обороны, и началась тяжелая повседневная работа. Стрелковые подразделения рыли окопы полного профиля, строили дзоты и траншеи. Артиллеристы готовили огневые позиции, снарядные погреба, наблюдательные пункты и данные для стрельбы. И хотя фронт проходил очень далеко от нас, делалось все это, как на войне.

Когда в одном месте работа заканчивалась, мы ночным маршем продвигались вперед и снова занимались тем же самым. Почти всех солдат и офицеров дивизии "обкатывали" танками. На специально подготовленном поле танки утюжили траншеи, заполненные бойцами. Пропустив машины над головой, бойцы забрасывали их "гранатами" и отсекали "огнем" бежавшую за ними "пехоту".

В начале июня наша дивизия сделала еще один бросок вперед и снова построила мощную линию обороны. Впереди, в 20-25 километрах, была станция Поныри. Теперь между врагом и нами остались только наши фронтовые части.

Близился день начала великой битвы на Курской дуге. 5 июля впереди загремела канонада. Наш артполк был поднят по тревоге, и мы выступили к станции Поныри. К полудню дивизионы сосредоточились в лесистом овраге недалеко от железной дороги Москва - Курск. Впереди, километрах в десяти, грохотал бой. К нашему расположению подъехал бронепоезд. Остановившись у группы деревьев, тянувшихся вдоль насыпи, он произвел сильнейший огневой налет в сторону Поньрей. Раньше я только слышал о бронепоездах и лишь сейчас воочию убедился в огромной мощи его многочисленных орудий. Совершив три огневых налета, бронепоезд укатил обратно.

Тем временем появились вражеские бомбардировщики. И сразу же им наперерез ринулись наши истребители. Послышалась частая дробь авиационных пулеметов. Немецкий бомбардировщик, который летел первым, выпустил пышный дымный хвост и с воем пошел к земле. То же самое случилось еще с одним. Остальные успели сбросить несколько бомб на железнодорожное полотно, высыпали дождь листовок и повернули на запад. "Это вам не сорок первый год!" - невольно подумалось мне.

Одну из сброшенных листовок принесло ветром прямо к нашему блиндажу. Враги пугали, что начинают новое, страшное по силе наступление и что теперь никто не спасет нас. Поэтому надо бросить оружие и с белым флагом выходить навстречу наступающим фашистским войскам. Не первый раз немцы пытались

агитировать нас сдаваться в плен. На Сучане их листовки вали по-другому. Но мы ни тогда ни теперь не верили ни одному слову захватчиков.

Весь день прошел в напряженном ожидании приказа о вступлении в бой. Впереди, на передовой, до вечера не прекращался гул гигантского сражения. Над полем боя стояло пыльное марево, над которым почти все время кружили самолеты. Шла непрерывная артиллерийская стрельба. С нашей стороны ее дополняло прерывистое урчание "катюш". Мимо нас проползали к передовой танки и самоходки. Бойцы и офицеры, возвращавшиеся оттуда в тыл, рассказывали, что немцы пустили в ход новую технику - танки "тигры" с усиленной броней и мощные самоходные орудия "фердинанды". Но это им не принесло успеха: наши танки и самоходные орудия, артиллерия и пехота подбивали и поджигали прорвавшие оборону вражеские машины. Минные поля, противотанковые гранаты, бутылки с горючей смесью - все шло в ход.

Враги упорно рвались вперед. Передовая понемногу приближалась к нам. Все слышнее и отчетливее становились звуки боя. Понесся огромный потери, гитлеровцы к концу дня на несколько километров потеснили наши части.

Только вечером мы получили приказ о вступлении в бой. Наш 84-й артиллерийский полк был выведен из состава 55-й дивизии и вошел в состав 5-й артиллерийской дивизии прорыва, приданной 307-й СД 13-й армии, защищавшей Поныри.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО **Из вечернего сообщения 5 июля 1943 года**

С утра 5 июля наши войска на Орловско-Курском и Белгородском направлениях вели упорные бои с перешедшими в наступление крупными силами пехоты и танков противника, поддержанными большим количеством авиации. Все атаки противника отбиты с большими для него потерями, и лишь в отдельных местах небольшим отрядам немцев удалось незначительно вклиниться в нашу оборону.

По предварительным данным, нашими войсками на Орловско-Курском и Белгородском направлениях за день боев подбито и уничтожено 586 немецких танков, в воздушных боях и зенитной артиллерией сбито 203 самолета противника.

Бои продолжаются.

В ночь на 6 июля батареи нашего полка выдвинулись вперед, к оборонявшимся частям и заняли огневые позиции в извилистом и широком овраге, охватывающем Поныри с южной стороны.

Взводы управления за ночь продвинулись в расположение стрелковых батальонов и оборудовали там наблюдательные пункты. К утру заработала связь, батареи готовились открыть огонь.

Лишь только начался рассвет, над нами - я был вместе с начальником штаба дивизиона в одном из блиндажей - появились фашистские бомбардировщики.

Волна за волной они налетали на овраг и бомбили не пикируя, боясь тратить время, потому что к ним тут же устремлялись наши истребители. Земля

беспрерывно содрогалась от мощных взрывов, и все же блиндажи, глубокие окопы и укрытия спасали орудия и людей.

На передний край и наш овраг обрушился шквал огня фашистской артиллерии и минометов. От прямых попаданий в укрытия появились первые раненые и убитые. Но теперь мы уже не были посторонними наблюдателями: вражеское наступление разворачивалось на наших глазах, и мы стали участниками битвы. Наши пушки и гаубицы открыли ответный огонь. И слева и справа за многие километры от нас стоял гул развернувшегося вчера сражения. Орудийные залпы наших батарей, разрывы вражеских снарядов и бомб, время от времени находивших очередную жертву,- так продолжалось до самой ночи.

К концу дня надолго нарушилась связь с командиром дивизиона Новиковым. Начальник штаба, капитан Агапов, назначенный вместо Тирикова, переведенного в другой дивизион, послал меня к Новикову, чтобы взять последние данные для боевого донесения. Уже темнело, когда я нашел командира дивизиона. Он находился на наблюдательном пункте, недалеко от побитой снарядами и бомбами деревенской церкви. К тому времени обстрел уже утихал, и все равно, пока я бежал туда и обратно, пока с трудом искал продолжение линии связи в местах повреждений, пришлось несколько раз упасть на землю: неподалеку, а то и совсем рядом, так что зловещее пение осколков слышалось почти над головой, рвались снаряды и мины.

Следующий день - 7 июля - по ярости обстрела, а особенно бомбежки, превзошел все виденное мною до сих пор, включая бои под Горбами на северо-западе. С раннего утра стаи немецких бомбардировщиков нависли над Понырями и нашим оврагом. Над местечком поднялось пепельно-серое марево. В воздухе велись постоянные воздушные бои. Наши истребители то и дело сбивали немецкие самолеты, но они шли и шли, волна за волной, по пятьдесят, а то и по сотне самолетов одновременно. В первые два дня вражеского наступления наш участок фронта был для противника не основным. Главный удар фашисты наносили в направлении местечка Ольховатка, в нескольких десятках километров левее нашего расположения, однако существенного успеха там не добились. Теперь они делали ставку на захват Поныррей с дальнейшим продвижением на Курск. На штурм этого небольшого местечка, состоявшего всего из нескольких сотен домов, которое обороняла 307-я дивизия 13-й армии Центрального фронта, гитлеровцы бросили две полностью укомплектованные личным составом и боевой техникой пехотные дивизии и более 200 танков. "Здесь разгорелась одна из самых жестоких битв за время восточного похода",- напишет позднее один из немногих оставшихся в живых немецких офицеров, участвовавших в наступлении на Поныри²⁸.

Тогда мы не знали стратегических замыслов врага, да и не наше дело было их разгадывать, но, чувствуя невероятную напряженность боя, ожесточенность артиллерийского огня и бомбежки, поняли, что подошли решающие часы и дни наступления гитлеровцев.

²⁸ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941-1945. М., 1964. Т. 3. С. 260.

При очередном налете немецких пикирующих бомбардировщиков, - уже не помню, каким он был по счету - рядом рванула пятисоткилограммовая бомба, спрессовав всех нас безудержно нарастающим воем и оглушительным взрывом в натянутый до предела комок мышц и нервов. Наш блиндаж подпрыгнул, сдвинулся в сторону, а потом закачался в судорогах взрывной волны. Начальник штаба капитан Агапов, придя в себя от порохового смрада, заполнившего блиндаж, и от заложившего уши взрыва, пробормотал то ли нам, то ли себе:

- Чуть-чуть еще - и перенесло бы нас из сегодняшнего ада прямешенько к богу в рай!..

Все уточняющие, но не подлежащие печати дополнения в адрес Гитлера и всей фашистской сволочи я убрал из этой фразы, а они шли почти за каждым словом и завершали мысль капитана. Отважный офицер, плюсун и известный всему полку остряк, Агапов сумел сохранить самообладание и в эти, прожитые рядом со смертью мгновения.

После каждого налета капитан прикладывался к бутылке водки и отпивал несколько глотков. Это была его слабость, тоже известная всем. Из-за нее он и оказался у нас, расставшись с более высокой должностью в штабе полка. Когда ко второй половине дня бутылка опустела, мне поневоле пришлось исполнять обязанности начальника штаба.

...Весь этот день Геннадий Беляев и его связисты делали невозможное: лишь только связь со штабом полка, с батареями, с командиром дивизиона Новиковым прерывалась, а это было постоянно, они сразу же находили и исправляли повреждение, не считаясь с бомбежкой и обстрелом.

При каждой вражеской атаке, а их было пять в течение дня, мне звонили из штаба полка и требовали сведения о положении в батальонах, о действиях поддерживающих их батарей, передавали приказы начальника штаба и командира полка. В таких случаях четко работающая связь спасала меня.

Для штаба и командира полка штабы дивизионов были глазами и ушами, которые оценивали положение на линии непосредственного соприкосновения с противником. Расположение наших и вражеских траншей, окопов, огневых точек на участке действия дивизиона, местонахождение огневых позиций и наблюдательных пунктов батарей и командира дивизиона, потери в личном составе и в технике во время боя - все это оперативно должно было доноситься в штаб полка и подытоживаться ежедневным письменным боевым донесением. Для соблюдения секретности при сборе сведений предпочтение отдавалось проводной (телефонной) связи, которая, в отличие от радиосвязи, обеспечивала большую скрытность передаваемой информации. Но это давалось дорогой ценой. Забегая вперед, скажу, что после десятидневного немецкого наступления во взводе связи осталась лишь треть его состава. Потери у связистов были такие же, как и в стрелковых ротах, даже больше - ведь им постоянно приходилось находиться под обстрелом без всяких укрытий. А это было во много раз опаснее, чем пережить обстрел или бомбежку в блиндаже.

Для меня теперь работы и обязанностей добавилось. На Северо-Западном фронте, где неделями, а то и месяцами сохранялось примерно одинаковое расположение рот и батальонов, боевых порядков наших батарей и основных

целей у противника, штаб полка мог, в крайнем случае, обойтись и без ежедневных донесений из дивизиона. Здесь же местность была незнакомой, обстановка быстро менялась, а штаб полка требовал точных и самых последних сведений. И если прерывалась связь, мы не могли ждать, пока ее починят. В таких случаях, как это и было вчера, выяснить обстановку на переднем крае обычно поручали мне. Да у начальника штаба и не было другой возможности - Мартынов на НП, Беляев - на линии связи, вот и оставался командир топовзвода, освободившийся к моменту боя от своих прямых обязанностей по "привязке" огневых позиций и наблюдательных пунктов батарей и дивизиона.

К концу дня, когда гитлеровцы последним отчаянным штурмом захватили северную часть Поньрей, из штаба стали требовать к телефону Агапова, который спал мертвецким сном. Никакие мои отговорки, что капитан ушел на передовую и еще не вернулся и связи с ним нет, не действовали. Увидев, что Агапов зашевелился, я растолкал его и едва успел рассказать ему про захват окраины Поньрей, как по телефону снова потребовали начальника штаба. Связист протянул ему трубку.

- Тр-р-рубка слушает! - громко и раскатисто, словно подавая команду, прокричал капитан.

Я уже раскаивался, что растолкал его, но было поздно: начальник штаба полка читал Агапову по телефону грозную нотацию. Сразу протрезвев от жестокого разноса, капитан попытался связаться с Новиковым и батареями. Однако связь, поврежденная при последней вражеской атаке, не работала. Тогда Агапов послал меня к командиру дивизиона узнать обстановку на передовой.

А бой еще продолжался, и немцы из всех сил пытались продвинуться дальше. На околице местечка раздавались автоматные очереди, рвались мины. Ближе и ближе! Когда я, прижимаясь к домам, бежал по улице, немцы открыли орудийный огонь прямой наводкой: двойной рыкающий звук огромной силы налетел на меня и бросил на землю. Показалось, что в ушах лопнули барабанные перепонки. Откуда-то било мощное орудие "тигра". Снаряды рвались совсем близко. Дальше бежать нельзя, надо было укрыться и переждать.

Осмотревшись, я заметил в земле яму, оплетённую прутьями, в каких куряне хранили овощи. Не долго думая прыгнул в нее и чуть-чуть не сел па шею забравшемуся сюда же майору, который тоже направлялся в штаб одного из стрелковых батальонов. Отсиживались минут пятнадцать, потом выбрались и побежали задворками, перелезая и перескакивая через невысокие плетни огородов. Я бежал за майором - вдвоем легче. Рвались мины, совсем близко трещали пулеметные и автоматные очереди, оглушительно рыкало орудие притаившегося где-то "тигра", жутковато посвистывали пули. Наконец добрались до штаба стрелкового батальона. В полуразрушенном каменном здании с выбитыми окнами и дверью находились командир дивизиона, Мартынов и примерно десять пехотинцев. На полу лежало несколько раненых. Разузнав обстановку, я нанес ее на карту. Уходить обратно не хотелось. Ничего не может быть хуже - пробираться по передовой во время боя! А надо. Меня ждал начальник штаба. Сказав Новикову, что ухожу, побежал тем же путем. Бой

продолжался. Разрывы снарядов и свист пуль то и дело заставляли инстинктивно приседать или падать на землю.

Но вот звуки боя уже позади. Навстречу из оврага с ревом и грохотом двигались десятки наших Т-34. Долго глядел им вслед: а может, в одном из них мой Лева?

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО **Из оперативной сводки за 9 июля 1943 года**

На Орловско-Курском направлении противник за четыре дня наступления понес тяжелые потери в танках, живой силе и не добился успеха. Сегодня с утра гитлеровцы перенесли свой удар на соседний участок фронта. Усилив потрепанные соединения двумя пехотными и одной танковой дивизиями, немцы с утра предприняли ряд ожесточенных атак. Завязались упорные бои, часто переходившие в рукопашные схватки. Все атаки гитлеровцев отбиты нашими войсками.

В конце каждого из девяти дней яростного вражеского наступления я писал под диктовку капитана Агапова боевое донесение и чертил схему переднего края. Нет, никак не думалось, что через много лет захочется снова вспомнить и описать эти бои! Но если бы и нашлись сейчас те боевые документы и удалось бы по ним воспроизвести забытое, в них все равно не оказалось бы самого нужного для моих записок - человеческих переживаний. Ведь чувства и мысли, определявшие поступки бойцов и командиров, которые ежеминутно смотрели в глаза смерти, в боевых донесениях не упоминались. К сожалению, и моя память тоже не очень их сохранила. Думаю, фронтовики меня за это не упрекнут: они-то знают - в дни особенно тяжких боев люди старались забыть пережитое вчера, чтобы выдержать новый день. Четко помню лишь одно: всеобщую абсолютную уверенность, что враг не сможет прорвать нашу глубокоэшелонированную оборону. Надо только выстоять, как тогда, на Северо-западном фронте, под Горбами. Выстоять до конца! И должен сказать, что ни в первые, ни в последующие дни наступления гитлеровцы на нашем участке не смогли продвинуться до нашего оврага, который отделяли от Понырей всего лишь несколько километров!

На десятый день фашистское наступление выдохлось. Стрелковые полки нашей дивизии были подтянуты к участку фронта, где уже девять дней, находясь в составе 13-й армии, вел тяжелые оборонительные бои наш артиллерийский полк. Дивизия получила приказ уничтожить противника, прорвавшегося в район Понырей.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО **Из оперативной сводки за 15 июля 1943 года**

На Орловско-Курском направлении противник, перейдя 5 июля в наступление, в течение ряда дней пытался прорвать советскую оборону. Немцы понесли огромные потери в живой силе, танках, самолетах, но успеха не добились. Обескровленный враг был вынужден перейти к обороне.

Комбат Сергей Земленухин

При наступлении на Северо-западном фронте продвижение измерялось сотнями метров, редко - километрами. А здесь уже к исходу первого дня стрелковые полки дивизии ворвались на станцию Поныри, на второй день освободили местечко полностью, а в течение следующих трех дней отбили у противника больше десятка сел и деревень, уничтожив свыше 30 танков и истребив несколько тысяч солдат и офицеров противника!

Но погибло и немало наших бойцов. Особенно поразила меня гибель командира 76-мм батареи нашего дивизиона бывшего студента индустриального института капитана Сергея Земленухина, который пал от вражеской пули. Это был опытный командир, прошедший тяжелую школу боев на болоте Сучан и под Горбами.

В день его гибели рядом с ним был восемнадцатилетний командир взвода управления батареи лейтенант Володя Сармакешев, недавно прибывший к нам в составе пополнения. "Как сейчас помню,- вспоминает он,- наш наблюдательный пункт, отрытый на широком ржаном поле и замаскированный снопами колосьев, свист фашистских снарядов, близкие разрывы и четкие команды комбата, корректировавшего огонь нашей пушечной батареи.

А потом короткими перебежками мы двинулись за наступающей пехотой - капитан Земленухин, я, наши артиллерийские разведчики и связисты, тянувшие телефонный провод. Была с нами и санинструктор Сима Рыжкова. Высокая рожь - хлеба в то лето вымахали на удивление - скрывала нас от гитлеровцев. В ста метрах от покинутого нами наблюдательного пункта наткнулись на группу наших бойцов, пораженных фашистским снарядом. Один из них, узбек, лежал ничком, прижав руки к искромсанной осколками груди. Сквозь стоны можно было разобрать отдельные слова:

- Советская власть... надо помогать!.. Помогать надо!..

Наша санинструктор Сима Рыжкова, совсем еще молоденькая девчонка, склонилась над ним, торопливыми движениями разрывая индивидуальный перевязочный пакет. Солдат замолчал...

Едва мы вскочили в первую линию оставленных фашистами окопов, как хлесткие автоматные и пулеметные очереди ударили в бруствер траншеи. Натолкнувшись на труп лежавшего в окопе фашистского солдата, я выхватил из его безжизненной руки шмайсер и стал посылать короткие очереди туда, откуда били фашистские пулеметы. Брошенная кем-то из бойцов граната разорвалась у огневой точки. Затих пораженный взрывом вражеский пулеметчик. Еще несколько прыжков, короткие всплески автоматных очередей, чьи-то крики, еще несколько хлопков-разрывов гранат - и мы уже хозяева второй линии траншей.

И тут я увидел перекошенное криком лицо разведчика Капустина.

- Лейтенант, капитана нашего! В живот, пулей! Скорее, зовет!

Я подбежал к Сергею. Он лежал на спине. Закусив губу и тяжело дыша, капитан едва мог сдержать рвущиеся из горла стоны. Наскоро положенная повязка пропиталась кровью. Сима Рыжкова склонилась над ним, затем

выпрямилась, отбросив в сумку с красным крестиком на брезентовом клапане пустой шприц.

- Несите, скорее...

Бойцы приподняли края плащ-палатки.

- Стойте,- хрипло сказал Сергей. Губы его кривились от невыносимой боли, по лбу струились капельки пота.- Стойте!.. Ну, пацан,- обратился он ко мне, - ну, пацан, командуй! Иди вперед!.. Пехоте пушки нужны! Связь... - Он задохнулся, закрыл глаза. Слабо махнул рукой:

- Несите...

Я нагнулся над Сергеем, сунул ему под голову оказавшийся под рукой скомканный вещмешок. Не открывая глаз, он выдавил из себя:

- Недолго повоевали с тобой, лейтенант. Не подведи...

Это были последние слова капитана Сергея Земленухина, командира 2-й пушечной батареи 1-го дивизиона, 84-го арtpолка, которые довелось мне услышать. Бойцы вынесли его в медпункт, оттуда передали в медсанбат. Несколько часов врачи боролись за жизнь командира. Пули ударили в живот, раздробили позвоночник. Через несколько дней Сережи не стало. Не стало первого моего боевого командира. "Пацан, иди вперед!" - так он мне сказал при нашем прощании. Ему было двадцать шесть, мне - восемнадцать.

Во все тяжелые минуты жизни на фронте и потом мне прибавляли силы те слова, сказанные командиром. Тяжело раненный, на самом краю своей жизни, он думал о других, думал о своем долге солдата".

Гитлеровцы сопротивлялись отчаянно, используя заранее подготовленные укрепления, переходя в контратаки с поддержкой танков, самоходок и бомбардировочной авиации. Наша дивизия после первых дней наступления лишилась половины своего состава, а еще через несколько дней полки дивизии были сведены в батальоны, батальоны - в роты. И все-таки наступательный порыв бойцов и офицеров был исключительно высоким. Дивизия неудержимо шла вперед.

Поединки с "тиграми"

Пушечные батареи нашего 84-го АП поддерживали стрелковые подразделения "огнем и колесами": орудия выкатывались на передовую и прямой наводкой били по немецким огневым точкам и танкам.

В нашем дивизионе отличился капитан Петр Николаевич Кудинов - только что назначенный заместителем Новикова - и орудийные расчеты младших командиров Прокудина, Сергунина и Долгова.

На Северо-Западном фронте капитан Кудинов находился в штабной батарее полка. Еще до войны он закончил военную школу, стал командиром-артиллеристом. Участвовал в боях на границе в 1941 году и был ранен. Донской казак по происхождению, он был сильным и отважным человеком. В то же время его отличали ум, большая находчивость, энергичность и заботливое отношение к подчиненным. Последнее качество было, пожалуй, сильнее всех. Капитан как никто умел беречь своих людей. И не тем, что не посылал бойцов в опасные места - на фронте это невозможно,- а тем, что исключительно умело выбирал огневые

позиции для орудий, требовал от подчиненных всех мер маскировки и надежного укрытия орудий, никогда не терялся и своевременно принимал единственно правильные решения, спасавшие жизнь людей.

Бойцов и командиров привлекала и его внешность - крепкий, ладно скроенный, с живым, чуть насмешливым взглядом. Капитан не лез за острым словом в карман, оно было у него на языке, заранее готовое шуткой остудить или поддержать собеседника. И по своему внешнему виду, и по действиям он всем, в том числе и мне, казался старше своих лет, хотя был моим сверстником.

В ночь на 17 июля командование предупредило Кудинова, что утром ожидаются "тигры". Под руководством капитана огневики работали всю ночь: надежно укрыли боеприпасы, углубили и замаскировали укрытия для орудий и расчетов.

...Утром из недалекой лощины, одна за другой, медленно, как бы осматриваясь, появились четыре неуклюжие бронированные машины с длинными стволами пушек. За ними бежали вражеские солдаты.

Кудинов распределил первые три "тигра" между орудийными расчетами и, когда они приблизились метров на восемьсот, приказал открыть огонь. Навстречу танкам понеслись бронебойные трассирующие снаряды. Было видно, как некоторые попадали в цель, но отскакивали от мощной лобовой брони. "Тигры" открыли ответный огонь и подбили орудие старшего сержанта Долгова. Кудинов приказал подложить под ось поврежденной пушки ящики от боеприпасов. Батарея продолжала вести огонь, но он по-прежнему был безрезультатен.

Танки подходили ближе и ближе. Наступали те минуты, когда проверяются воля и мужество командира и бойцов. И двадцатидвухлетний капитан не растерялся: приказал командиру орудия Сергунину быстро перекатить орудие на триста метров в сторону и вперед, чтобы встретить приближавшиеся машины стрельбой в борт. Уверенные действия капитана сняли нервное напряжение с бойцов. Оставшиеся два орудия подожгли первый вражеский танк, он задымил и остановился. Остальные танки двигались к батарее, продолжая ее обстреливать. Поврежденное орудие совсем свалилось на бок, расчет уже не мог справиться с ним... Была подбита и вторая пушка...

Танки медленно продвигались вперед, жестоко обстреливая обнаружившую себя батарею. Положение казалось безнадежным. По счастливой случайности бойцы обоих расчетов не пострадали. Кудинов приказал всем взять противотанковые гранаты и спрятаться в окопах. Но тут загрохотали выстрелы слева. Расчет Сергунина быстро выполнил маневр и встретил приближавшиеся танки стрельбой в борт. Два танка были подбиты, последний поспешил укрыться в овраг.

...По-иному закончился поединок с "тиграми" батареи капитана Воскобойника. Прилетевшие "юнкеры" разбомбили орудия, которые вели огонь по вражеским машинам. Оставалась только четвертая пушка старшины комсомольца Ивана Новикова. Расположенная немного в стороне, она была укрыта во ржи и хорошо замаскирована. А на случай обнаружения противником ее расчет заранее подготовил две запасные огневые позиции.

Семь "тигров" и два "фердинанда" ринулись на замолчавшую после бомбежки батарею... К счастью, старшина был опытным командиром. За бои под Москвой и Сталинградом он уже имел награды: орден Красной Звезды и медаль "За отвагу". За месяц перед боями Новиков вступил в комсомол. Его расчет считался образцовым. Орудие и бойцы стали единым целым. Обращение с пушкой было доведено до автоматизма. Каждый мог заменить любого из товарищей. В прошедших ранее боях расчет достиг такой скорострельности, что казалось, орудие заряжается автоматически. Словом, это был боевой расчет образца 1943 года, прекрасно владевший маневренным, легко маскируемым 76-миллиметровым орудием. Кстати сказать, в первые дни и месяцы войны дивизионные пушки были другие: имея высокий лафет, они легко обнаруживались противником. Бойцы про них говорили с горькой иронией: "Гроза танков, смерть расчету".

На боевом пути расчета "тигры" и "фердинанды" встречались не впервые.

Увидев рвавшиеся к батарее танки, Новиков скомандовал:

- Расчет, к бою! Прямой наводкой, по ближнему танку, бронебойным, прицел... наводить под башню! Огонь!

Наводчик Смагин мгновенно выполнил приказ командира. Прогремел выстрел. Но танк продолжал идти вперед.

- Наводи точнее! Огонь! - спокойно скомандовал Новиков. После этого выстрела из остова машины повалили клубы дыма. Однако второй танк продолжал идти вперед.

Выстрелами срезало и разметало рожь, скрывавшую орудие. Его заметили оставшиеся на бугре "фердинанды" - и рядом с орудийным окопом стали рваться снаряды. Осколком ранило наводчика Смагина. Его наспех перевязали и уложили в ровик, а орудие на руках потащили во второй окоп. Высокая рожь скрыла передвижение, и расчет вышел из-под обстрела.

С новой позиции танки просматривались хуже. Заменявший Смагина боец Хисматулин сделал два выстрела, и оба безрезультатно. Но вот два танка поднялись на гребень холма и стали видны почти полностью. По команде Новикова Хисматулин навел орудие на башню левого "тигра". После второго выстрела танк развернуло, и он врезался в идущую рядом машину. Раздался мощный взрыв. Новиков хотел крикнуть наводчику что-то одобряющее, обернулся к нему, но воздушной волной близкого взрыва был опрокинут на землю.

Очнувшись, командир увидел, что Хисматулин лежит рядом убитый. Снаряды продолжали рваться поблизости. Из расчета остались только он и подносчик снарядов Паршин. Вдвоем они перекатали орудие на последнюю запасную позицию. Тащить по рыхлой земле было страшно тяжело, и оба без сил свалились в вырытый рядом ровик. К счастью, почувствовав отпор, "тигры" пришли в замешательство и на какое-то время замедлили движение. Теперь они шли медленно, высматривая недобитое орудие. Но вот один, осмелев, увеличил скорость и стал быстро приближаться к батарее.

Новикову, наблюдавшему за танком через прицел, казалось, что "тигр" совсем рядом. Он видел, как ствол на башне танка стал разворачиваться прямо на

него, сверкнул огнем. Разорвавшимся сзади снарядом ранило Паршина, который успел поднести Новикову еще один снаряд.

Летающие осколки заставили старшину прижаться к земле. Но он понимал, что надо немедленно выстрелить и подбить надвигающуюся на пушку грозную машину. Новиков вскочил, стремительно и как-то сразу, одним движением, точно навел прицел на башню танка и рванул спусковой механизм, успев заметить, что орудие "тигра" выстрелило одновременно. Тут же страшный удар лишил его сознания.

Первое, что он увидел, когда очнулся, были дергающиеся в конвульсиях ноги лежащего чуть сбоку умирающего Паршина. С невероятным трудом приподняв голову, старшина увидел, что они оба оказались под станиной своего орудия, которое перевернулось от взрыва выпущенного "тигром" снаряда. Прислушавшись, понял, что танк им подбит - лязганье гусениц сменила зловещая тишина; на несколько мгновений отодвинулась в сторону боль... А затем непосильная, давящая сверху тяжесть снова затмила сознание. Больше Иван Николаевич ничего не помнил.

В страде боев не все сразу становилось известно. В полку посчитали, что Новиков убит, и родители получили похоронку. Тридцать лет спустя я услышал этот рассказ из уст самого Ивана Николаевича Новикова! Не мне, а детям Поныровской школы, разыскавшим ветерана и пригласившим его на встречу в дни тридцатилетия Курской битвы, рассказал бывший старшина об этих событиях.

Никогда не забуду, как в один из первых дней наступления пробирался через поле с несжатой рожью, где только что прошел танковый бой. Хлеба в то лето уродились на курской земле на славу - рожь стояла высокая, почти в рост человека! Но от поля мало что осталось. Безжалостно исполосованное гусеницами тяжелых машин, оно хранило память о последних минутах смертельного поединка. То там, то тут виднелись остовы сгоревших немецких и наших танков. Стоял сильный запах гари. Во ржи лежали убитые: и немцы, и наши - их еще не успели убрать. На лугу за рожью выстроились нескончаемые шеренги сбитых и покореженных березовых крестов: кто-то из танкистов в азарте боя проутюжил гусеницами последнее пристанище оккупантов. Рядом в глубоком овраге - штабель трупов фашистских солдат. Видимо, во время отступления враги не успевали хоронить. Подошел поближе и увидел раздутые, покрытые жуками и мухами трупы. Вонь стояла ужасная! А посмотреть надо: это же враги лежали. Когда-то наглые, самоуверенные, безжалостные, поставившие на колени почти всю Западную Европу, считавшие себя непобедимыми. Одного из солдат, видимо, похоронить все-таки успели - из земли торчал березовый крест. Я прошел почти рядом с ним и прочитал надпись - фамилию, даты рождения и смерти. День и год рождения совпадали с моими. Выходит, встретился с ровесником! Туда ему и дорога! А для остальных и березового креста не будет!

На третий или четвертый день нашего успешного продвижения вперед начальник штаба капитан Агапов и я пробирались к новому расположению штаба дивизиона. Мы спускались по отлогому широкому лугу. Он простирался километра на два-три и упирался в речушку, которая разделяла наши и вражеские

войска. За речушкой снова шло ровное, хорошо просматриваемое поле. Мы шли открыто, не маскируясь, считая, что снайпер нас не достанет, да их здесь и не должно было быть у гитлеровцев, враги ведь еще только обживали передний край, а снаряды или мины на двоих тратить никто не станет. Внезапно раздался пронзительный свист над головой, и сзади что-то сильно ударило по земле, но взрыва не последовало. С вражеской стороны долетел негромкий звук выстрела. Немного полежав, мы встали и снова пошли вперед - необычный обстрел нас не испугал. Снова просвистело, и впереди, совсем близко, снова ударило по земле. Значит, метили в нас, но непонятно чем, такого на северо-западе не было...

- Озверели гады! - крикнул мне капитан, упавший, как и я, в густую траву. - Из танка бронебойными болванками стреляют... Подождать надо!

Минуты через три-четыре решили дальше продвигаться по одному, короткими перебежками. Первым вскочил Агапов. Но не успел отбежать и десяти метров, как снова свистнуло и ударило по земле снарядом, а вслед за этим, почти одновременно, раздался звонкий залп стоявших неподалеку противотанковых орудий. Когда потом снова стали продвигаться вперед, никто нас уже не обстреливал. Молодцы артиллеристы! Видно, давно выслеживали обнаглевшего, зарывшегося в землю "тигра": покончили с ним одним залпом. Кстати, это были последние дни пребывания начальника штаба Агапова в нашем дивизионе. Его опять понизили в должности, на этот раз назначив командиром батареи. Через несколько дней он был ранен, но перед этим успел отличиться - когда убило наводчика, сам встал у орудия и с первого же выстрела подбил "тигра". За этот бой капитан был награжден орденом Красной Звезды. Его дальнейшая судьба мне не известна.

...Как-то, когда наша дивизия преследовала противника уже далеко за Понырями, я пришел на НП дивизиона. Стоял жаркий летний день. На передовой было временное затишье. Пользуясь этим, разведчики лежали в нескольких метрах от блиндажа, подставив носы под лучи солнца. У входа сидел связист. Мартынов лежал в стороне от всех, метрах в пятнадцати. Вдруг на склоне высоты разорвалась мина. Все бросились в блиндаж. Подбегая к укрытию, я взглянул на Мартынова. Он не шевелился. "Спит,- подумалось мне.- Надо разбудить". Бросился к нему с криком:

- Николай! Обстреливают! Бежим в блиндаж!

Мартынов повернулся с боку на бок, зевнул и громко, чтобы слышали разведчики в блиндаже, сказал:

- Меня не убьет!

И сейчас, когда пишу эти слова, слышу его спокойный, с небольшой хрипотцой голос. Разорвавшаяся сзади нас мина засыпала кусты осколками. Я не стал рисковать и спрятался в блиндаж. Обстрел продолжался. Мины то и дело рвались на высоте - слева, справа, впереди и сзади нашего укрытия. Мартынов "выдерживал характер". Минут десять-пятнадцать пролежал он под секущими кусты осколками, пока не кончился обстрел.

Те, кто был на фронте, могут представить, как такое поведение действовало на людей. Не зря любили разведчики Николая Тимофеевича! Много такое бесстрашие значило на войне, где человек становился комком обнаженных

нервов! Но, если говорить о характере Мартынова, то это, пожалуй, не все. Он не был безрассудно храбрым!

Много позднее, уже в Белоруссии, я оказался случайным свидетелем другой картины. Как-то пришлось мне идти по плохо замерзшему, запорошенному снегом, с редкими кустами болоту. Впереди себя увидел быстро идущего человека. Внимательно приглядевшись, узнал Мартынова. В этот момент с вражеской стороны прозвучали оружейные выстрелы, и сзади нас шлепнулись в болото и глухо разорвались два снаряда. Падая на землю, я увидел, как одновременно со мной упал и Мартынов. Потом мы так же одновременно вскочили и побежали вперед и снова упали на сырую кочковатую землю болота при следующем снаряде. Мартынов был немного дальше меня от разрывов, но вел себя так же, как и я. На этот раз он был один и, зная об этом, не хотел рисковать своей жизнью.

Чтобы завершить разговор о храбрости, приведу несколько строчек из письма командира батальона одного из стрелковых полков дивизии Василия Ивановича Турчанинова:

"В годы войны я заметил такой факт: как правило, солдаты, сержанты и офицеры, в повседневной жизни ничем не выделяющиеся, тихие и спокойные, в бою ведут себя храбро, показывают образцы бесстрашия, и наоборот: демагоги, всезнающие хвастуны зачастую в сложных ситуациях теряют головы и могут совершить предательство.

В батальоне, которым я командовал, был офицер, лейтенант Г.²⁹. Парень очень хвастливый, по его рассказам, он сам мог победить Германию. А вот когда в бою под мызой Картужи немцы перешли в контратаку, Г. струсил, оставил взвод и сам убежал назад в лес. Взвод погиб.

И наоборот, был в батальоне командир роты старший лейтенант Куйкубаев. Любил помолчать, о своих победах никогда не говорил, но был безмерно храбр и одновременно рассудителен. Рота под его командованием всегда отлично выполняла боевые задания. И таких примеров можно было бы приводить много".

Мне остается добавить, что написавший эти строки сам был примером скромности и бесстрашия одновременно.

Чем дальше от Понырей продвигались наши войска, тем слабее становилось сопротивление противника. Гитлеровцы оставляли деревню за деревней, боясь, очевидно, попасть в окружение. Это были уже не те веселые курские села, через которые мы проходили перед наступлением. В некоторых совсем не было молодежи - фашисты угнали ее в Германию. Попадались села, где окна были заколочены досками. Эпидемия тифа опустошила их.

Иногда полк отставал от пехоты, и тогда нарушалась связь с передовой. Но все равно артиллеристы делали свое дело. Помню, как-то во время ночного марша из штаба полка нам передали по радиации, что на шоссе, по которому противник отводил технику, скопилось много танков, машин и артиллерии. Было приказано немедленно произвести массированный огневой налет. Начальник штаба капитан Воскобойник, сменивший Агапова, приказал огневикам развернуть орудия, а мне

²⁹ Я решил не указывать фамилию. - Авт.

- подготовить данные для стрельбы. Орудийные расчеты не заставили себя ждать, я тоже; через считанные минуты шквал орудийного огня заставил всех вздрогнуть. Спустя день, проезжая место обстрела, увидели результаты "работы" дивизиона - на обочинах шоссе валялись разбитые автомашины, орудия, неубранные трупы гитлеровцев. В сражении на Курской дуге проявился, как никогда раньше, накопленный за войну боевой опыт наших солдат и командиров - незримое, но страшное оружие, которое вкладывает в руки людей война. Фашистские войска в 1941 году имели это оружие. Теперь оно появилось и у нас! С избытком!

В конце боев, когда, казалось, уже мало что нам угрожало, мы потеряли комбата - старшего лейтенанта Панкратова, всеобщего любимца и весельчака, и чуть было не лишились Мартынова. Перед наступлением они укрылись в блиндаже с накатом из бревен и земли. После нашей артподготовки, когда роты пошли вперед, враг открыл огонь из тяжелых орудий. Один из снарядов угодил в угол блиндажа, но не разорвался, а своей ударной силой развалил накат. Как потом оказалось, в этом углу сидел Панкратов. Мартынова завалило бревнами и песком. Правую руку его зажал между бревнами, и она торчала наружу. Под тяжестью навалившихся бревен и земли, оглушенный ударом, он начал терять сознание... Обстрел продолжался. Когда прибежали командир дивизиона и разведчики, сидевшие в соседнем блиндаже, то, увидев торчавшую руку, первым откопали Мартынова.левой рукой он прижимал к груди голову Панкратова, оторванную снарядом. Несколько дней Мартынов был сам не свой, но в санбат не пошел, хотя дивизию отвели на отдых.

Много значила в бою взаимовыручка! Не раз проявилась она и здесь, в боях на Курской дуге. Во время наступления на местечко Жирятино разведчик нашего дивизиона Петр Иванович Яценко, которому тогда шел девятнадцатый год, оказался на минном поле. Он понял это только тогда, когда неподалеку почти одновременно раздались два взрыва и его обдало пороховой гарью. Инстинктивно он упал на землю. Осмотревшись, увидел, что из пяти солдат минометного расчета, бежавших справа от него, поднялись только трое. Два солдата, очевидно, были ранены и лежали на земле. Боясь сделать неверное движение, он застыл на месте, а потом, решившись, стал пробираться к потерпевшим. Состояние предельного напряжения, когда он шел по минному полю и после перевязки раненых выводил их с опасного места, с трудом отыскивая свои следы, запомнилось ему на всю жизнь.

Через три дня тяжело ранило самого Яценко. Он потерял сознание. Очнулся в медсанбате. Уже после войны, в год сорокалетия битвы на Курской дуге, надеясь найти неизвестных спасителей, Яценко рассказал об этом случае на встрече ветеранов дивизии. Мне особенно запомнилась последняя его фраза: "Когда увидел раненых солдат, подумал - если не помогу им, то и мне, если что случится, не помогут. Поэтому так поступил. И не ошибся!"

Боевая обстановка, к сожалению, не всегда давала возможность своевременно вынести раненых с поля боя. Так случилось и при наступлении на село Старая Рудня на той же Курской дуге. В жестоком бою за село солдаты 228-го полка нашей дивизии понесли большие потери. На следующий день

гитлеровцы окружили, а потом захватили село. Дома и сараи были заполнены ранеными. Остатки нашей роты едва вырвались из окружения. Среди них были старший сержант связной командира роты Михаил Андреевич Шмытько и автоматчик Федор Яковлевич Щербин. Когда на следующий день село было отбито, среди оставшихся семидесяти раненых солдат не было ни одного живого - враги добились их. Шмытько поручили собрать документы, ордена и медали погибших. Рассказывая этот случай мне, он с волнением вспоминал, как нес в штаб два вещмешка - с документами и орденами...

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Из оперативной сводки за 17 июля 1943 года

На Орловско-Курском направлении наши войска продолжали активные боевые действия. Противник оказывает отчаянное сопротивление, используя зарытые в землю танки. Атаки, предпринятые советскими войсками, завершились взятием ряда населенных пунктов. За два дня боев наши войска полностью восстановили положение, занимаемое ими до начала немецкого наступления, т. е. до 5 июля сего года. Таким образом, под ударами наших войск немцы оставили все, что им удалось захватить ценой неслыханных потерь живой силы и техники за восемь дней наступления.

Продвигаясь вперед, наша дивизия прошла долгий путь. Но вот и передышка. Надо было привести себя в порядок, получить пополнение.

Многих солдат и офицеров наградили орденами. За умелое и решительное руководство боевыми действиями командир нашего дивизиона Новиков получил орден Александра Невского. Начальника разведки Мартынова, очень много помогавшего Новикову, наградили орденом Красного Знамени, капитана Кудинова - орденом Отечественной войны I степени. Среди названий частей - участниц Курской битвы, которые сейчас можно прочесть, побывав на месте бывшего командного пункта фронта, где воздвигнут величественный мемориал участникам сражения, название нашего 84-го АП встречается дважды: в составе частей 13-й армии, отражавшей натиск врага на Поньри, и в составе 65-й армии, с которой мы завершали наступление, находясь уже вместе со своей дивизией.

"Учись, как я воюю!"

Во время наступления на Курской дуге я и брат Лева с каждым днем приближались друг к другу. Наша дивизия двигалась в направлении Орла с юга, а его часть наступала на Орел с востока.

Получая письма от брата, я не раз думал: а вдруг и тут повезет на встречу? В войну возможность и несбыточность встреч близких людей определяли мгновения, цена времени неизмеримо возрастала: перенасыщенное массой событий, оно словно спрессовывалось, позволяя случаю свершать, казалось бы, невозможное...

Может, и было до брата рукой подать, а - разминулись!

Уже после войны, когда я вернулся домой, отец дал мне присланные братом вырезки из фронтовых газет тех дней. На одной была фотография Левиного танка.

Голова Левы в шлемофоне высовывалась из открытого люка на орудийной башне. Во второй вырезке рассказывалось о комсомольском собрании: "...Парторг гвардии капитан Серов в своем докладе сказал: наши комсомольцы показали пример героизма и самоотверженности. В боях отличились тт. Беспалов, Белкин, Ющенко, Морозов. Высокую боевую выучку показал танковый экипаж комсомольца лейтенанта Малиновского. Многие из этих товарищей награждены правительственными наградами. После доклада комсомольцы рассказали о своих боевых делах, делились опытом работы. Командир танкового экипажа лейтенант Малиновский рассказал, как он подбил два танка противника. Его выступление комсомольцы встретили аплодисментами..."

На третьей газетной вырезке был помещен перечень фамилий награжденных. Среди них была и фамилия Левы. Он получил орден Отечественной войны II степени. Сбоку, на газетном поле, он своей рукой написал сестре, которая, закончив школу, собиралась поступать в институт: "Вот, Лелька, учись, как я воюю!"

Отец сохранил письмо Левы, написанное им на другой день после того боя:

"...Вечером под покровом темноты я со своей машиной поехал на помощь товарищам. Ночь и следующий день были относительно спокойны. 3 августа с утра началась артиллерийская подготовка. Немцы, видно, решили нас контратаковать. Иван тоже не бездействовал. Я со своими товарищами, замаскировались и стояли в засаде, поджидая немецкие танки и пехоту. Моя машина стояла под прямым углом ко всем остальным и немного позади в молоденьком соснячке - верхушки сосенок чуть-чуть прикрывали башню.

Обзор был замечательный. Насчет этого у других было хуже - они были в более высоких соснах. Во время артиллерийской подготовки частенько приходилось вылезать из машины и передавать полученные радиogramмы командиру. Все обходилось благополучно.

После проведенной артиллерийской подготовки и налета авиации противник пошел в контратаку. По бугру двигались пятнадцать немецких танков, за ними бежали группы автоматчиков. Какое было зрелище - глядеть, как ползут эти железные бронированные машины! Подпустив их ближе, примерно на 600 метров, я и все остальные открыли по ним огонь.

Первый же снаряд сшиб всю маскировку и верхушки ближайших сосенок воздушной волной. Стало хорошо видно этих гадов; зарядил бронебойным и с этого выстрела подбил и зажег один немецкий танк Т-IV. После этого сделал еще несколько выстрелов. Потом гляжу в прицел, а ничего не вижу. Пришлось вылезти из машины. Он, сволочь, заметил это и выпустил очередь из пулемета, но я быстро соскочил вниз.

Оказывается, это ветка сухая с листьями от старой маскировки упала; я ее палочкой вытащил, рукой нельзя было; стрелял, собака. Вскочил обратно в танк и дал им жару! Мой башнер только успевал заряжать пушку. Подбил еще один танк. По другому бил, но его мой снаряд не брал. Оказалось, что это "тигр". Но и его потом подбили специальным снарядом. Жаль, что у меня таких не было, а то бы я его расчихвости. Бой длился пять часов. За все это время мы подбили вместе с артиллеристами 21 немецкий танк, из них было 3 "тигра".

К вечеру, когда все немного стихло, нам привезли обед, а мы про него совсем забыли. Хотелось страшно пить; у меня даже верхняя рубашка была мокрая..."

Написанное карандашом и сложенное треугольником фронтовое письмо... Его невозможно читать без волнения. Наверное, если бы собрать все эти драгоценные треугольники того времени, то получилась бы потрясающая эпистолярная эпопея. Сколько мужества, непреклонной веры в победу, ненависти и презрения к развязавшему войну фашизму встает за простыми строками, написанными рукой старшего брата!

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО **Из оперативной сводки за 4 августа 1943 года**

На Орловском направлении наши войска продолжали наступление.

Северо-западнее Орла немцы непрерывно бросали в контратаки пехоту, поддержанную танками, самоходными орудиями и авиацией. Советские войска отразили все контратаки противника и нанесли ему большой урон. Подбито и сожжено 32 немецких танка и уничтожено до полка пехоты противника.

В дни, когда наша дивизия, закончив наступление, была отведена на отдых, Лева все еще участвовал в боях. У родителей сохранилась его открыточка, написанная в августе, - всего несколько строк:

"...Все-таки я каким-то чудом еще жив и здоров и ничем не болею. Ваши письма, как я уже Вам писал, получил. Нам вороны с крестами тоже очень сильно пакостят. Во много раз больше Вашего. От них сильнее всего и достается. В последний раз (позавчера) осколком маленьким разорвало локоть у гимнастерки. Теперь и я уже ко всему привык, как и Борис. Только ведь наше дело много тяжелее, чем у него. Не знаю только как, но мне пока что везет. В машине насквозь пробиты два опорных катка, надтрансмиссионный люк и есть одна вмятина на башне. Пострадал, кроме всего, мой комбинезон. От него остались только клочки. Его разорвало осколками при бомбежке. Как видите, особенного ничего нет. Теперь бы только еще дальше прогнать фрицев. Сегодня буду писать всем письма. Напишу и Борису. Он где-то рядом и, наверное, здорово воюет..."

Ад танковых сражений стоит за письмами брата...

Потери у танкистов в дни наступления были больше, чем в пехоте. От выстрелов танковой пушки воздух внутри машины наполнялся едкой пороховой гарью, становилось трудно дышать. Звуки выстрелов словно молотом били по голове. От ударов вражеских болванок по броне ее внутренняя часть откалывалась, и осколки летели во все стороны, поражая танкистов. А когда танк подбивали или поджигали, выбраться из машины на глазах у противника, не сгореть, помогало только чудо.

После войны я встретил Николая Крупина, учившегося с Левой и оказавшегося в годы войны в Горьком. Брат несколько раз приезжал в этот город за новыми машинами и заходил к нему. Был весел, рассказывал, как подбивал немецкие танки, как сам выбирался из охваченных пламенем машин. В

последнюю встречу больше молчал, а прощаясь, сказал: "Вряд ли увидимся! Тяжелая у меня работа!"

Отдых наш был коротким. Мы снова шагали днем и ночью на запад, теперь уже по украинской земле. Переходы нас утомляли, каждый день - шестьдесят-семьдесят, а то и больше километров. Ноги гудели. У многих начиналась "куриная слепота". Ночью они, как дети, шли, держась рукой за товарища. Случилось, как-то я отстал, а потом пришлось догонять свой взвод, Услышал: кто-то в поле плачет. Оказалось - это наш солдат, самый маленький ростом в дивизионе из последнего пополнения. Он стоял сбоку от дороги и громко хлюпал. Паренек заснул на привале, а когда проснулся, идти не может - ничего не видит. Не хватало солдатам витамина С.

А у меня появилась другая напасть. Во рту образовались язвы, горячее есть совсем не мог, только холодное, и то с трудом. Ходил в медсанбат, сказали: "язвенный гингивит", помазали чем-то. Стало легче, но ненадолго. Тоже, говорят, нехватка этого самого витамина. Мучился несколько недель. К счастью, о моей болезни узнал ветеринарный фельдшер дивизиона лейтенант Федор Лутай.

- Я тебя излечу, - сказал он, - у лошадей это часто бывает.

И стал мазать мне рот какой-то противной жидкостью. А я, сколько мог, пытался жевать спелую рябину, шиповник. То ли "лошадиное лекарство", то ли мои витамины помогли, но гингивит вскоре прошел. А может, и молодость выручила. Помню такой случай. Один из красноармейцев, ему уж было под пятьдесят, шел-шел и упал прямо на дороге. Сердце не выдержало. С молодыми так не бывало...

Случилось, что в походе заболел Мартынов. Командир дивизиона вызвал меня:

- Садись на лошадь Мартынова и проверь наш будущий маршрут! Жду тебя через шесть часов.

- Есть! - ответил я, взял карту и отметил маршрут.

Судя по карте, надо было одолеть всего сорок километров. Я лихо вскочил на лошадь, прищипорил - она пошла рысью, затем перешла в галоп. Меня трясло и бросало в седле, но постепенно приноровился и стал ритмично опираться на стремяна в такт движению коня, даже стало нравиться. Всю горечь своего положения понял на обратном пути. Внутренние стороны бедер горели, как обожженные огнем. Я пытался опираться попеременно на каждую ногу, освобождая по очереди от соприкосновения с седлом. Помогало, но мало...

На следующий день все повторилось. И так продолжалось несколько дней. Когда Мартынов выздоровел и сам сел на лошадь, я уже освоился с ездой. Конечно, у меня не было той лихости, что у Мартынова. Сам Николай Тимофеевич был отличным кавалеристом. Он научился езде еще в мирное время, когда служил в артиллерийской части на конной тяге.

Стрелковые полки шли впереди нас, освобождая один населенный пункт за другим, часто без помощи артиллерии,- так велик был наступательный порыв. До

Чернигова оставалось не более сотни километров. Начались партизанские края³⁰. Немцы не могли хозяйничать здесь, как им хотелось. И жестоко мстили за это.

Украинская Хатынь

20 сентября 1943 года дивизия освободила Корюковку - районный центр, где до войны проживало около 7 тысяч человек. Нас поразило вид местечка. Вместо домов - бесконечный безжизненный строй уцелевших печных труб вдоль бывших улиц, заросшие сорняками огороды. Кто-то из солдат вытащил из подпечья чумазого мальчишку. Когда его накормили солдатским обедом и стали расспрашивать о матери, отце, родных, он на все вопросы отвечал двумя словами: "Німець убив". И видеть его и слышать такие ответы было тяжело и больно. Но мы еще не знали истинных масштабов трагедии, постигшей жителей Корюковки.

Чрезвычайная государственная комиссия по преступлениям оккупантов в Черниговской области позднее установила, что в марте 1943 года гитлеровцы сожгли в Корюковке 1290 домов из 1300 существовавших и уничтожили большую часть жителей местечка. Всего в районе было расстреляно 7640 человек, 1129 - угнаны в фашистское рабство. А за годы оккупации с Черниговщины было принудительно вывезено 41578 человек.

В самом Чернигове гитлеровские палачи убили 52453 человека. В селе Елино и на хуторе Мостки Щорсовского района было убито 440 советских граждан. В клубе села Тиница Бахмачского района гестаповцы сожгли заживо 112 сельских активистов. В Носовском районе было полностью сожжено село Козары и расстреляно 3908 его жителей. С лица земли было стерто село Пески Новобасанского района и уничтожено более 860 сельчан.³¹

Позднее, на одной из встреч ветеранов нашей дивизии, я поделился впечатлениями о трагедии Корюковки в присутствии бывшего военного врача Галины Сергеевны Федько. В свою очередь она вспомнила:

- В Корюковку наш санбат вошел почти одновременно со стрелковыми полками. Бой за нее был коротким. Враги убегали в панике, оставив развешанное на деревьях у пруда для сушки нижнее белье. Мы двигались первыми по одной из дорог, проходивших через местечко, и стали свидетелями потрясающей картины человеческой боли и отчаяния: на дороге лежал мертвый старик, перерезанный танковой гусеницей. Скелет полусожженного юноши виднелся рядом. Над трупами склонилась женщина. Увидев нас, она в немом порыве подняла руки вверх, как бы говоря: "Отомстите!" До сих пор вижу ее глаза, без слез, горящие болью и гневом.

Следующим на боевом пути дивизии был город Щорс. И в нем оккупанты оставили свои кровавые следы. Жители рассказали, что в городе активно действовала группа молодых подпольщиков - бывших школьников, в которую входила и пионерка Нина Сагайдак. Она была связана с партизанским отрядом А.Ф.Федорова, была душой юных подпольщиков, действовала отважно и дерзко.

7 ноября 1942 года Нина пробралась на городской радиоузел и поздравила жителей города с праздником Великого Октября, всполюшив всю местную

³⁰ Здесь формировалось и действовало соединение А.Ф.Федорова и Н.Н.Попудренко.

³¹ Подробно о трагедии в Корюковке можно прочитать в кн. Нарыжный Б.Н., Пендюров Б.В. Помните нас! М., 1985.

полицию и гестаповское начальство. Нина неплохо знала немецкий и сумела познакомиться с офицером, брат которого, как она узнала, погиб в концлагере. Патриотке удалось получить сведения о готовившейся карательной операции против партизан, и она сумела во время предупредить их.

Фашисты напали на след Нины и в мае 1943 года ее арестовали. Больше месяца гитлеровские палачи истязали девочку, добываясь сведений о молодежном подполье и партизанах, Нина выдержала все пытки и никого не выдала. Когда через четыре месяца наша дивизия освободила город и двери тюрьмы открылись, на стене камеры, где она находилась, нашли надпись: "Хто вийде на волю, передайте - 19 травня 1943 року шістнадцятирічну Ніну Сагайдак розстріляно"³².

Память о пепле Корюковки, о нечеловеческих муках, которые пережила шестнадцатилетняя Нина Сагайдак - хрупкая и нежная девочка с героическим сердцем, уносили с собой шедшие на запад солдаты дивизии вместе с ненавистью к оккупантам, поправшим все законы войны!

Приехав через 35 лет в Корюковку, я увидел заново отстроенный город. В райкоме партии рассказали, как возрождался город, о встречах бывших партизан, о том, что нужны средства на создание мемориала.

А позднее мне прислали газету "Маяк" от 28 февраля 1987 года, орган Корюковского райкома Компартии Украины и районного Совета депутатов, где было напечатано сообщение, что республика выделила два миллиона рублей на создание мемориала памяти о каждом из 256 сел и деревень, уничтоженных и сожженных фашистами в Украине, что замечательный проект мемориала уже создан и обсужден общественностью и скоро начнется его создание в Корюковке. Она, как и Хатынь, будет включена во всесоюзные маршруты поездок по нашей стране. К названиям, известным во всем мире - Лидице, Орадур, Хатынь,- добавится еще одно, пока еще мало кому знакомое - Корюковка.

Дашь Днепр!

...Перешли Десну по понтонному мосту. Значит, скоро Днепр! Новиков был вне себя от радости. До войны он жил в Украине. В оккупированном Днепропетровске находилась его жена, не успевшая выехать.

Вчера он сказал мне:

- Малиновский, а чего ты в партию не вступаешь? В такое время надо быть в партии. Бери пример с Беляева. Или ты всю жизнь думаешь в комсомольцах проходить? Вот что: я тебе даю рекомендацию для поступления в кандидаты, а ты сегодня же пиши заявление. Вторую рекомендацию возьмешь у Беляева!

Мои родители были беспартийными. Впервые поступить в партию мне предложили еще в первые дни войны, потом предлагал Беляев на Сучане. Тогда я посчитал себя неподготовленным. А сейчас сомнения мои рассеялись.

В сентябре 1943 года, незадолго до форсирования Днепра, я был принят кандидатом в члены ВКП(б).

Вот и Днепр! Правда, его еще не видно. Наш дивизион остановился в небольшом прибрежном сосновом леске. За ним, меньше чем в километре, - река.

³² Шляхами комсомольської слави. К., 1968. С. 422

Под соснами оказалось невероятное количество маслят. Солдаты бросились собирать их - будет к вечеру приварок! Невольно вспомнил, как по дороге с Курской дуги сюда мне попалась полянка, вся красная от сочной и спелой земляники. А я проехал мимо - очень уж торопился.

Решил посмотреть на реку. На всякий случай взял карабин с полным магазином патронов. Шел не спеша, понемногу поднимаясь по лесному склону. Подобрался к самому обрыву, переходя от дерева к дереву. Внизу открылась широкая полоса песка. За ней - красавец Днепр. Стал рассматривать, что делается на правом берегу. Ясно были видны траншеи противника, а в одной из них что-то очень похожее на голову. Далековато для карабина, но попробовать стоит... Может, будет одним фашистом меньше! Поставил на рамке дальность, тщательно прицелился и нажал спуск. После выстрела снова осмотрел траншеи. Голова исчезла.

Когда возвращался назад, подошли Мартынов и Беляев. Мы сели на землю около старого, может, еще сорок первого года, окопа. Никогда раньше у нас не возникало разговоров о том, что будем делать после войны. А тут Мартынов вдруг сказал:

- За Днепр немцев прогнали! Значит, войне скоро конец! Ты чем, Борис, после войны займешься?

Я не мог ответить так сразу, уж очень неожиданным был вопрос, и на секунду задумался. В тот же момент наш разговор оборвал близкий разрыв снаряда, а может, и мины. За Днестром послышались звуки выстрелов. Мы молниеносно очутились в спасительном старом окопе. Так я и не ответил тогда Мартынову на этот вопрос. Видно, рано задал он его...

Приказа на развертывание еще не было. Утром как-то совершенно неожиданно для нас из-за леска появились "юнкеры". Мы их заметили, когда они уже пошли в пике, намереваясь сбросить бомбы, и разбежались кто куда. Я прыгнул в окоп, на дне которого лежала старая железная печка. Попытался вышвырнуть ее, но она снова свалилась мне на голову, а за ней и лейтенант Сармакешев. "А-а-ах! А-а-ах!" Земля под нами заходила ходуном от взрывов. Такие большие бомбы и так близко, пожалуй, еще не падали! А "юнкеры" пикировали снова. Опять колыхалась земля от мощных взрывов, а я, сжимаясь в комок, искал у нее защиты.

Когда пехота и артиллерия не были прикрыты с воздуха, "юнкеры" нагнали, становясь грозным противником. Вот и в то утро двенадцать пикировщиков сделали 6 или 7 заходов. Они пикировали низко и бросали бомбы довольно точно.

После налета похоронили мы еще нескольких товарищей. А шестерых увезли в медсанбат. У одного из разведчиков Сармакешева, громадного широкоплечего молчуна, оторвало левую руку у самого плеча - да так, что и жгут не на что было наложить. Вряд ли довели его до медсанбата...

Наши орудия стояли недалеко в лесу, без всякого укрытия. Одно из них было повреждено, а командир убит. Громадный осколок отсек у него часть туловища. Человек прошел Северо-Западный фронт, Курскую дугу и вот такая бессмысленная, бесполезная гибель...

Под Лоевом, куда вышла дивизия, штаб и НП дивизиона расположились в каком-то каменном полуподземном склепе, недалеко от небольшой церквушки, стоящей на самой высокой точке днепровского берега. Церковь постоянно обстреливалась. Немцы, видно, думали, что там находятся наши наблюдатели. А там был поп, да еще с семьей - женой и дочерью. Я обнаружил это случайно. Шел по кладбищу и позади церкви увидел большой склеп. Вход в него был завешен одеялом. Любопытство заставило заглянуть внутрь. Там и увидел семью священника. Попадья лежала на какой-то подстилке, а священник и дочь лет пятнадцати сидели.

- Что вы тут делаете? Вас может убить!

- Господь милостив, - ответил поп.

- Начнется наступление, вам будет совсем плохо, - пытался я уговорить их.

Они молчали. Немного подождав, я ушел. Ну и ну! Храбрые люди! А может, просто еще не поняли всей опасности...

Из-под Лоева нас перебросили к Любечу, маленькому городку, километрах в 70-ти ниже по Днепру. По дороге, где-то посредине, попали в такое болото, что едва вылезли: почище Сучана! В этом месте будем форсировать Днепр. Заняли боевые порядки. Оба берега реки здесь высокие. Места красивейшие! Поневоле всем вспоминались гоголевские слова: "Чуден Днепр при тихой погоде..." Кто-то из нас продекламировал их и задумчиво добавил: "А вот если приходится его форсировать..." Но это так, не всерьез.

Разведчики принесли в штаб патефон и несколько пластинок. Слушали песни, пока не лопнула пружина. Тогда стали крутить пластинки пальцем. Кто-то пробовал крутить в обратную сторону. Ничего. Тоже музыка. Пусть слышат фашисты, как нам весело!

Через несколько дней нашу часть немного сместили от Любеча. Опять появился лесной берег. Напротив, немного правее, - белорусское местечко Деражичи. Значит, когда будем форсировать Днепр, попадем с Украины прямо в Белоруссию! Здорово!

Стрелковые полки первыми переправились через реку. Немцы, видно, зазевались, а тем временем полки дивизии захватили узкую прибрежную полосу и сделали попытку развить наступление. Однако противник сумел остановить атакующих.

Понадобилась артиллерийская поддержка. Начал переправляться частями и наш артиллерийский полк. Помню, оказался в неизвестно откуда взявшейся лодке. Вместе со мной в нее сели пехотинец и два солдата моего взвода. Я впервые плыл на лодке, если не считать того, что когда-то в Иванове отец один раз брал нас на лодочную станцию и мы прокатились по тихой Уводи, обдавая друг друга брызгами с весел. К счастью, пехотинец оказался моряком. Сильный ветер и мощные матово-свинцовые накатывающие волны несколько не смутили его. Он взял на себя команду, и общими усилиями, стараясь не очень поддаваться быстрому течению, которое относило лодку от позиций, занятых стрелковыми полками, и, "подбадриваемые" взрывами снарядов и мин, время от времени вздымающимися фонтаны воды в стороне от нас, мы пересекли Днепр.

Начались тяжелые дни сражения под Деражичами. Оказалось, что кроме болот и степей есть еще и другие места, где вести бои не менее трудно. Например, пески. Вырытые окопы не держатся, песок оползает со стенок. Он везде - на теле, на зубах вместе с кашей, даже в воздухе, когда дует ветер. Пушки и снаряды приходилось тащить на руках. А для меня здесь таилась еще одна неприятность: никаких ориентиров! Песок, кусты - и опять песок! Попробуй определись! Поначалу спасало то, что пушки выдвигались вперед, на стрельбу прямой наводкой: в таких случаях привязка отпадала.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Из оперативной сводки за 22 октября 1943 года

Южнее Речицы наши войска, преодолевая сопротивление противника, продолжали вести бои по расширению плацдарма на правом берегу Днепра и овладели сильно укрепленными опорными пунктами противника Возок, Райск, Михалевка, Городок, Тесны, Деражичи, Новая Лутава.

Той осенью не было, мне казалось, места на нашем участке фронта страшнее Деражичей: заросли кустов, песчаные прибрежные холмы на пути от берега Днепра к местечку хорошо просматривались и постоянно обстреливались противником.

Артиллеристы находились почти на одной линии со стрелковыми ротами. Был случай (о нем даже писала дивизионная газета), когда артиллеристы 1-го дивизиона нашего 84-го АП при внезапной танковой атаке фашистов оказались один на один с наступающими врагами и спасли положение. Это было за день до взятия Деражичей. Пушки 1-й батареи дивизиона стояли тогда на прямой наводке позади траншей одного из стрелковых батальонов, наступавшего вдоль днепровского берега. Рядом с траншеями находился наблюдательный пункт дивизиона. Отсюда разведчикам были хорошо видны заросли прибрежных кустов в направлении к Деражичам. Ближе к днепровскому берегу, рядом с двумя орудиями первой батареи, находился наблюдательный пункт командира взвода управления батареи лейтенанта Сармакешева. В сентябре ему исполнилось девятнадцать, но это был уже повидавший войну человек: семнадцати лет он ушел на фронт защищать родной Кавказ, вместе с нами воевал на Курской дуге.

В этот день фашисты сделали отчаянную попытку сбить наши наступающие части с захваченных позиций и сбросить их в реку. Под массированный "аккомпанемент" артиллерийского и минометного огня танки и самоходки врага двинулись на наши роты. Первым их обнаружил находившийся на НП дивизиона старший лейтенант Константин Михайлович Лосев. Тогда, в сорок третьем, для меня и моих товарищей он был просто отважным парнем Костей, успевшим в свои двадцать лет окончить артиллерийское училище, а еще через несколько месяцев, в боях на Северо-Западном фронте, получить звание старшего лейтенанта, орден Красной Звезды и медаль "За отвагу".

В бинокль Костя увидел два вражеских танка, две самоходки и автоматчиков, пробирающихся через кустарник. Судя по всему, десант противника пытался незаметно подойти к нашим траншеям: под гусеницами танков песчаная траншея сразу превратилась бы в братскую могилу для ее защитников.

По команде Лосева "заговорили" сразу две батареи - гаубичная и пушечная. Разрывы снарядов вблизи наступающих цепей противника прижали фашистских автоматчиков к земле, но не остановили танки и самоходные орудия. Под усилившимся минометным обстрелом машины приближались к нашему переднему краю. И тогда из полуобвалившихся траншей и наспех вырытых окопов выскочили бойцы стрелковых рот и побежали к Днепру, прямо на артиллеристов первой батареи.

Не выдержали нервы у солдат. Да, пожалуй, и не трудно понять, почему так получилось. После боев на Курской дуге и Левобережной Украине в стрелковых ротах дивизии остались считанные единицы закаленных, прошедших жестокое сражение бойцов. На каждого из них приходилось теперь по несколько молодых и необстрелянных солдат, почти мальчишек, призванных в армию с освобожденной черниговской земли. Они горели желанием отомстить за свой поруганный край, но совсем не имели боевого опыта.

Однако артиллеристы не поддались возникшей в ротах панике. Среди тех, что были у орудия первой батареи, многие прошли суровую школу Северо-Западного фронта, жестокие схватки с "тиграми" под Понырями.

Не испугал артиллеристов и минометный обстрел - бывало и похлеще. Спрятались с головой в окопы, отсиделись. Когда гул танковых моторов стал слышнее, выползли из укрытий к орудиям. Командир огневого взвода лейтенант Сергей Сухоедов подал команду для стрельбы по танкам. Но еще до его команды прильнул к прицелу командир первого орудия старший сержант Петр Гаганов. Человек обстоятельный и слегка медлительный, он в эти минуты, слившись с орудием, посылал снаряд за снарядом в надвигавшиеся танки врага. Наводчик второго орудия младший сержант Лебедев, говорун и заводила во всех шутках батарейцев, упал рядом с пушкой бездыханный, не успев сделать выстрела - осколок разорвавшейся вблизи мины сразил его наповал. Его место тут же занял командир орудия Николай Орешкин. Ожило и второе орудие. Смерч из песка и осколков поднялся над вражескими машинами. Танки и самоходки противника открыли ответный огонь.

Окоп командира огневого взвода Сергея Сухоедова находился как раз посередине между пушками. Почти каждый вражеский выстрел был и выстрелом по нему, Сережке, как звал его Сармакешев. Под таким огнем из окопа не высунешься. Но командиры орудий и без взводного отлично выполнили свое дело: завертелись на месте оба подбитых вражеских танка, отползли назад самоходки. Одновременно с огневиками в бой вступили те, кто был на наблюдательных пунктах. Когда Лосев и Сармакешев увидели оставивших передовую траншею и бегущих мимо них бойцов, они вместе со своими разведчиками - Капустиным, Волынским, Черноголовым и другими - выскочили

из окопов и сумели задержать бегущих, прекратить панику и повернуть их обратно.

Через тридцать пять лет, вспоминая об этом эпизоде, Владимир Никитович Сармакешев напишет:

"Вперед, только вперед! А вот дрогнули, не удержались молодые солдаты, "драпанули", забывая на какие-то мгновения, что назад - это путь к неминуемой гибели, что назад - это позор и смерть. Чем измерить эти мгновения? И как поверить в то, что эти же солдаты, в считанные минуты преобразившиеся в победителей, остановились, опомнились, контратаковали и отбросили врага! Жаркие бои чаще всего скоротечны. Были скоротечны и та атака и контратака под Деражичами. Задымили подбитые вражеские танки и самоходки, отползли от пушек в укрытие командиры орудий старшие сержанты Гаганов и Орешкин, другие ребята из орудийных расчетов. Ковырял ложкой в котелке остатки каши ефрейтор Петр Ерофеев, "управленец" батареи, только что ловко швырявший в набегавших немцев их же немецкие ручные гранаты с длинными деревянными ручками, поминая черта и остальную нечисть по причине полного молчания автомата, забитого песком при близком разрыве снаряда. И я, его командир лейтенант Сармакешев, уже не мог четко себе представить, что было в эти бесконечно длинные минуты жаркой схватки. А ведь что делал - орал, стрелял и, каюсь, хватал кого-то за шиворот... Обошлось. Все наладилось. Враг отброшен..."

В конце письма он добавил: "Если много лет спустя меня бы спросили о боях под Деражичами, что особенно памятно, какие воспоминания и по сей день свежи и ярки, я бы не стал вспоминать ни об этом бое, ни о двух немцах, взятых мною в плен в сумятице той ночи после атаки... До сего дня не могу забыть песок, скрипящий на зубах, забегающий за шиворот и в рукава гимнастерки, затекающий в сапоги... Песок, превративший пищу в несъедобное месиво, а пистолеты, автоматы, винтовки - в малополезные дубинки и кастеты. Чтобы спасти затворы от этой песочной пыли, мы пеленали ТТ и "вальтеры" в полотенца, портянки и упрятывали за пазуху. Не знаю уж, как ухитрялись некоторые солдаты сохранять и заставлять стрелять свое забитое песком оружие... И еще - неистребимый, тягостный трупный запах... Жаркие схватки не давали времени на уборку тел, а осень в тот 1943 год на Днепре была такая теплая..."

Потери у немцев были большие. Но и наших, особенно молодых, только что призванных солдат, иногда еще не успевших получить вместо гражданских курток и пальто шинели, полегло немало...

Ночью фашисты начали отходить. Попытавшись незаметно оторваться, они кинулись к городку Брагину.

...Тридцать лет спустя я по просьбе своих уже взрослых детей поехал с ними на автомашине показать места боев под Деражичами. Около Любеча на хлипком пароме, перевозившем скот, мы перебрались с левого берега реки на правый и двинулись по направлению к Деражичам. Послевоенные годы мало что изменили в этих местах. Машина сразу же застряла в песке, и, чтобы хоть как-то двигаться, пришлось спустить давление в шинах. Так на распластанных покрышках мы с трудом проехали первые километры. То и дело приходилось вылезать и подталкивать беспомощно буксующий в песке автомобиль. Еле выбрались на

дорогу, всю в глубоких выбоинах, покрытую толстым слоем пыли. Наша скорость увеличилась, но ненамного.

За нами тянулся густой шлейф пыли, а сверху нещадно жгло летнее солнце. В машине было трудно дышать. Дети вспоминали подробности недавней переправы.

Едва завидев хлипкий паром, узкие сходни и крутой спуск с берега, я понял всю рискованность нашей переправы. Но "отступать" было нельзя! На паром с берега были перекинута сходня - сбитые две доски - отдельно под колеса с левой и правой стороны. Машина под большим углом спустилась вниз по берегу и стала передними колесами на сходню. Я добавил газ, и автомобиль круто пошел вверх, выезжая на сходню. Едва задние колеса достигли настила парома, как сходня упала в воду. Они не были закреплены. К счастью, машина уже выехала на паром.

Когда я вылез из кабины, то увидел побледневшее лицо жены. Она попросила:

- У тебя в аптечке есть валерьянка? Дай! Мне плохо.

Переправлявшийся с нами мужчина в форме летчика добавил:

- Что вам - мне стало плохо... Он ведь мог погубить машину и покалечить себя!

На короткой остановке в пути старший сын, выйдя из машины, сказал мне:

- Теперь я понимаю, как было трудно здесь во время боев и какими были вы тогда...

За эти короткие часы он действительно многое понял, я почувствовал это своим отцовским сердцем и был очень рад этому.

И все-таки представить по-настоящему, что было под Деражичами, могут только те, кто в октябре 1943 года прошел и прополз по этим пескам под обстрелом и бомбежкой первые метры братской белорусской земли!

При форсировании Днепра 55-я стрелковая дивизия входила в состав 61-й армии, которая понесла здесь большие потери. После войны, в год 20-летия Победы, в Деражичах был поставлен памятник воинам 61-й армии, навсегда оставшимся на песчаном берегу Днепра.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Из оперативной сводки за 23 ноября 1943 года

В районе нижнего течения реки Припять наши войска овладели районным центром Полесской области Брагин, а также заняли более 40 других населенных пунктов.

На белорусской земле

От Деражичей дивизия двинулась на Брагин, догоняя откатывавшегося назад противника. Еще при немцах сюда заходили партизаны Ковпака и несколько дней удерживали город. Мы появились в нем утром и расположились у домов - отдохнуть. Меня, Мартынова и Беляева позвала к себе хозяйка ближайшего дома. Мы не стали отказываться. Давно уже не сидели вот так, по-

человечески, за столом - от самой Курской дуги. Дочь хозяйки вытащила из подвала спрятанные от оккупантов пластинки. Зазвучала песня:

Если завтра война,
Если завтра в поход,
Если темная сила нагрянет,
Как один человек, весь советский народ
За свободную Родину встанет!

У меня даже мурашки по коже пошли: вспомнил, как с этой песней мы ехали на фронт, еще не зная, что будет с нами и какой будет война. Сейчас я слушал эту песню с каким-то особым, все нарастающим чувством гордости - да, мы пошли в поход, в бой за Родину! И вот теперь гоним немцев на запад, все быстрее и быстрее!

Хозяйка и дочь ее, девушка лет восемнадцати, выглядели одинаково молодо. Когда мы сказали им об этом, женщина неожиданно заплакала. Оказывается, у нее была еще младшая дочь, которую угнали немцы. Вестей от нее не приходило...

Не только у меня было приподнятое настроение. Володя Сармакешев, полный мальчишеского восторга и солдатской гордости за успешные бои под Деражичами, написал вот такие вдохновенные строки своей маме:

"Видишь, родная, что дни моей службы идут,
А немцы бегут...
Идет по лесам белорусским
Солдат русский!.."

Забегая вперед, скажу, что через два месяца Сармакешев снова попал в Брагин, но уже на медсанбатовской машине. От деревни Прудок, под Мозырем, теряющего сознание и захлебывающегося кровью, везли его сюда по болотному бездорожью на телеге. Разведчик Капустин - тот самый, что вместе с ним бросился в контратаку под Деражичами,- теперь маялся возле своего тяжело раненного в лицо комвзвода и поддерживал ему голову, стараясь принять на себя резкие толчки и покачивания телеги. Болотистый лужок с копенками сена и кочковатый, чуть припорошенный снежком лесок у деревни Прудок на самых подступах к Мозырю остались для Сармакешева последним видением Белоруссии...

После Брагина путь дивизии пролег через Хойники. Перед этим миновали концлагерь - большой, огороженный колючей проволокой участок поля с вышками на углах. Лагерь был уже пуст. После короткой остановки выступили дальше. Прошли через одну сожженную деревню... другую... Первая была сожжена давно, вторая - совсем недавно, когда через нее проходил фронт; кое-где над сгоревшими хатами еще вился дым. Сиротами стояли обгоревшие печи с торчавшими вверх трубами.

Когда выехали за деревню и спустились за прикрывающий ее бугор, навстречу попалась телега, покрытая одеялами и тряпками, которую тащила корова. Сбоку плелась пожилая женщина. Ее лицо было чугунно-синего цвета, от внутренней дрожи она почти не могла говорить. Мы поняли, что, когда здесь проходил фронт, женщина отсиживалась в болоте. В ответ на наши расспросы она откинула покрывавшее телегу одеяло. Под ним лежала куча ребят - мал мала меньше. Посиневшие от холода, они неподвижно лежали, прижавшись друг к дружке. А деревня, куда везла их мать, уже догорала.

Не первый раз встретился я с лихой бедой. Война принесла для населения, в первую очередь для женщин и детей, неисчислимое количество бед и несчастий. На Курской дуге в одном из сел, оставленном немцами и взятом нашей пехотой без единого выстрела, я наткнулся на убитую женщину с мертвым ребенком на руках. Уходя, немцы в бессильной злобе обстреляли деревенские хаты, убили и ранили нескольких не успевших спрятаться жителей. Потом была Корюковка...

К убитым и раненым в военной форме волей-неволей на войне мы как-то привыкали. Иногда мысленно себя приструнивали - нечего, мол, переживать, сам завтра будешь лежать здесь же поблизости или идти вот так же, обливаясь кровью и пугая окружающих...

Совсем другое - погибшие женщины и дети. Видеть их всегда было больно и страшно.

Впереди были Мозырь и Калинковичи, ставшие важными опорными пунктами вражеских войск. После короткого отдыха, во время которого мы порядком отошали из-за плохого, еще не наладившегося снабжения, выступили маршем к большому белорусскому селу Юревичи. Был конец октября. Долго месили сапогами грязную, разъезженную дорогу. К вечеру подошли к Юревичам. Дома стояли темные, пустые. На улице, идущей вдоль деревни, - грязь по колено, сапоги засасывает. Не помню, по какой причине, но я оказался один. Впереди, во тьме, увидел бредущую корову. Решил привести ее на кухню. Будь что будет! Я понимал, что это самое настоящее мародерство, но не мог удержаться от соблазна: не мы, так пехота съест заблудившуюся коровенку. Я прибавил шагу, корова - тоже. Сделал рывок бегом, но и она припустила. Не раздумывая, схватил рукой болтавшийся передо мной хвост и попытался остановить ее. Не тут-то было! Перепуганная корова потащила меня с такой дьявольской силой, что я едва успевал переставлять ноги, глубоко увязавшие в жидкой глине. Чувствуя, что сейчас или упаду, или оставлю в глине сапоги, я разжал пальцы и отпустил хвост. Строптивая корова сразу же сбавила шаг, но я уже не пытался догонять ее, - и так был достаточно наказан за свое легкомыслие.

Ночевали в каком-то доме. Измученный длинным переходом и возней с коровой, я, как был в мокрой шинели и грязных сапогах, так и лег не раздеваясь недалеко от двери, прямо на полу. Тем временем к селу всю ночь подходила пехота. Утром нас лежало в пять раз больше - один на другом. Кто входил в дом, как перешагивали через меня, - ничего не слышал.

Позднее я не раз вспоминал свой необычный кросс по Юревичам с коровьим хвостом в руках и радовался, что никто меня не видел - засмеяли бы!

За Юревичами наша дивизия вынуждена была задержаться. Здесь гитлеровцы заранее построили линию обороны и теперь уцепились за нее. Нашу пехоту встретили немецкие огнеметчики. Всякое оружие, которое применяется впервые, всегда поначалу кажется страшнее, чем есть на самом деле. Так случилось и с вражескими огнеметами. Но и они не помогли. Через несколько дней полки дивизии прорвали вражескую оборону, и мы вышли в бассейн реки Припять.

Стоял декабрь, морозы уже давали о себе знать, но многочисленные притоки Припяти и болота не замерзли. Наступление дивизии снова приостановилось. Но не только противник был тому причиной. Новый вражеский рубеж проходил по возвышенности, заросшей лесом, мы же наступали по болоту. Даже тем солдатам, кто был на Сучане, стало не по себе: с мокрыми ногами и одеждой на холоде много не навоюешь. Но приказа занять оборону не поступало. День за днем стрелковые батальоны ходили в атаку и откатывались назад, неся потери.

В один из вечеров я вместе с недавно назначенным начальником штаба дивизиона капитаном Владимиром Кожевниковым грелись кипятком в штабной полуземлянке-блиндаже, расположенной в районе огневых позиций. Мы сидели на некоем подобии нар из толстых кольев, а перед нами на столике, сооруженном из тонких колышков, стоял солдатский котелок.

Вошел майор Новиков. Кривая усмешка исказила его обычно доброе лицо.

- А, чай распиваете! - крикнул он с несвойственной ему злостью и сшиб со стола котелок с кипятком.

Мы с Кожевниковым встали, с недоумением глядя на командира. А он заорал чужим для меня голосом:

- Малиновский! Приказываю: пушку на конной тяге доставить сегодня же ночью на передовую - в распоряжение командира батальона! Сам со своими бойцами будешь наступать с ротами и к десяти утра должен занять новый НП дивизиона здесь, - майор показал на карте место в глубине немецкой обороны, километрах в двух от нашей передовой. - Не выполнишь приказ - расстреляю!

Никогда ранее Новиков не отдавал таких необычных и жестоких приказов и не обращался так ни со мной, ни тем более с Кожевниковым, которого очень ценил и уважал. Да и Кожевников был такой, что не допустил бы с собой грубого обращения. Он был немного старше меня и отличался отчаянной смелостью. Лицо Кожевникова залилось краской. "Сейчас он скажет что-нибудь Новикову, - подумал я. - И будет прав! Приказывать - приказывай, но рукам воли не давай, так и до мордобоя дело дойдет!"

Я громко, с вызовом, сказал:

- Есть, товарищ майор! Разрешите выполнять? - и пошел к выходу.

- Подожди, младший лейтенант! - остановил меня Новиков.

Он сел на нары, схватился руками за голову, облокотился на стол и начал ругаться жутким матом, перемежая его своим любимым ругательством "кусок дурака".

Никто из нас, побывавших на настоящей войне, не был праведником. Что и говорить, материться приходилось, особенно в трудную минуту. Так и Новиков - "отвел душу", а потом рассказал нам более спокойным тоном, что произошло.

А случилось вот что. Новикова и остальных командиров дивизионов вместе с командиром артполка вызвали в штаб дивизии. Комдив Заиюльев из-за неудачных наступлений последних дней, и особенно - этого дня, был взвинчен до предела. Молча достав карту, он нарисовал на ней далеко за передним краем, - в тылу немецкой обороны, - условные обозначения наблюдательных пунктов для дивизионов нашего полка и приказал:

- Сегодня ночью пушки, имеющие конную тягу, вытащить на передний край для стрельбы прямой наводкой. Завтра через полчаса после начала наступления артиллеристы должны быть там, где нарисовал НП. За невыполнение приказа - расстреляю! Все, можете идти!

Каким бывает командир дивизии в гневе, я видел сам. Как-то во время короткой передышки на Курской дуге Заиюльев появился в нашем дивизионе - высокий стройный красавец с мужественным лицом, украшенным усами под Чапаева. Что-то ему тогда не понравилось - то ли показалась неудачной маскировка машин и орудий, то ли палатка для командира дивизиона, наспех поставленная вблизи дороги.

Подозвав Новикова, комдив на виду у всех грубо отчитал его, а уезжая, гневно бросил:

- Орден успел нацепить, а маскировке не научился! - При этом глаза его сверкнули так яростно, что окажись Новиков рядом - испепелил бы его взглядом. А ведь орден Александра Невского командир дивизии сам вручил Новикову всего неделю назад после тяжелейших боев в районе Поньрей за решительные и умелые действия дивизиона.

Помню, зайдя в палатку, где были я и Мартынов, Новиков схватил руками орден, рванул его так, что креплением разорвал гимнастерку и швырнул ни в чем неповинную награду в угол:

- Сам нацепил, а меня упрекает! - и долго потом не мог успокоиться от оскорбительного разноса.

Но вернемся к той злополучной ночи.

Приказ обсуждению не подлежал. Хоть Новиков и горячился, а отменить его не мог. Поняв все и немного успокоившись, я пошел за своими бойцами и пушкой. Когда орудие было подготовлено и собрались огневики и красноармейцы моего взвода, подошел Новиков.

- Повезете орудие на передовую для стрельбы прямой наводкой, - сказал командиру орудия.- Огневую позицию укажет лейтенант. Цели спросите у командира батальона. Я к утру приду. Сухие портянки с собой взяли? - спросил солдат и ко мне: - Малиновский, отправляйтесь!

Не зря спросил Новиков о портянках. Пока мы довели орудие до передовой, перетащив его через многочисленные незамерзшие болотные языки, то и дело перерезавшие лес, сапоги наши нахлебались воды. Выйдя из последнего, тринадцатого или четырнадцатого по счету, болота, намотали сухие

портянки на заочевенные ноги. Стало теплее, но мокрые сапоги холодили ноги. Терпи, казак, атаманом будешь!

Вот наконец и передовая. Я уже раньше был здесь, поэтому сразу нашел блиндаж командира батальона. Вдвоем выбирали место для орудия.

К концу ночи все было сделано: готов орудийный окоп, подтащено на руках, установлено и замаскировано орудие. Подготовлены снаряды. Вырыты окопы для расчета. К счастью, немцы нас не обнаружили.

Обессиленные, мы свалились на бруствер орудийного окопа, потные и жаркие. Первая часть приказа, зависевшая только от нас, была выполнена. А утро уже надвигалось. Скоро придет Новиков, и мы пойдем к командиру батальона узнать, с какой ротой бежать в атаку...

Смертельная усталость сковала тело и вытеснила все мысли, кроме одной, упрямо мелькающей в мозгу: "Не успеешь - расстреляю!"

Перед рассветом к нам подошел командир батальона вместе с незнакомым офицером в белом полушубке с планшеткой на боку. Веселым голосом тот сказал: "Артиллеристы, сматывайте удочки, смена пришла!"

Нашу дивизию подменяла свежая, подошедшая этой ночью.

Для дивизии это были последние бои под командованием Заиюльева. Затем его направили на учебу в Академию Генерального штаба. Впоследствии, уже после победы, ему пришлось воевать в Корее. Вернулся с пулей под сердцем. Закаленный долгой военной службой организм справился и с этим.

9 мая 1974 года у Большого театра в Москве, где собрались ветераны дивизии, я увидел Заиюльева снова. Николай Николаевич - уже генерал - был по-прежнему подтянут, все еще красив и немногословен. И все-таки не он оказался в центре внимания однополчан. Им был Николай Борисович Ивушкин - начальник политотдела дивизии, не раз выручавший многих от гнева ее командира. Заиюльев это почувствовал и на остальные встречи не приходил. К концу жизни он остался в одиночестве при живых жене и дочери. Допускал к себе лишь бывшего командира батальона, жившего по соседству и ухаживавшего за ним, как добрая нянька. Это была расплата, но не столько за его характер, в принципе Заиюльев был неплохим человеком, сколько за пороки сталинской системы, которой он бездумно служил.

Нам салютует Москва!

Недолгим был наш отдых. Практически его не было. Отошли немного в тыл, постояли дней пять в лесу, а затем вернулись назад и снова заняли боевые порядки. Вплотную к Припяти продвинуться не удалось, там - сплошные болота. В нашем расположении их тоже хватало. Начальник штаба дивизиона дал мне поручение - "студебеккером" перетащить одну из гаубиц через замерзший узкий приток Припяти впереди наших позиций - посмотреть, выдержит ли лед орудие, если придется продвигаться вперед. Гаубицу прицепили к "студебеккеру". Я сел в кабину, и машина благополучно выползла на берег. Но под гаубицей лед начал трещать, и она провалилась в воду. К счастью, у "студебеккера" была мощная лебедка. Мы отцепили гаубицу, развернули автомашину, поскольку лебедка у нее

впереди, и прикрепили трос к лафету орудия. Что-то будет? Но вот трос начал наматываться, и гаубица медленно выползла на берег. Легко отделались!

Больших боев пока не было. Один из наших командиров батареи капитан Павел Иванович Бешлега, сменивший убитого на Курской дуге Панкратова, и с ним два радиста ушли со стрелковым батальоном по нейтральной полосе вдоль Припяти в тыл к немцам. Каких-либо сведений от них еще не поступало.

К вечеру меня вызвал майор Новиков!

- Поздравляю, тебе добавили звездочку! Теперь ты лейтенант,- сообщил он.- Отмечать будешь потом, а сначала придется потрудиться. Батальон, с которым ушел Бешлега, забрался очень далеко, наши пушки туда не достанут. Придется тащить к нему хотя бы одно орудие. Батальон завтра утром вступает в бой, времени в обрез. Находятся они километрах в 16-18 от нас. Примерно вот здесь.- Новиков поставил крестик на моей карте.- В штабе полка сказали, чтобы я поручил это тебе,- добавил он как бы оправдываясь.- Придется идти по компасу, а ты в этом деле виртуоз! Не задерживайся, отправляйся прямо сейчас. Бешлега должен успеть еще затемно поставить пушку на прямую наводку. Вопросы есть?

Я ответил, что все ясно.

Уже темнело, когда мы выступили. Две пары лошадей тащили орудие. Впереди шел я. За пушкой шагали пять бойцов орудийного расчета. Движению мешали кусты и глубокие болотистые места. "Хоть бы не утопить пушку и лошадей", - думал я. Вначале мы шли по направлению к Припяти, чтобы выйти на никем не занятую болотную полосу, потом повернули направо. По моим прикидкам выходило, что отсюда надо двигаться прямо на север. Беззвездная ночь, густо падающий снег, занесший все следы, затрудняли ориентировку. Я все время посматривал на компас. На немецкой передовой, справа от нас, время от времени взлетали осветительные ракеты, раздавались редкие очереди автоматов. Постепенно и передний край остался у нас за спиной.

Мы пробирались очень долго, почти не отдыхая. Чем дальше, тем больше возрастала тревога. Вначале я считал шаги, пытаюсь точнее определить место поворота, и мне удалось это сделать. Но вот пошли параллельно реке, и дальше вести счет шагам стало бесполезно. Начались густые кустарники, канавы, топкие болотные участки, которые приходилось объезжать. Как же тут идти по азимуту? Многие мучительные часы кружили мы среди болотных топей и кустарников. Падающий снег забивал глаза, ночная тьма окружала нас со всех сторон и пугала причудливыми очертаниями одиноких кустов, похожих на людей. Часа в четыре ночи, когда уже отшагали не меньше пятнадцати километров, стало казаться, что мы окончательно заблудились. Да разве можно найти батальон среди этого моря кустов? Но не выполнить приказ тоже нельзя. Теперь я понял всю трудность моего задания. Что же делать?

Мы продолжали идти вперед, забыв про усталость и мокрые ноги. Подумалось: "Неужели заблудился? Чего доброго - вместо батальона притащу пушку к фашистам!" Я был уже готов остановиться и подождать утра, чтобы обнаружить батальон по звукам боя, когда нам наперерез из-за куста внезапно вышли радисты Бешлеги с рацией. Случилось так, что рация перестала работать, и комбат послал их за новой. Обрадованные, мы двинулись по следам радистов.

Через полчаса я передал Бешлеге задание командира дивизиона. Он затащил меня в наскоро вырытую землянку, а сам пошел устанавливать орудие. Утром, еще до начала боя, я отправился в обратный путь.

К обеду прибыл в штаб дивизиона. После моего доклада Новиков сказал:

- Радисты доложили, что видели вас. Их после встречи с вами обстреляли немецкие автоматчики-патрули. Фрицы должны были контролировать болото. Я очень беспокоился. Но тебе, лейтенант, повезло! Как говорится, пронесло, успел проскочить! - Он весело взглянул на меня. - Иди отдыхай!

Батальон, куда мы притащили пушку, успешно выполнил задачу: захватил ближайшую деревню и занял там оборону. У немцев началась паника. Услышав артиллерийскую стрельбу у себя в тылу, они решили, что их обходят крупные подразделения нашей армии. Сопротивление на передовой ослабело. Стрелковые полки прорвали линию вражеской обороны и пошли вперед.

Замполит дивизиона, увидев меня через день после моего "путешествия" с пушкой по болоту, не утерпел и сообщил, что Новиков представил меня к награде.

Через тридцать пять лет после войны, когда я разыскал Бешлегу, мы вспомнили этот случай. Он рассказал подробности боя. Когда забрезжил рассвет, ему стало ясно, что немцы, к счастью, ничего не подозревают. В деревне, расположенной в нескольких сотнях метров впереди, дымились немецкие полевые кухни, у изгородей топтались привязанные лошади, безоружные немецкие солдаты то и дело выходили из домов, шли к кухням и лошадям, грузили ящики на повозки.

Перед началом наступления Бешлега сам навел орудие на ближайший дом. Первый же снаряд угодил в крышу. Капитан приказал расчету вести беглый огонь. Автоматная стрельба бросившегося в атаку батальона завершила дело - среди вражеских солдат в деревне поднялась настоящая паника. Одни бросились в дома, за оружием, навстречу им выскакивали другие, полуодетые. Артиллерийский огонь и пули автоматчиков косили фашистов. Подоспевший на помощь фашистам танк мог бы натворить беды, но его подбил последними снарядами расчет орудия Бешлеги.

Деревня была захвачена без особого сопротивления. На улице валялись десятки убитых гитлеровских солдат, в сараях и домах нашли большое количество боеприпасов. Батальон закрепился в деревне и удерживал ее до подхода основных сил дивизии.

Перед Новым годом командир дивизии собрал офицеров, награжденных за декабрьские бои, тепло поздравил и раздал награды. Капитану Бешлеге вручил орден Александра Невского. К моей медали добавился орден Красной Звезды. Присутствовавший при награждении командир нашего полка Петр Андреевич Любимов подошел к Бешлеге и расцеловал его.

В начале января 1944 года дивизия вышла на подступы к Мозырю и Калинковичам. Гитлеровские войска заранее укрепили этот район. 12 января началось наше наступление. После короткой, но мощной артиллерийской подготовки быстро пошла вперед пехота. К концу дня мы потеряли связь с командирами батарей, которые продвигались со стрелковыми батальонами.

Начальник штаба дивизиона капитан Кожевников отдал приказ огневым взводам занять походное положение. Проехав километров пять-семь, наша колонна остановилась. Кожевников приказал огневикам ждать, а сам вместе со мной пошел искать наступающие батальоны.

Сначала мы ориентировались по следам, которые оставили бойцы, тащившие пулемет. Они вывели нас на лесную тропу. Стемнело. Высоко на сосне, недалеко от нас, замаячило черное продолговатое тело.

- Не "кукушка" ли? - предупредил я Кожевникова.

Обогнув на всякий случай сосну стороной, снова двинулись по тропе. Ночь была ясная, на небе горели звезды. Впереди, высоко над головами, сияла полярная звезда - значит, идем правильно, на север. Неожиданно наткнулись на небольшой лесной завал, за которым светлела поляна. Ее освещал огромный медно-красный диск луны. Это смутило нас. Немного постояли, прежде чем идти вперед. Потом Кожевников махнул рукой:

- А ну, пошли!

Одновременно впереди нас, на другой стороне поляны, зарокотал трактор. Остановились как вкопанные: наша колонна далеко сзади, а это - немцы! Словно для подтверждения этой догадки с дальнего угла поляны ударила автоматная очередь. Мы постарались побыстрее перебраться через завал обратно и почти бегом устремились назад. Километра через два-три наткнулись на стрелковый батальон. Бойцы копали окопы. Стало ясно, что где-то мы проскочили мимо наших наступающих рот и опередили их, чуть было не поплатившись за это. Разузнав обстановку, вернулись к своим огневым взводам. Кожевников отдал приказы. Огневикам - занимать боевые позиции, а моему взводу - строить штабной блиндаж. Работа закипела.

Утром стрелковые полки двинулись вперед. Огневые позиции дивизиона оставались пока на месте. Стрельбы мы не слышали - видно, враги отходили, не приняв боя. Воспользовавшись небольшой передышкой, я решил пройтись по нашему вчерашнему маршруту. Нашел сосну с темным силуэтом на верхушке и увидел, что нас напугала пчелиная колода. Потом вышел к поляне. Посередине ее, прямо на снегу, не замаскированные, стояли цепочкой мины, соединенные между собой тонким, едва заметным проводом. Очевидно, фрицы очень спешили. На другой стороне поляны, перед лесом, тянулось проволочное ограждение. Осторожно переступил провод, соединяющий мины, - они были новой, незнакомой конструкции, потом подошел к проволочному забору и, пытаясь не зацепиться за колючки, перелез через него. За ним шла глубокая траншея. Прошелся по ее краю до блиндажа, спрыгнул вниз и заглянул в блиндаж. Он был пуст. Забираться в него не стоило - блиндаж, наверное, тоже заминирован... Хорошо, что вчера вовремя повернули назад! Конечно, тут были немцы. А если их и не было - подорвались бы на минах, установленных на поляне.

С такой же осторожностью проделал обратный путь. Когда вернулся и рассказал начальнику штаба о виденном, тот чертыхнулся и добавил:

- Немного бы от нас осталось, если бы туда полезли! - А про мины сказал, что это новый и очень опасный тип - прыгают и рвутся в воздухе, и он тоже не знает, как обезвреживать их. Нужно, очевидно, ждать, пока это сделают саперы.

Вечером получили приказ занять новые позиции - ближе к Мозырю. Начальник штаба, я и несколько солдат двинулись напрямик, через лес. Было уже совсем темно, когда подошли к злополучной поляне. Мы оказались значительно правее того места, где были с Кожевниковым, но поляну ту я узнал сразу. Хорошо, что утром сходил туда. Да, мины еще стояли, едва заметные при слабом лунном свете. Саперы, очевидно, здесь еще не проходили или просто не успели их убрать. Осторожно перешагивали мы через провод, несущий при любом неверном движении смерть. Кто-то предложил зацепить за него веревкой и, отойдя, дернуть. Но веревки не было, а мы торопились. Потом по очереди, поддерживая друг друга и ругая гитлеровцев на чем свет стоит, стали перелезать через колючее проволочное ограждение. Неожиданно слева, из темноты метров за сто от нас раздался звонкий женский голос:

- Зачем вы там лезете? Здесь проход!

Голос не успел замолкнуть, как раздался взрыв. Послышались отчаянные женские визги, сменившиеся стонами. Потом снова подряд три разрыва, один за другим, и стало тихо. Подбежав к месту взрывов, мы увидели четыре чернеющие на снегу фигуры. По неестественным позам было видно, что женщины убиты наповал. Немного позади из снега поднимался мужчина. Старик был так напуган происшедшим, что вначале не мог говорить. Оказалось - это жители освобожденной деревни, что в километрах восьми отсюда. Они прятались в лесу, а сейчас возвращались обратно. Потрясенные разыгравшейся на наших глазах трагедией, мы не сразу решили, что делать дальше.

Одно было ясно: женщин уже не воскресить...

Сколько таких трагедий - больших и малых - случалось в лесах и болотах, на дорогах и тропах, по которым в страхе покидало родные места, а затем возвращалось местное население - женщины, дети, старики, когда линия фронта нависала над ними смертельной опасностью.

Постояв немного и увидев, что мужчина пришел в себя, мы двинулись дальше.

В пылу наступления "проскоки" артиллеристов за передовую линию - вещь обычная.

В первом дивизионе, командиром которого назначили ранее служившего у нас капитана Кудинова, только случай спас его и разведчиков. Они вышли к железной дороге, ведущей на Мозырь. Вместе с ними был связист с рацией. На насыпи, рядом со взорванным мостом, перекинутым через небольшую речушку, стояла железнодорожная будка, укрепленная со всех сторон рядами бревен. Между стенами будки и бревнами были засыпаны камни. Верхней части одной из стен не было. Через это "окно" можно было хорошо рассмотреть лежавшую перед ними местность.

Возле будки разведчиков догнал командир полка со своим адъютантом. Кудинов этому не удивился: полковник был человеком смелым. Любимов приказал Кудинову выслать разведчиков вперед и узнать, есть ли там наши стрелковые подразделения. Разведчики Велекжанин, Черноголовый и Коржов, выполняя приказ комполка, прошли метров пятьсот вдоль насыпи, забрались на нее и увидели гитлеровских солдат, которые окапывались совсем рядом. Те тоже

их обнаружили и обстреляли из автоматов, заставив кубарем спуститься с насыпи. Когда разведчики подбежали к будке, гитлеровцы начали артиллерийский обстрел. Любимов с адъютантом оставались внизу, под насыпью. В будке на нарах сидел Кудинов. Забежав в укрытие, разведчики легли на пол. Обстрел шел по всем правилам артиллерийской науки - первый снаряд улетел за будку, второй не долетел, третий разорвался почти рядом. В это время командир полка поднялся по насыпи и крикнул полушутя-полусерьезно:

- Кудинов, учись! Вот так надо стрелять: видишь, вилочка. Берегись, сейчас он влепит прямо сюда!

Разведчик Коржов, услышав эти слова, выскочил из будки и побежал вниз, к траншее. Остальные еще колебались, не зная, как поступить. Очередной снаряд, жутко свистнув, разорвался на крыше будки. От удара и взрыва будка дрогнула, крышу и часть задней стенки сорвало. Кудинова сбросило с нар на разведчиков. Как потом оказалось, его ударил по плечу крупный осколок, пробил правый погон, шубу и китель. Черноголовому чем-то разбило верхнюю губу и в куски разорвало шинель ниже спины, а в валенке застрял осколок. Сильно ранило Велекжанина. Алалыкина только немного оглушило, радиста тоже, хотя рация была разбита на мелкие куски.

Первым вскочил с пола Черноголовый. Проведя рукой по лицу и увидев на ладони кровь, он взволнованно спросил, продолжая ощупывать нос, щеки, лоб:

Что с моим лицом?

Ты свою ж... пощупай,- спокойно сказал ему уже пришедший в себя Алалыкин. - У тебя на задку от шинели только дырки остались!

Перевязав Велекжанина, все спустились вниз, в траншею. Чудом спасшийся Кудинов, полный тех чувств, которые испытывает человек, только что переживший смертельную опасность, гневно сказал командиру полка, словно тот был главным виновником происшедшего:

- Петр Андреевич, ради бога, уйдите отсюда!

И, приходя в себя, понимая, что тот не виноват, добавил:

- Зачем же вам рисковать?

Посчитав, что прямое попадание уничтожило людей в будке, гитлеровцы обстрел прекратили. Подождав немного, командир полка ушел, ничего не сказав Кудинову. Трагикомический эпизод этот позднее рассказал мне Черноголовый.

Чтобы обеспечить успех наступления на Мозырь, командир дивизии решил, помимо удара стрелковыми полками с фронта, провести наступательную операцию по правому, занятому противником берегу реки Припяти, на котором стоит город. Для этого была выделена учебная команда, располагавшаяся в Юревичах, и лыжный батальон дивизии. Перед рассветом 13 января эти подразделения по льду форсировали реку. Когда большая часть рот была уже на правом берегу, противник открыл ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь по развернутым в наступлении цепям и по льду реки. Но было уже поздно. Наступающие смяли очаги сопротивления и стали продвигаться к Мозырю по берегу реки. Успеху наступления способствовали четкие и стремительные действия учебной команды. 700 будущих сержантов - восемнадцатилетние и девятнадцатилетние бойцы - горели желанием первыми ворваться в Мозырь. Их

командиры - майор Долинский, капитан Турчанинов и другие были опытными, смелыми, прошедшими через многие бои офицерами.

Берег, по которому шло наступление, очень изрезан оврагами и холмами, заросшими мелким лесом и лозняком. Это помогало противнику в обороне, но и способствовало маневру наших подразделений. При попытках задержать наступление наши роты обходили врагов с фланга, и гитлеровцы пятились и пятились назад, ближе к Мозырю. Так продолжалось весь день, в течение которого у противника было отбито столько оврагов и холмов, что потеряли им счет. Однако Мозырь был все еще далеко.

К вечеру пришел приказ - усилить темп наступления и во что бы то ни стало первыми ворваться в Мозырь! "Помню, мы, не дождавшись ужина, хотя не обедали и днем, начали решительное наступление, - написал мне Василий Иванович Турчанинов, участник этого боя. - Противник вначале оказывал серьезное сопротивление, а затем оно заметно ослабло, и все роты стали стремительно продвигаться вперед; к 2-3-м часам ночи 14 января вышли в район нынешней улицы Пролетарской, западнее места через реку. Остальная часть города была взята к этому времени другими частями фронта".

Участник наступления на Мозырь, Григорий Васильевич Бондаренко, тогда девятнадцатилетний боец учебной команды, рассказывает: "Долинский приказал батальону собраться и построиться. Он поблагодарил нас и поздравил с освобождением города. Хотя была ночь, но рядом с нами быстро собралась толпа народа. Они не дали говорить Долинскому, начали нас обнимать и целовать. Многие плакали, приговаривая: "Какие вы молоденькие!", и щупали наши, недавно введенные в армии погоны. Часа в три ночи меня и еще нескольких автоматчиков завели в полуподвальное помещение без дверей, только пол да крыша над головой. Мы побросали автоматы в угол и, мертвецки уставшие, попадали на пол и уснули. Я успел подумать - не дай бог немцы опомнятся и пойдут в контратаку... Но все обошлось. Утром подошла наша кухня, и нас накормили кашей с мясом".

Наступление продолжалось, но бои стали более жестокими. В одном из них Бондаренко чуть не погиб. Ему было приказано вместе с группой автоматчиков произвести ночную разведку боем - пробраться к вражеским траншеям и вызвать огонь на себя, чтобы немцы обнаружили свои огневые точки. Дальше я снова привожу его рассказ.

"Мы поползли к заграждению из колючей проволоки и там открыли сильный огонь. Ствол моего пулемета накалился, за него нельзя было взяться рукой. Потом дело дошло до гранат. Мы бросали их в немецкие траншеи, а немцы в нас. У них гранаты с длинными ручками, бросать удобно, и они падали и рвались далеко за нами. А когда рассвело и немцы увидели, что бойцов мало, они стали расстреливать нас в упор, кричали и смеялись: "Рус Иван, спой "Катюшу"! Рус, сдавайся!" Я протягиваю руку своему второму номеру за диском, а он уже мертвый. Вдруг перед моими глазами вспыхивает столб огня, и я лечу в пропасть, теряю сознание...

Когда пришел в себя, лежал кверху лицом, мела метель, на губах таял снег, было темно. Почти рядом разговаривали немцы. При стрельбе из немецких и

наших окопов надо мной свистели пули. Пошевелил ногами - целы, руками - тоже. Сильно хотелось пить и гудело в голове. Вытащил из-под снега свой пулемет за ремень и пополз к своим. До окопов было метров шестьсот. Кое-как добрался. Подполз к окопу, где стоял наш станковый пулемет, а пулеметчик чуть не прошелся по мне очередью - подумал, что ползет немец. Он дал мне в руки телефонный кабель - ползи дальше. В землянке, когда свои увидели, ахнули: вид был ужасный! В котелке, что висел на боку, - шестнадцать пробоин. Целые сутки спал. Потом лечил в медсанбате обмороженные пальцы на ногах и отходил от контузии".

Наш дивизион продвигался слева от города. Когда переправляли гаубицы, ледяной покров Припяти в буквальном смысле стонал, пугая нас звуками образующихся трещин. Но все обошлось благополучно.

В "Правде", которую прочитали через несколько дней, был напечатан приказ Верховного Главнокомандующего о присвоении нескольким частям, в том числе и нашей дивизии, наименования Мозырских.

Москва салютовала войскам, освободившим Мозырь и Калинковичи, двадцатью залпами артиллерийских орудий.

У меня в эти дни произошло большое событие: во время боев за Мозырь я подал заявление о приеме из кандидатов в члены партии. Через две недели, в начале февраля, Николай Борисович Ивушкин вручил мне партийный билет. Начальник политотдела пришел к нам прямо в дивизион, созвал всех получающих партбилеты в штабной блиндаж и вместе с замполитом дивизиона капитаном Павлом Васильевичем Коваленко горячо поздравил нас. Представляя меня начальнику политотдела, замполит не утерпел, похвастался:

- Наш воспитанник, звание получил на фронте.

Тот сразу же задал мне вопрос из Устава партии:

- Расскажите о партийных группах, создаваемых во внепартийных организациях.

Устав я, конечно, читал, но тут растерялся, на вопрос не ответил и покраснел, как маков цвет. Николай Борисович внимательно глядя на меня разъяснил, что говорится в Уставе. При этом ему, видно, надолго запомнилось мое огорченное лицо, потому что когда я после войны в 6 часов вечера 9 мая 1972 года у Большого театра снова увидел начальника политотдела, он узнал во мне "отличившегося" при вручении партбилетов молодого, покрасневшего до ушей офицера.

Роль политотдела и самого Николая Борисовича, незаурядного, опытного и умелого политработника, в успехах нашей части трудно переоценить. Он прошел суровую школу боев 1941 года на Западном и Калининском фронтах. Все лето 1942 года провел, как и мы, на Сучане, в составе 133-й стрелковой бригады, которую не раз нам приходилось сменять или вести бой рядом. Командир дивизии, Герой Советского Союза Николай Николаевич Заикульев, был человеком крутого характера, и Николай Борисович не раз сдерживал и поправлял его. А вместе они отлично руководили соединением, не случайно прошедшим большой и славный боевой путь. И сейчас, много лет спустя после войны, Николай Борисович остался верным долгу комиссара: разыскал и объединил ветеранов

дивизии. И именно благодаря ему свершилось в моей жизни невероятное - 9 мая 1972 года в 6 часов вечера у Большого театра в Москве я встретился со своими однополчанами, о которых мне ничего не было известно двадцать семь лет! Но об этом - позже.

Письмо отца

После взятия Мозыря нашу дивизию вернули на правый берег Припяти и бросили выше по реке. Здесь, против Петрикова - маленького городка на левом берегу, оставался небольшой участок на нашей стороне, где еще находились немецкие войска. Блокировав его, стрелковые полки вышли на берег реки справа и слева.

Наступил март. Потеплело. А у Новикова, Мартынова, бойцов-связистов и у меня на душе ледяной ком застывшей боли. Случилось большое горе: Гена Беляев тяжело ранен, контужен и выбыл из полка.

Когда подходили к Петрикову, немцы практически не сопротивлялись. А потери у нас были, и большие. В основном - от противопехотных мин и фугасов. Их и до сих пор кругом достаточно. По этому поводу даже был издан особый приказ: ходить и ездить на оставленной врагом территории только по проверенным саперами тропам и дорогам.

Гена шел с командиром дивизиона на новый НП, чтобы узнать, куда тянуть связь. В стороне, прямо на снегу, валялась саперная лопатка. Автоматически повернул к ней, чтобы взять - пригодится, и - взрыв! Наступил на мину. От контузии и раны потерял сознание. Новиков, как мог, перевязал остаток ноги и на руках притащил Гену в санбат. С такой серьезной раной сразу отправили в тыл. Так мы и расстались с Геной.

Я ходил сам не свой: из госпиталя писем не было. Оставалась надежда - может, он подаст весть моим родителям? Месяц назад я просил Гену написать моей матери и дал домашний адрес. Сделал это не случайно. В каждом из последних маминых писем звучало столько тревоги за меня, что мне становилось не по себе. Поэтому и просил Гену успокоить моих родителей. Вот а теперь я старался развеять их опасения бодрым тоном своих посланий:

"...Мама, зачем ты себя так расстраиваешь! Живу я совсем не в таких опасностях, как ты думаешь. Здесь воевать в десять раз легче, чем на прошлогоднем фронте. Вот вчера спрашиваю ребят: будем мы живы? Конечно, отвечают. Война кончится - приеду в Иваново. Обязательно!"

О том, что Гену ранило и его уже нет со мной, я умолчал.

... Говорят: пришла беда - открывай ворота. В конце марта, месяц спустя после ранения Беляева, меня вызвали к командиру дивизиона. В штабном блиндаже были Новиков, Мартынов и Коваленко. Мартынов обратился ко мне:

- Борис, мы получили письмо от твоего отца. Оно послано Беляеву, но касается тебя, я должен прочесть его тебе.

Он начал читать, а мое сердце уже подсказывало: что-то случилось с Левой!

"Иваново, 11 марта 1944 г.

Если около Вас сейчас Борис, то при нем это письмо не читайте (тогда эту фразу Николай пропустил).

Уважаемый товарищ Беляев. Здравствуйте!

На днях наша семья получила Ваше письмо. Вы прислали его в адрес жены. Спасибо за Ваши теплые строки, за Ваш привет, который Вы шлете нам с фронта. Вы пишете, что Вы с Борисом друзья, что его радости и горести являются такими же и для Вас. Нам, родителям Бориса, очень приятно знать, что у него в той тяжелой обстановке, в которой он находится вот уже 4-й год, есть все же человек, с которым он может отвести свою душу: поговорить, посоветоваться, поделиться впечатлениями и т.п. и т.д. Без этого жить человеку тяжело. Вот эта Ваша близость к нему и дает мне основание написать данное письмо Вам. Как Вы решите, как Вы надумаете нужным сделать пусть так и будет. Нам издали этот вопрос решать трудно, а Вам виднее. Дело вот в чем. Нам Борис пишет довольно часто. Вчера мы получили от него последнее письмо с маленькой фотокарточкой³³. Выглядит как будто неплохо. И в каждом письме он неизменно спрашивает, что пишет Лева.

Мать как-то ему написала, что сообщит адрес брата. Сейчас он этот адрес спрашивает. Но, дорогой товарищ, Борис еще не знает того страшного, ничем не излечимого нашего горя, которое мы переживаем вот уже три месяца. Наш бесценный, золото наше, Лева погиб 15 декабря 1943 года. Официальное известие об этом мы получили 11 января. Сил никаких нет, чтобы говорить об этом. И сейчас пишу Вам, а слезы душат горло и застилают глаза. Мы решили не писать об этом Борису. Если нам тяжело семьей переживать это горе, то ведь он там один, ему еще тяжелее. Так мы и не писали. Но тяжело быть и неискренним перед Борисом. На его вопросы приходится отмалчиваться. Письма получаются фальшивыми, а это неприятно. Вот я и обращаюсь к Вам, как к другу Бориса, просто за советом, как поступить? Писать ли о случившейся трагедии ему? Ведь это были такие братья-друзья, что я не знаю, кто еще так жил, как жили они. И это известие, конечно, для Бориса будет убийственным. Как Вы на это ответите, так мы и сделаем. Конечно, рано или поздно Борис и сам это узнает. А вот как сейчас? Мать боится, что, узнав о смерти Левы, он полезет на рожон, чтобы отомстить проклятым немцам, тогда мы и его потеряем, последнюю нашу надежду.

Лева погиб в боях под Невелем. Погиб почти случайно. Дело было так. Машина стояла в боевой готовности. Экипаж был на месте. Лева, как командир, пошел получить задание. И вот, возвращаясь, всего в двух метрах от машины попал под обстрел миномета. Был смертельно ранен. Оторвало носок, и весь правый бок был в ранах: не было живого места. Сказал: "Ранен", - и через 10 минут умер.

Ему навстречу из машины выскочил механик и был тут же убит. Двое остальных сидели в машине и уцелели. От них мы и узнали эти подробности. Лева посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Из штаба нам ответили, что его ордена будут присланы с нарочным. Пока еще не получили. Майор прислал сердечное письмо с прекрасным отзывом о Леве и подробную карту района, где он похоронен. Место могилы указано самым

³³ Это была копия снимка для партбилета, которую я выпросил и послал домой.

точным образом. Около деревни Пыльки Езерищинского района Витебской области, у опушки леса - северо-западнее деревни. На карте на том месте, где могила, поставлена звездочка.

Секретарь комитета комсомола пишет, что, как лучший комсомолец, Лева был представлен в кандидаты ВКП(б), и в последний бой шел уже партийным. Этого он сам нам еще не писал. Его последние письма всем были от 10 декабря, со стихами для Лели. Вероятно, этого числа и Борису писал. Всех поздравил с Новым годом, точно чувствовал. Хотя было еще рано. Мы теперь живем, не знаю и как. Что бы ни делали, в мозгу одна сверлящая мысль, что никогда уже не увидим своего Левушку. Знаем, что плачем горю не поможешь, но терпеть не можем. Получаем ото всех и отовсюду, и от родных, и от знакомых, сочувственные письма, в которых все самым наилучшим образом вспоминают Леву. Вот Вы, дорогой товарищ, и разрешите наш больной вопрос. Если скажете, что Борису не стоит говорить, то мы и не напишем ему. Если же поможете ему справиться с этим известием, может быть, как-нибудь подготовите, то тогда прочитайте это письмо. Буду ждать от Вас ответа. Скажите Борису, что теперь у нас один он и чтобы берег себя, любя нас. Мы живем теперь только им..."

Мартынов отдал письмо мне. Я машинально взял его и вышел из блиндажа. Шел куда глаза глядят, глотая слезы, сами собой льющиеся по лицу. Хотя я знал, что на войне все бывает, никогда не хотел думать, что с Левой может что-то случиться. Вот только месяца три назад, в декабре, когда у меня было плохое настроение, почему-то подумалось - не случилось ли что с Левой... И именно в декабре его не стало. Словно чувствовал...

В полусознании, с отяжелевшей, словно налитой свинцом головой, наполненный чувством свалившегося на меня самого большого в прожитой жизни горя, я машинально шел и шел по лесу. Жаль, что не бывает на свете чудес: в эти минуты, не колеблясь ни одного мгновения, отдал бы свою жизнь, чтобы воскресить брата!

Очнулся перед входом в большую бревенчатую землянку. Судя по надписи на прикрепленной к двери фанерке, это была полковая санчасть, располагавшаяся километрах в семи от нас. "Если вырвать все зубы без обезболивания, может, станет легче? - вдруг возникла дикая мысль.- А как в Иванове?.." Мысли мои смешались.

Представил переживания отца, матери, Лели... Стало страшно за них. Как они переживут это горе? Эти мысли вернули к действительности, и я побрел к своему блиндажу.

"Папа, мама и Леля ждут моего ответа. Как хотя бы немного снять с дорогих людей тяжесть переживаний?" - думал я всю обратную дорогу. И решил написать, что уже давно знаю о гибели Левы - об этом мне сообщили из его части, но я молчал, жалея их... Мне казалось, что этой святой ложью смогу хоть немного смягчить боль родителей...

Рано утром Новиков вызвал меня к себе:

- Заболел комбат гаубичной. Принимай временно батарею! Сегодня же проведи пристрелку немецкой передовой. Карту и все, что нужно для стрельбы, возьмешь у командира батареи. Ступай!

Комбат гаубичной батареи у нас действительно заболел. Временно его мог заменить любой из офицеров батареи. А Новиков назначил меня. Нет, тогда я не думал о причинах, заставивших командира дивизиона принять такое решение. Сейчас понимаю: Новиков хотел отвлечь от переживаний, обрадовать доверием. Кроме того, он знал, что ничем не рискует, - боевая обстановка была спокойной, опасности на передовой не больше, чем на огневых позициях...

Приказав очередной смене разведчиков следовать за мной, я пошел по проводу связи на НП. Идти надо было километров семь. Мокрый снег лип к ногам, ступни проваливались. В мозгу мелькали, как наяву, картины гибели Левы, слова отца... Я машинально переставлял ноги и шел вперед, вдоль провода, не замечая расстояния, глубоких сугробов и порывов весеннего ветра. Красноармейцы, понимая мое состояние, молча шли следом. Наконец за небольшой речкой, еще затянутой льдом, сзади покрытого снегом бугра показался блиндаж. От него к НП, располагавшемуся на бугре, вела неглубокая снежная траншея.

Внезапно из-за Припяти раздались звуки минометных выстрелов. Мины просвистели где-то слева и разорвались в стороне от нашего НП. Боевая обстановка и необходимость выполнить приказ Новикова отвлекли от мыслей о Леве. "Обстреляю минометчиков", - подумал я и спросил у разведчиков координаты вражеской батареи. Они не могли ответить - враг хитрил: и сегодня и ранее вел огонь редкими налетами, а откуда - точно определить нельзя.

Ползком добрался до НП и стал рассматривать через стереотрубу передний край. Траншеи нашей пехоты были метрах в пятистах. За ними шло проволоочное заграждение. С полкилометра далее просматривалась вражеская передовая. За рекой, покрытой снегом, который скрыл очертания ее берегов, на высоком холме виднелся Петриков. Одно место во вражеской обороне показалось подозрительным. Траншея там изгибалась углом, на котором бруствер был выше, чем везде. "Пулеметное гнездо или блиндаж", - решил я и стал внимательно наблюдать. Но без толку: время шло, а немцы ничем себя не обнаружили. "Боятся голову высунуть, а может, спят гады! Сейчас разбужу!" Подготовив данные для стрельбы и проверив их несколько раз, подал первую команду. Снаряд прошелестел над нами и разорвался в нейтральной полосе. Третий взорвался рядом с углом траншеи. Добавил залп батарей. Фонтаны снега и земли окружили бруствер: "Теперь спите... мертвым сном!" - зло подумалось мне. Прикинул данные по участкам немецких траншей справа и слева: может, пригодятся, а вдруг обнаружит еще себя фашистская сволочь чем-то?

Пытаясь высмотреть хоть какую-нибудь цель, я не уходил с НП. Ноги и руки задеревенели от холода. "Обстрелять Петриков?" Но тут же отбросил эту мысль - при полном затишье на фронте в городке могли быть мирные жители. Первый раз, да еще в такой день, в моих руках оказалась батарея! А стрелять некуда! Обидно! Чуть не разревелся. От обиды ли?

К вечеру ничего не изменилось. Отдохнув в блиндаже, чуть согретым теплом тел разведчиков, я вернулся на НП. Там, где были немецкие траншеи, поднялась ракета, торопливо освещая нейтральную полосу. Наша передовая, погруженная в ночной мрак, безмолвствовала. Вспомнилось последнее прощание с Левой. Тогда я не мог представить, как сложатся наши судьбы... Свет новой, вспыхнувшей над передовой ракеты рассыпался в моих заполненных слезами глазах в мелкие шевелящиеся искорки. Только ночь знала, как мне было тяжело!..

"Логика войны неумолима. Она не щадит ни хороших, ни плохих. Наоборот, к прекрасным людям она более беспощадна", - этими словами по поводу гибели одного из любимых героев "Севастопольских рассказов" Толстого хочется сказать о брате. Да, смерть выбрала из нас двоих того, кто лучше, - сильнее, мужественнее, нужнее отцу, матери, людям... Проходит время, боль не затихает...

В трудные минуты послевоенных лет брат, как и в детстве, не оставлял меня. Его образ вставал передо мной, и я говорил себе: "Не опускай руки! Ты живешь и за него!"

Много лет ждала Леву, не зная, что он погиб, Галина Сергеевна Градовцева, его однокашница по институту.

В ответ на мое письмо³⁴, в котором я сообщил о гибели Левы и просил написать, что она помнит о нем, Галина Сергеевна писала:

"...Не могу передать, как потрясло меня Ваше письмо. Оно всколыхнуло все пережитое, хотя и прошло тридцать лет. Вспомнишь, так и сейчас сердце болит, трудно писать... Десять лет я не выходила замуж, ждала возвращения Левы с войны..."

Каким я помню Левушку? Он был умный, скромный, честный, добрый, тактичный, застенчивый, как девушка, заботливый, как самый близкий. Всегда рядом, но не на виду. Мы, студенты курса, очень его любили. Очень стеснялся своего роста...

...Перед уходом на фронт принес мне карточку (вдвоем с папой), сказал:

- Это мой отец, я как-то не успел тебя с ним познакомить...

В последнем треугольнике написал о тех ужасах, которые увидел после отступления немцев. Жаловался, что ему мешают длинные ноги, тяжело сидеть в танке. Письмо было полно решимости мстить немцам. Запомнились его слова: "Жиманем, так жиманем, в последний раз"! Больше от него писем не получала. Ответа на мой запрос в часть не прислали...

...Очень захотелось побывать на могиле Левы, буду растить махровую сирень. Он так любил сирень!"

В братской могиле, где похоронен Лева, спят вечным сном 1273 верных сына Родины.

...На стене моей комнаты - отчеканенный на меди портрет дорогого Левы. Он смотрит на меня все таким же двадцатидвухлетним, каким был в 1941 году, до войны, унесшей десятки миллионов жизней. И я невольно, в который раз, думаю:

³⁴ Адрес Г.С.Градовцевой я узнал лишь через 30 лет. - Авт

человечество не должно допустить новой мировой войны, нельзя превратить Землю в общую братскую могилу!

Командировка на войне

Апрельский ветер и солнце сделали свое дело. Снег начал быстро таять. Сменявшие нас разведчики пришли к нам в мокрой одежде, с посиневшими губами. Речка, которую мы переходили по льду, а потом по шаткому мостику, разлилась и снесла мостик. Пришлось раздеваться и переходить ее вброд.

Я хорошо знал местность от НП до огневых позиций. Огневые были недалеко от этой же речки, только располагались ниже по течению. И там тоже был мост - хороший, только что построенный, я недавно проходил по нему. За ним начинался прочный бревенчатый настил, который тянулся по болоту километра два, а затем уходил в лес. С нашего НП можно было попасть на огневые позиции как по левому, так и по правому берегу, через настил и новый мост. Но так мы никогда не ходили.

Наступал вечер. Раздумывать было некогда. Судя по карте, в район болота, где находился настил, вела лесная дорога, начинавшаяся недалеко от нашего НП.

- Собирайтесь! Проведу так, что пяток не замочите! - сказал я бойцам своей смены.

Но, увы, примерно на четвертом километре мы уже шли по сплошной воде, покрывшей дорогу.

Вот и болото с настилом. Уже легче! Но что с ним? Он всплыл, и идти по нему совершенно невозможно. Вода доходила до колен, а местами - до пояса. На всякий случай достали из карманов гимнастеров документы и спрятали в шапки: все-таки надежнее.

Впереди слышались шум и дикая ругань. Видать, кто-то кроме нас тоже бедствовал в болоте. Приготовили оружие. Тело уже не чувствовало холода. Когда подошли ближе, поняли, что это бедствует наша пехота. Солдаты орали на лошадей. Из воды торчали конец ствола и верхняя часть щита полкового орудия.

Мост уцелел, хотя и был целиком под водой. Мы перебрались, ориентируясь на торчавшие из воды вехи, и побежали к блиндажам на огневой позиции. На следующий день особых разговоров о нашем ночном "путешествии" не было, а сам я помалкивал. Да и о чем говорить, если даже насморка никто не схватил.

Замполит дивизиона капитан Коваленко, увидев меня, завел в свой блиндаж, взял лежавшее на столе письмо и сказал:

- Племянница пишет. Просит познакомиться с молодым героем. Ты, брат, самая подходящая кандидатура. Адрес на конверте. Бери его и пиши.

Так и втянул меня Павел Васильевич в переписку. Тем временем из Иванова от Лелиной подруги Лизы Мышкиной тоже пришло письмо - большое и очень теплое, она предлагала переписываться.

Пришло письмо и от отца. Я так ждал его...

"...Сейчас мы переписываемся с Константином Ивановичем Сладковым, единственным оставшимся в живых из Левиного экипажа. Он сообщил, что Лева

похоронен с честью - на могиле памятник. Положен в тужурке, диагоналевых брюках и сапогах. Орден снят...

О нас не беспокойся! Сколько можно, мы не теряем все же мужества и крепимся в единственной надежде увидеть тебя..."

Когда дочитывал письмо, вызвали в штаб полка. Вручили командировку на четыре дня с заданием: объехать прилегающие села и установить их состояние. Вместе с одним бойцом ездили от одной сожженной деревни к следующей. Жители ютились в шалашах и землянках, в лесу, голодные, без теплой одежды; не всегда удавалось их и найти. От одного услышали страшный рассказ, как немцы без всякой причины подожгли деревню, а крестьян всех расстреляли, включая женщин и детей. Случайно удалось спастись только нашим рассказчикам - старику и старухе. Рано утром старик ушел в лес за вязанкой сучьев, захватив топор и длинную веревку. Услышав выстрелы и увидев пылающие дома, убежал в глубь леса и вернулся только к вечеру. Деревня безмолвно догорала. Только временами из колодца слышались слабые стоны. Сколько ни кричал дед в темный сруб, ответа не было - только леденящий душу стон. Тогда, обвязав сруб веревкой, он стал спускаться в колодец, но через несколько метров наткнулся на препятствие и с ужасом понял, что стоит на телах односельчан. Сверху лежала женщина, еще живая. Он обвязал ее концом веревки и еле вылез из колодца. Когда поднял женщину наверх и всмотрелся в нее, упал без сознания: это была его жена...

Бесхитростный рассказ старика дополнялся жалким видом убогой землянки. Старуха лежала на чем-то вроде старого матраца у дальней стенки и тихо плакала.

...Партизанские отряды в эти места не заходили, фашисты подняли руку на ни в чем не повинных людей, зверски расправившись с ними только за то, что они - советские!

Когда мы уходили, старуха, продолжая всхлипывать, сказала:

- Два сыночка у меня воюют... Не знаю, живы ли... Сохрани всех вас, господа!

Огромная чужая боль, увиденная в эти дни, отвлекала от своей. Так и не нашли мы ни одной целой деревни в районе примерно пятьдесят на пятьдесят километров!

Карательные отряды фашистских войск в яростной и безуспешной борьбе с партизанами сжигали села. Люди уходили в леса, в глубь пинских болот, где жили в так называемых "куреньях"-шалашах, или землянках. Скученность, полное отсутствие элементарных санитарных условий привели к катастрофическому развитию вшивости. Ю.П. Померанцев³⁵, врач-эпидемиолог 61-й армии, в которую входила наша дивизия, вспоминая о том времени, пишет:

"На одежде одного больного старика, которого мы нашли в подвале разрушенного дома, ползало неизмеримое количество вшей. На участке размером с пятачок мы насчитали более 25 насекомых! А там, где вши, - жди сыпной тиф. Так и произошло. Страшная эпидемия разразилась в полесских лесах. Санитарная служба 61-й армии получила задание в кратчайший срок ликвидировать

³⁵ Сейчас заслуженный врач РСФСР. -Авт

эпидемию сыпного тифа среди гражданского населения Полесья и не допустить ее проникновения в войска.

Мы обосновались в деревне Слобода, что недалеко от Мозыря по дороге в сторону села Скрыгалова. Остановились здесь потому, что это была наиболее сохранившаяся деревня. В ней осталось 70 домов. Но в этих домах нами было выявлено 111 больных сыпным тифом: женщины, дети, старики. А совсем рядом проходила единственная дорога, по которой двигались войска. Естественно, что на марше надо отдохнуть, обсушиться, а в дома-то войти нельзя - вши, да и больные тифом. Вот и приняли решение закрыть деревню. Был объявлен карантин. Нам придали роту солдат для несения караульной карантинной службы. Появились шлагбаумы; дороги, ведущие в деревню, перекопали рвами. Была прекращена всякая миграция местного населения. Из всех окрестных деревень в Слободу были перевезены все больные сыпным тифом, а в деревне был организован инфекционный лазарет. Началась обработка всех жителей окрестных деревень и куреней в лесах - их мыли в передвижных банях, а вещи прожаривали в дезкамерах. Санитар, работавший в дезинфекционной камере, после работы веником сметал в кучу около 1,5 литра погибших вшей. Надо было полностью ликвидировать вшивость, и это удалось. Для лечения больных нам прислали из Москвы молодых врачей. Ко мне в отряд попала очень милая молодая врач, как звать ее, к большому сожалению, не помню. Она не убереглась и заразилась сыпным тифом. К тому же у нее оказался порок сердца. Не выжила девушка, умерла.

Для проведения необходимого комплекса противоэпидемических мероприятий необходима большая организованность и участие многих людей. Должен быть актив помощников. Где его взять? Мы решили восстановить комсомольские организации как комсомольские отряды по борьбе с эпидемией. В основном это были местные белорусские девушки, веселые, энергичные. Работа закипела.

Эпидемию мы ликвидировали довольно быстро - за полтора месяца. Наш местный молодежный актив сформировался и продолжал свою комсомольскую жизнь. Жизнь в регионе начала налаживаться. Больные все поправились и разъехались по своим деревням. Уже летом, под Пинском, когда наша 61-я армия его освободила, была проведена всеармейская врачебная конференция, где были подведены итоги борьбы с эпидемией сыпного тифа. Вручая нам правительственные награды, командующий 61-й армией генерал П.А. Белов сказал в шутку, что в эти районы Советская власть вошла с красным крестом на знамени. Вряд ли это было большим преувеличением..."

Когда вернулся из командировки, меня ждало мамино письмо.

"Милый мой сынок Борюшенька! Крепко-крепко тебя целую и желаю тебе всего-всего хорошего! Боря, откуда ты узнал о гибели нашего Левочки? К нам это известие пришло 10 января. Памятен этот день на всю жизнь... Скоро привезут его ордена. У нас все хранится: и Левины письма, и письма его товарищей, и начальства. Боренька, сыночек, ты о нас не беспокойся... Время излечивает понемногу, а особенно бодрит надежда увидеться с тобой. Этой

надеждой мы и живем... Папа здоровьем ничего, пьет йод от сердечной болезни. Целую тебя крепко-крепко, мое ненаглядное дитячко. Твоя мама."

В нескольких местах строчки письма, написанные красными чернилами, разбухли от слез. Словно стекала на них капля за каплей мамина кровь...

Вспоминая сейчас напутственные слова полесской женщины, свою маму, матерей тифозных деревень Полесья, я думаю о великом подвиге матерей в годы войны. Это был гражданский, а не военный подвиг. Матери не стреляли по фашистам. Это делали их сыновья, для которых Родина и мать были одинаково дороги. Защищая Родину, они защищали матерей. И рядом с ними, поддерживая в трудную минуту, была материнская любовь. Она была в письмах, в солдатских воспоминаниях о детстве, в бесхитростных посылках на фронт с сухарями, ватниками и вареньями, в беспримерном труде матерей на заводах, в поле и дома, в стойкости и мужестве женщин, оказавшихся в оккупации. Она укрепляла руки и дух солдат. Она вместе с ними разила захватчиков!

Матерей ранило и убивало так же, как солдат, только их раны и смерти были еще более мучительными, чем солдатские: ранились и убивались их души, их материнские сердца. С каждым ранением, известием о смерти дорогого сына все больше белели материнские волосы, раньше наступала старость. И все равно надо было работать, любить оставшихся своих и чужих детей, помогать стране бить врага!

Велика и самоотверженна любовь материнского сердца! И это, как никогда, проявилось во время войны!

"Перед великим разумом я склоняю голову, перед великим сердцем - колени", - сказал Иоганн Вольфганг Гете. На тысячах братских могил стоят в немом молчании фигуры солдат, склонивших колени перед лежащими в земле погибшими товарищами, их великим подвигом. И великим подвигом их матерей!

Вперед, к границе!

Наступил май. Ушли вешние воды. Кругом все зазеленело. Заливались соловьи. Природа словно старалась замаскировать следы войны, залечить душевные раны.

Полоса обороны дивизии на Припяти растянулась, как никогда, - на 28 километров ставшего почти непроходимым болотистого берега. Командир нашего дивизиона Новиков отпросился съездить к жене в освобожденный Днепропетровск. Мартынов теперь находился в другом дивизионе. У нас появились новый командир дивизиона и новый замполит. Вместо Мартынова назначили Костю Лосева. Их почему-то поменяли местами. На должность выбывшего начальника связи дивизиона Гены Беляева прислали лейтенанта Николая Портяного. Комбат гаубичной взводной, и я опять оказался командиром топографического взвода.

Кругом тихо, как будто и войны нет. На огневых бойцы сделали турники и занимались гимнастикой - кто как мог.

Последние дни мы готовились к учебной стрельбе. В соседней дивизии во время такой стрельбы случилась трагедия. Там минометчик плохо установил миномет. Когда сделали выстрел, опорная плита осела, ствол изменил положение

на более вертикальное, и мина вместо цели прилетела на НП, где сидели наблюдатели. Несколько человек ранило.

От нас потребовали провести стрельбу по всем правилам боевой обстановки. Две пушки установили на прямую наводку, гаубицу поставили на закрытую позицию. Я привязал местоположения орудия и наблюдательного пункта алидадой³⁶ и подготовил данные для стрельбы.

Впереди находилась "немецкая передовая" - замаскированная полоса земли, ряды проволоки, за ними - траншеи и дзоты. Задача была поставлена так: стрельбой прямой наводкой проделать проход в минном поле и проволочных заграждениях, разбить дзоты; ведя огонь бризантными гранатами из гаубицы по траншеям, добиться рикошета снарядов от земли: воздушный разрыв страшнее обычного - его поражающее и психологическое воздействие очень сильное. После стрельбы пошли осматривать "результаты": развороченные дзоты, разбросанные по сторонам остатки проволочного заграждения, полуразрушенные траншеи. Удовлетворенный увиденным, начальник артиллерии дивизии отдал приказ свертываться.

Не зря артполк прошел учебные стрельбы, да и пехота времени, видно, не теряла! Немецкого плацдарма за один день не стало. Весь правый берег Припяти был свободен!

На реке стали появляться наши катера. Выскочат в район Петрикова, обстреляют вражеский берег из пулеметов и мелкокалиберных пушек - и назад. А шума каждый раз наделают, как при большом бое!

В ночь на 29 июня два стрелковых полка дивизии форсировали Припять под Петриковым, используя подручные средства - лодки, плоты, бревна. Днем раньше 1-й батальон 107-го полка форсировал реку в стороне от Петрикова и с боями продвигался к нему по левому берегу, отвлекая внимание противника. Когда мы наблюдали городок в стереотрубу, казалось, что он расположен на берегу реки. А на самом деле перед ним шла широкая полоса лугов, болот и мелких кустарников. Утром наступающих встретил сильный огонь противника. Роты залегли. Только на второй день - в ночь на 1 июля - стрелковые полки штурмом выбили оккупантов из Петрикова.

Артиллерийские батареи нашего полка переправились через Припять по быстро наведенному мосту в районе Петрикова.

В эти дни наступление развернулось по всей Белоруссии. Войска Рокоссовского рвались к Минску. Наша дивизия также входила в состав 1-го Белорусского фронта. За семь дней мы продвинулись почти на 200 километров! За это время только наш дивизион построил 28 мостов и 5 километров гати по топким болотам припятского края!

Немцы минировали все, что могли. Большинство убитых и раненых в эти дни составляли пострадавшие от мин, которыми были буквально начинены дороги, лесные завалы и села. Саперы самоотверженно расчищали путь для войск; в меру сил помогали остальные бойцы. Когда встречалась противопехотная мина, делалось это предельно просто. Брели длинный кол и, размахнувшись и падая на

³⁶ Топографический инструмент. - Авт.

землю одновременно с ним, били его концом по тому месту, где взрыхленная почва указывала на мину. Гремел взрыв, земля и дым фонтаном поднимались вверх. Теперь можно было вставать и идти дальше.

На mine замедленного действия подорвалась автомашина с имуществом взвода связи. Контузило и тяжело ранило моего товарища по Северо-Западному фронту старшего сержанта радиста Сашу Ипполитова, пострадали еще несколько бойцов, находившихся в кузове машины. Взрыв был очень сильный. Когда я подбежал, Сашу поднимали с земли, говорить он не мог, из сапог текла кровь. Мне же повезло - наша машина проехала заминированное место благополучно. За нашей прошло еще две или три. Следующей шла машина, в которой находился Саша.

Гена Беляев... Саша Ипполитов... Вчера садануло осколком по животу Николая Мартынова, к счастью, не опасно, только кожу содрало... Кто следующий?

Вслед за Петриковым и многими селами дивизия освободила Житковичи - маленькое белорусское местечко с несколькими пыльными улицами и частично разрушенными, в большинстве деревянными домами.

Нам выдали новые карты. Еще несколько дней наступления - и мы выйдем на старую государственную границу с Польшей! Это радовало и прибавляло сил.

В конце одного из последующих дней наступления меня вызвали в штаб полка и приказали вместе с командиром штабной батареи за ночь отыскать ушедшие вперед стрелковые полки, установить связь с командирами дивизионов и получить у них указания о дальнейшем передвижении. Вероятное местоположение стрелковых подразделений было показано на карте - километров пятнадцать-восемнадцать впереди нас. Чтобы мы успели это сделать, нам дали двух отличных кавалерийских лошадей, еще сохранившихся при штабе полка.

Выехали, когда уже смеркалось. День был жаркий, солнце нагрело землю, и от нее шло пахнувшее пылью тепло. Судя по карте, впереди, километрах в трех, была деревня. Вскоре мы ее увидели и проехали единственной улицей, покрытой толстым слоем пыли. Кругом - ни души. Мертвая тишина. Очевидно, люди вместе с живностью ушли в лес, чтобы переждать, пока пройдет фронт.

В стороне от деревни увидели пробивающийся, как из далекого окна, свет. Подъехали поближе, привязали коней к изгороди, а сами потихоньку подошли к дому и заглянули в окно. Человек пять красноармейцев лежали на лавках и прямо на полу. Как оказалось, это были разведчики соседней стрелковой дивизии. О наших ротах и батальонах они ничего не знали. Мы двинулись дальше. Через три-четыре километра, выехав с проселочной дороги на безлюдное шоссе и повернув направо, наткнулись на завал. Деревья, росшие по обе стороны шоссе, были спилены и повалены на проезжую часть дороги. К тому же немцы, конечно, его заминировали. Решили вернуться назад и объехать завал по лесной дороге, которая шла почти параллельно шоссе.

Когда выехали на дорогу, совсем стемнело. По обе стороны стояли высокие деревья, верхушки их смыкались над нашими головами. Вдруг лошади остановились. Вглядевшись как следует в темноту, обнаружили остов разбитой

повозки, рядом лежали две убитые лошади. Судя по всему, повозка и кони были немецкие. Наскочили на свои же мины?

До этих пор мы ехали рядом. Теперь мой напарник отстал метров на пятьдесят: если что случится с одним, то останется второй и поможет. Километра через полтора из темного куста у дороги вдруг раздался оклик:

- Стой, кто едет? Русские?

Одновременно я почувствовал прикосновение чего-то твердого к животу и сообразил, что это винтовка или автомат.

- Русские! - машинально ответил я.

- Мы партизаны! - крикнули из темноты.

Лошадь остановилась. Меня окружили вооруженные люди. Почти тут же один из них возбужденно спросил:

- Нашу работу по дороге видели?

Я догадался, что речь идет о разбитой повозке.

- Видели!

- А впереди по дороге будет мостик, и там стоит наш фугас! - добавил тот же голос.

Мы поехали к мостику, и партизаны на наших глазах убрали фугас. Сейчас думаю: что было бы с нами без этой встречи?! Тогда же было не до переживаний. Просто на несколько минут остановились и расспросили, как ехать дальше, чтобы не напороться на немецкие или партизанские мины. В свою очередь, рассказали партизанам, где искать штаб нашей дивизии. Я даже не догадался записать чью-либо фамилию и название отряда. А жаль!

Перед рассветом наконец наткнулись на нашу пехоту, занявшую оборону в редком молодом сосняке. Отыскивали командиров дивизионов, расспросили об обстановке и планах на наступающий день. Эти сведения доложили начальнику штаба нашего артполка, когда вернулись обратно.

Отдохнуть мне не удалось: только позавтракал, как пришла команда выступать. Машины потащили наши орудия. Я сел в одну из них. Проезжая через еще вчера безлюдную деревню, увидели, что там работают саперы с миноискателями. Дорогу они, очевидно, уже успели проверить и разминировать, и теперь по ней шли воинские подразделения, ехали машины. За деревней, километра за два до завала на шоссе, нам встретилась группа офицеров из штаба дивизии. Они стояли под деревом, на ветвях которого висели какие-то рваные тряпки. В воздухе пахло недавним взрывом. Кто-то из нас спросил, что здесь произошло. Оказывается, один из офицеров, переводчик, попавший в дивизию еще на Северо-Западном фронте, вот тут, где дерево, отошел на шаг с дороги и, сказав: "Смотрите, мина?!",- носком сапога копнул земляной бугорок. Все это он сделал механически, скорее всего так и не осознав своей роковой неосторожности. А мы ездили всю ночь по местам, начиненным вот такой неожиданной смертью, и все обошлось благополучно!

Во время одной из затянувшихся остановок я слез с машины и вышел на обочину с намерением присесть и хоть немного отдохнуть. Мимо нас проходило какое-то стрелковое подразделение. Обходя нашу колонну машин и орудий, выстроившуюся перед восстанавливаемым мостом, один солдат свернул с дороги

и пошел в мою сторону. Раздался сильный взрыв. Воздушной волной меня отбросило назад. Щемящая боль во многих местах тела и одновременный удар в голову погасили сознание. Когда мои глаза снова стали различать свет, понял, что лежу на земле. Вскочив, почувствовал, что по щеке и шее течет кровь. Очень ломило всю правую руку и левую ногу. В голове стоял сплошной звон, она была какая-то не своя... Возвращавшееся зрение и слух постепенно вырисовывали страшную картину. Направлявшийся в мою сторону пехотинец лежал мертвый, а на дороге образовалась целая груда тел, оттуда раздавались стоны раненых. Очевидно, солдат наступил на прыгающую мину.

Бойцы моего взвода Захаров и Суриков наскоро перевязали меня бинтами из индивидуальных пакетов и помогли забраться в кабину автомашины. Через километр, в придорожной деревне Сытница, меня оставили в каком-то пустом доме, пообещав прислать врача из санчасти полка. Последним от меня ушел Николай Портяной.

Прошло несколько часов. Мне оставили немного еды, но я к ней не притрагивался. Волновало другое: насколько опасно я ранен? Почему так болит голова? Становилось все хуже, мысли путались, тошнило. Когда приехала машина, почти потерял сознание...

В медсанбате дивизии мне сразу же сделали противостолбнячный укол в живот, напоили чаем, добавили бинтов, уложили. Стало легче, и я попытался уснуть.

Утром меня перенесли в операционную. Если не считать повязок на голове, бедре, плече и предплечье, я лежал на столе, покрытом белой простыней, совершенно обнаженный. Подошла молодая красивая сестра, стала разматывать бинты на ноге и вдруг спросила:

- А у вас есть девушка, которую вы любите?

Я посмотрел на нее с недоумением. Такая обстановка и такой вопрос? В моей голове это никак не укладывалось. Но сестра ждала ответа. Тогда я с сердцем сказал:

- Сейчас нет, но обязательно будет!

Сестра улыбнулась, а мне стало как-то легче, перестал думать о том, когда она начнет отдирать присохшие к ранам бинты.

После проведенной под наркозом операции две сестры помогли приподняться. Я обхватил одну из них здоровой рукой за плечи, потихоньку спустился со стола, и они отвели меня в помещение, где собирали раненых для отправки пароходом по Припяти.

Пароход пришел только через день. Это была старая, заезженная, с трудом передвигающаяся посудина. Нас положили на палубу. Пароход часто садился на мель и тогда часами простаивал.

В Мозыре, в который прибыли ночью, нас перевезли в эвакогоспиталь. Меня поместили в небольшую палату, где лежали еще трое - летчик, капитан-артиллерист и старший лейтенант-танкист.

Во время перевязки врач, осмотрев меня, сказала, что мне надо сделать переливание крови - за дни после ранения я очень ослаб. Но почему-то это

откладывалось со дня на день, а потом о переливании вообще замолчали, хотя раны затягивались медленно, особенно на левой ноге.

Прошло несколько дней, из всех нас "ходячим" был только летчик. Он уже выздоравливал. Однажды, придя с базара, щедро угостил нас ягодами и, глядя на меня, предложил:

- Тебе надо подкормиться. Давай я загоню твои часы и буду покупать тебе, что захочешь.

Часы подарил мне отец, когда я окончил десятый класс. Они отлично шли. Я сказал, что подумаю. На другой день летчик снова завел разговор об этом.

- Я неплохо разбираюсь в людях, - сказал он. - У тебя, Борис, сила воли есть, а решительности мало. Чего ты тянешь с часами? Отец поймет тебя!

Я отдал часы летчику. Наверное, он был прав. Денег у меня ни копейки не было: вся "зарплата" посылалась по аттестату домой. А "подкормиться" все-таки нужно было. Продав часы, летчик завалил меня едой. Недели через три я уже смог добираться до столовой. Там познакомился с моряком, раненным при форсировании Припяти. Нога у него была еще в гипсе, но он мог ходить, опираясь на палку. Как-то он пригласил меня к знакомым девушкам, которые жили вблизи от госпиталя. Мы зашли в дом, поздоровались. Начался разговор, заиграл патефон.

С каким наслаждением я слушал музыку! Впервые за три года войны, если не считать испорченного патефона, попавшегося нам на Днепре, да нескольких пластинок в Брагине! Может быть, впечатление усиливалось тем, что рядом сидели две красивые девушки?

А в это время наша дивизия продолжала наступление: смело, уверенно, дерзко! В госпиталь часто приходили письма от товарищей по дивизиону, и я представлял, как она быстро продвигалась.

За операцию по освобождению города Лунинец Верховный Главнокомандующий объявил благодарность всему личному составу нашей части. Дивизию наградили орденом Красного Знамени. 107-й и 111-й стрелковые полки получили название Лунинецких, а 228-й - Пинского и был награжден орденом Красного Знамени!

Час расплаты за горечь отступления, за погибших товарищей, за истерзанные белорусские города и села наступил!

"Так и до Берлина дойдут, а я все валяюсь в госпитале", - не раз думалось мне.

Чаще всех мне писал Николай Портяной. После ранения Гены Николай стал моим близким другом. Когда я познакомился с ним, то почувствовал, что это человек незаурядный. Предельно честный и откровенный, он иногда имел большие неприятности из-за нежелания терпеть какие-либо несправедливости к себе и своим подчиненным. К тому же Николай был великолепным рассказчиком и писал стихи о том, что видел и пережил в свои двадцать лет. Вот одно из стихотворений моего друга, чудом сохранившееся у меня:

"С боями к Днепру пробивалась пехота.

Ворвалась в село автоматная рота.

Фашисты поспешно к реке отошли,
Но все ж, отступая, село подожгли.

Горели соломою крытые хаты.
Бессильно смотрели на пламя солдаты.
И гнев беспощадный, что смерти сильней,
Светился в глазах утомленных людей.

Вдруг крик разорвал разъяренное пламя:
"Ой, любая мама! Ой, ридная мама!"
Метнулись бойцы и в саду за плетнем
Увидели труп и ребенка на нем.

Красивая женщина, руки раскинув,
Под вишней лежала, убитая в спину
Предательским выстрелом из-за угла.
И кровь ручейком из-под трупа текла.

Ребенок трехлетний - глупышка-девчонка -
Все мать теребила дрожащей ручонкой,
Звала и ласкалась: "Не надо! Не смей!"
Не верил ребенок в жестокую смерть.

А пламя ревело! А пламя плясало!
Живые побеги на вишнях лизало.
И в жарком огне умирали стволы,
Роняя янтарные капли смолы.

Молчали бойцы - разговоры излишни!
Смотрели, как мрут многолетние вишни.
Пытались от трупа девчонку отнять,
Но сил не достало ручонки разжать..."

Николай был очевидцем этой трагедии.

Как-то в письме ко мне он описал один из боев, случившихся, пока я залечивал свои раны в госпитале. Сам тон и содержание письма свидетельствовали об огромном наступательном порыве и радости моих товарищей, быстро гнавших врага на запад.

"...Я лежал на снарядных ящиках на четвертой машине, считая с головы колонны, и дремал под негромкий гул моторов. Мое дремотное состояние было прервано внезапно наступившей тишиной и чьим-то привычным возгласом:

- Немцы!

Я видел, что слева из слегка волнующейся ржи торчат (более подходящего слова не подобрать) пять или шесть солдатских голов в немецких мышиного цвета пилотках с невероятно вытянутыми от удивления физиономиями, из чего

можно сделать вывод, что столкновение было обоюдно внезапным. Немая сцена длилась всего несколько секунд. И вдруг все словно взорвалось.

Крики: "Бей гадов!", "Вперед!", "За Родину!", "За мной!" - слились с автоматными очередями, и всех словно смело с машины. С ходу открыв огонь из автоматов и карабинов, разведчики, огневики и связисты бросились в атаку.

Доставая в кузове завалившуюся между снарядами ящиками полевую сумку с пистолетом, я видел, как один за другим атакующие врезались в рожь, над которой повисло хватающее за душу протяжное "ура-а-а!". Тут же, во ржи, завязался рукопашный бой.

Когда наконец моя сумка была извлечена из-под ящиков, а пистолет - из сумки, бой переместился уже метров на 500 дальше, к лесу. В это время справа, куда до сих пор никто не догадался посмотреть, по машинам внезапно ударил вражеский пулемет. Установленный в 100-120 метрах от дороги на картофельном поле, у самой ржи, в свежевырытом, совсем не замаскированном гнезде, он бил длинными очередями вразброс от головной машины до последней. И поэтому, а может быть, от внезапности нашего появления или неопытности пулеметчика, огонь был не очень метким - пули срезали картофельную ботву перед машинами, поднимали фонтанчики пыли на дороге, под машинами и между ними. Однако все живое было прижато к земле. Я очутился в кювете справа от машины с Форталевым и шофером. Кювет был мелким даже для наших тощих фигур, и нам показалось, как всегда кажется в таких случаях, что весь огонь вражеского пулемета сосредоточен на нас. Вдруг, перекрывая шум боя, почти одновременно раздались знакомые голоса: один со среднеазиатским акцентом, другой певучий, как все украинские: "За Родину! За мной!", и где-то справа у шестой или седьмой машины с пистолетами в руках во весь рост поднялись младший лейтенант Юлдашбеков и комсорт полка Бражник и бросились навстречу пулемету. За ними поднялось несколько бойцов. Но вражеские пулеметчики перенесли огонь на атакующих, и Юлдашбеков, не пробежав десяти метров, упал, срезанный пулеметной очередью. К нему бросились Бражник и солдаты шестой батареи. Он был мертв. Три пули навывлет прошили грудь. А пулемет словно озверел, бил и бил без передышки, теперь уже короткими очередями, но все также по низу. Наши артиллеристы стали отвечать огнем из карабинов. И тут у меня мелькнула мысль, что стоит только поднять прицел пулемета и ударить по машинам, как после первого же попадания в головку снаряда (а их на каждой машине сотни) мы все взлетим в воздух вместе с машинами. Видимо, такая мысль пришла в голову не одному мне, потому что, словно в ответ, раздался голос нашей медсестры Юли Тико (Сарычевой):

- Черепанов! Разворачивай гаубицу!

Командир орудия будто только и ждал такой команды: выскочил из-за машины и каким-то отчаянным рывком снял гаубицу с передка. Два огневика выбросили ящик со снарядами из кузова на землю и тут же были ранены. Юля, увидев это, выхватила из ящика снаряд и зарядила орудие. Отработанным маневром, совершив левый поворот по картофельному полю, машина ушла к лесу. У орудия метались двое: маленькая худенькая Юля и тоже невысокий, но коренастый Черепанов. Они с трудом разворачивали орудие.

Мы лежали от гаубицы в каких-то пятнадцати метрах. Я к ней был ближе всех и поэтому первым бросился на помощь. Потом подбежал еще кто-то из шоферов, четвертый. Уже снаряд с зарядом были в канале ствола, Юля и я развели станины гаубицы, а Черепанов не мог опустить ствол - что-то заело. Несмотря на огонь, он стоял перед щитом и чем-то деревянным ожесточенно колошматил по механизму, в то время как Юля за щитом пыталась опустить ствол. Наконец задержка была устранена и ствол начал опускаться. Черепанов одним прыжком оказался за щитом, прицелился к прицелу, и... грохнул выстрел. Отдачей гаубицу вместе с незадачливой прислугой отбросило на картофельное поле и развернуло почти на 90 градусов. В спешке мы забыли отбросить сошники, да откровенно говоря, на такой укатанной дороге они были бесполезны.

Снаряд разорвался во ржи, далеко за пулеметом. Вчетвером мы ухватились за колеса, пытаюсь вновь развернуть орудие в нужном направлении. Но этого уже не потребовалось. Все, кто оставался у машин, а таких набралось не более полутора десятка, ведя огонь с ходу, поднялись в атаку на пулемет. Пулеметчики, бросив свой пулемет, припустились к лесу. Их было двое. До леса добежал только один, второй был убит.

Все бойцы действовали смело и решительно. По сути дела, исход боя решили быстрота и натиск. При этом выделить более храбрых и тех, кто первыми бросился в атаку, было невозможно.

Телефонист рядовой Астапенко догнал во ржи немца и с такой яростью двинул его прикладом карабина, что тот упал замертво с раскрытым черепом, а в руках растерявшегося телефониста остался обломок карабина без приклада и даже цевья. Плюнув в сердцах и отбросив в сторону обломки, он выхватил у убитого немца автомат (кстати, оказавшийся новейшей конструкции) и бросился за ушедшими вперед товарищами.

Сержант Кабишев (командир отделения радистов) и с ним два разведчика настигли командира немецкой роты, обер-лейтенанта, и попытались взять его невредимым, но тот так яростно отбивался, при этом больно кусаясь, что пленить его удалось только после того, как он был ранен. И хотя в бою было убито всего около десятка немцев и взято в плен только двое, разгром вражеской роты был полным. Наши потери составили: двое убитых и несколько легкораненых, которые наотрез отказались идти на полковой медпункт. Их перевязала Юля..."

...Описанный Николаем случай был каплей в море боевых событий. И все-таки этот быстротечный бой артиллеристов, неожиданно встретившихся с пехотной ротой противника, отражал главное: боевой порыв бойцов и командиров, завершавших великий подвиг освобождения Родины, их возросшее мастерство, умение действовать решительно и бесстрашно даже в совершенно непредусмотренных уставами обстоятельствах.

Мне очень хотелось вернуться в часть. "Удастся ли после выхода из госпиталя, догнать ее? - не раз думал я, следя за тем, как неудержимо продвигалась наша дивизия вперед, выметая гитлеровских оккупантов с белорусской земли. Это была суровая расплата за горькие дни и месяцы трагического отступления дивизии в этих же местах в 1941 году. Но среди солдат и командиров части уже не было ни одного из тех, кто принял на себя первые

удары гитлеровской армии. Все они остались на полях сражений первых дней и месяцев войны, или, поправившись после ранений, попали в другие части...

Лишь после войны, когда отыскиались немногие, оставшиеся в живых, когда появились книги о первом периоде войны, мне и моим однополчанам стала известна еще одна - первая, самая трагическая и вместе с тем героическая страница нашей дивизии.

Исчезла на поле боя

Носившая до войны имя К.Е.Ворошилова, 55-я стрелковая дивизия была создана и прошла славный боевой путь еще в годы гражданской войны. В числе военных комиссаров дивизии был Рахья Эйно, который осенью 1917 года сопровождал В.И. Ленина в деревню Ялкала около города Териоки, когда он был вынужден уехать с озера Разлив. В 1939 году дивизия участвовала в освобождении Западной Белоруссии. В 1941 году, на третий день вторжения гитлеровских армий, она вступила в бой с превосходившими силами врага в районе белорусского города Слоним - на реке Щара. Именно здесь, впервые на Западном фронте, противник встретил отлично организованную оборону, не давшую ему добиться ожидаемого успеха³⁷. За три дня боев 55-я дивизия причинила большой урон противнику, но и сама понесла тяжелые потери.

Константин Симонов оказался свидетелем подвига дивизии. В книге "Разные дни войны" он писал: "Как я теперь вижу по документам, поехав в район Краснополя в переформировывавшуюся после выхода из окружения дивизию, мы оказались в 55-й стрелковой дивизии 4-й армии.

Я пишу в дневнике, что командира дивизии не было потому, что он еще выходил из окружения. На самом деле первый командир дивизии полковник Д.И.Иванов³⁸ к тому времени, когда мы приехали, уже погиб, но, очевидно, в штабе дивизии тогда еще не были уверены в этом.

В статье "Части прикрытия", о которой я упоминаю в дневнике³⁹, описывались действия 228-го полка 55-й дивизии "на реке Щ.". Географические названия тогда зашифровывались - имелась в виду река Щара. Бой этот происходил с середины дня 24 июня до утра 25-го. В воспоминаниях начальника штаба 4-й армии генерала Сандалова именно об этом бое сказано, что немцы были остановлены вторым эшелоном 55-й стрелковой дивизии на реке Щара, и к исходу 24 июня им так и не удалось перешагнуть ее.

Я писал, что на рубеже Щ. полку (вместе с двумя дивизионами 141-го артиллерийского полка - это я добавляю уже теперь) удалось задержать немецкую дивизию на двенадцать часов и вывести у немцев из строя тридцать танков и восемнадцать орудий. Судя по документам, это близко к действительности.

228-м стрелковым полком в этом бою командовал Г.К.Чаганава и был ранен. Дальнейшее неизвестно. Я нашел его личное дело, в котором сказано, что подполковник Григорий Константинович Чаганава пропал без вести в 1941 году.

³⁷ Сандалов Л.М. Боевые действия войск 4-й армии в начальный период Великой Отечественной войны. М., 1961. С. 120-122

³⁸ Дмитрий Иванович Иванюк. Писатель неточно записал фамилию.

³⁹ Статья не была опубликована по независившим от Симонова и редакции "Красная Звезда" обстоятельствам.

В конце статьи было сказано о том, в чем я видел тогда главный смысл происходивших событий: "К рассвету полк оставил этот лес, изрешеченный снарядами, изрытый воронками... Мы тоже понесли серьезные потери, но, как ни были они тяжелы, бойцы в эту ночь чувствовали себя победителями... Бойцы знали: там, сзади, разворачиваются главные силы, используя эти 12 часов, выигранные ими в кровавом бою".

Слова эти отражали страстную веру отходивших от границы и гибнувших в боях людей в то, что все жертвы не даром, что каждый выигранный ими час поможет нашим главным силам изготавиться и, наконец, нанести тот встречный удар, неотступное ожидание которого, несмотря ни на что, не покидало нас.

И каждый выигранный час был действительно бесконечно дорог, пусть не для нанесения ответного и сокрушительного удара, на который мы тогда еще не были способны, а для более реальной цели - создания прочной линии обороны в тылу у отступавших армий нашего Западного фронта.

Армий, а не "частей прикрытия" - заголовок моей статьи был утешительной неправдой, в которую мне очень хотелось верить, но которая от этого не переставала быть неправдой"⁴⁰.

Там же Симонов написал: "После всего виденного и пережитого за две недели - не в смысле физической опасности для меня самого, а в смысле моего душевного состояния - у меня было такое чувство, что уже ничего тяжелее в жизни я не увижу"⁴¹.

И позднее полки 55-й дивизии не раз посылались на самые ответственные участки фронта и несли тяжелые потери. Не случайно, начальник штаба 4-й армии Л.М.Сандалов назвал дивизию "многострадальной".

В сентябре дивизия с боями отходила на Новозыбков, Злынку, Щорс и далее на юг. 17-22 сентября 1941 года в своем последнем бою в районе Пирятин, Оржица (на Украине) она, говоря словами одного из прославленных героев Отечественной войны 1812 года генерала Воронцова, исчезла на поле боя, но не с поля боя.

Подвиг дивизии не был забыт. О нем сказано в фильме "Стратегия победы", созданном к 40-летию победы в Великой Отечественной войне.

Боевой путь 55-й имени К.Е.Ворошилова стрелковой дивизии в начальный период Великой Отечественной войны отмечен памятником-обелиском на братской могиле в селе Завинье и курганом Славы на берегу реки Щара на рубеже ее первого боя 24 июня 1941 года, а также памятником-обелиском на братской могиле в деревне Леяки Пирятинского района на Украине на рубеже ее последнего боя 17-22 сентября 1941 года.

О том, как сражались бойцы и командиры 55-й имени К.Е.Ворошилова стрелковой дивизии в тяжелые дни начального периода Великой Отечественной войны рассказано в книге Д.А.Морозова "О них не упоминалось в сводках", в книгах генерала-полковника в отставке Л.М.Сандалова "Пережитое", "На

⁴⁰ Симонов К.М. Разные дни войны. Т. 1. М., 1977. С. 88.

⁴¹ Симонов К.М. Разные дни войны. Т. 1. М., 1977. С. 88.

московском направлении" и "Боевые действия войск 4-й армии в начальный период Великой Отечественной войны".

Во всех боях дивизии артиллеристы 84-го легкого артиллерийского полка (так тогда назывался полк), действуя в сложной обстановке почти непрерывных боев, до последнего боя 22-го сентября сохранили свою боеспособность.

Приведу хотя бы два эпизода из героического пути артиллеристов дивизии, которые мне довелось услышать от ее ветеранов.

Расчет командира орудия Василия Николаевича Рассказова 24 июня - был оставлен вблизи шоссе за Слонимом с задачей задержать танки противника. Наших стрелковых подразделений впереди не было. К вечеру на шоссе появились 15 фашистских танков. Рассказов подпустил их как можно ближе и метким огнем поджег и подбил пять. Остальные повернули обратно, успев все-таки подбить орудие и ранить самого Рассказова.

Через 22 года после войны он узнал, что за этот подвиг награжден орденом Красного Знамени. Василий Николаевич прошел всю войну. В бою под Кенигсбергом получил тяжелое ранение в лоб, несколько месяцев лежал в госпитале без сознания... Об этом бое он рассказал мне сам на встрече ветеранов дивизии в Мозыре в 1979 году.

Награды 1941 года! Ко многим они приходили посмертно, других находили через много лет. Кроме Василия Николаевича школьники Минска нашли еще четырех награжденных (тоже не знавших об этом) ветеранов дивизии.

Командира 1-й батареи 84-го легкого артиллерийского полка лейтенанта-комсомольца Виктора Эрнестовича Шомоди за бой в районе реки Березина наградили орденом Красного Знамени. Его батарея стояла на прямой наводке прямо против моста через реку, который немцы безуспешно пытались захватить в течение 1 и 2 июня. "Стрельба велась осколочными гранатами попеременно со шрапнелью по плотным массам непрерывно атаковавших мост гитлеровцев с расстояния 150-200 метров,- вспоминает Шомоди в одном из писем ко мне. - Огонь был настолько интенсивным, что к орудийным стволам невозможно было притронуться голой рукой, а река была буквально завалена трупами и покраснела от вражеской крови. 2 июля во второй половине дня враги нашли в нескольких километрах севернее брод и бросили туда свои танки. Создавалась реальная угроза выхода их в наш тыл. Тогда командир полка майор Воропаев приказал снять первую батарею с позиции, переместиться к броду и любой ценой не допустить врага на восточный берег реки. Артиллеристы успели как раз вовремя: когда батарея на карьере выскочила к реке, один танк противника уже подходил к нашему берегу, один был примерно посередине реки, а третий собирался входить в воду. Остальные были на опушке леса, который подходил почти к берегу реки. Выскочив к реке, батарея с ходу развернулась, мгновенно открыла огонь по переправлявшимся танкам и поразила их первыми же выстрелами. Затем огонь перенесен был на танки, скопившиеся на берегу. Враги были, по-видимому, настолько ошарашены неожиданным появлением батареи и гибелью части своих танков, что, сделав по батарее несколько безрезультатных выстрелов, отошли в глубь леса и в тот день уже не пытались воспользоваться бродом".

Виктор Эрнестович прошел всю войну. После 55-й СД воевал в других частях, был награжден орденами Ленина, Александра Невского, двумя орденами Красного Знамени и многими медалями. Пройдя от Сталинграда до Берлина, он стал к концу войны командиром полка. В послевоенное время вырос до начальника ракетных войск и артиллерии округа, получил звание генерала и был награжден третьим орденом Красного Знамени, орденом "За службу Родине в Вооруженных Силах СССР" III степени и четырнадцатью медалями, в том числе четырьмя иностранными. Сейчас он в отставке, живет в Минске, активно участвует в военно-патриотической работе.

Я написал так подробно о действиях 1-й батареи и ее командира потому, что в конце войны, в боях под Ригой, стал командовать этой батареей.

За зиму 1942 года дивизия была заново сформирована и отправлена на Северо-Западный фронт. В ее полках, как я уже писал, не оказалось ни одного человека из старого состава. Немногие, оставшиеся в живых и вынесшие с последнего поля боя знамя дивизии, были отправлены в другие части.

На болоте Сучан в мае 1942 года началась дальнейшая многотрудная обратная дорога дивизии к западной границе, на белорусскую землю, которую она так самоотверженно защищала трагическим летом сорок первого.

"Освободители наши!"

Мое вторичное пребывание в госпитале заканчивалось. Оставалось каких-то две-три недели. Выписывавшихся из госпиталя офицеров направляли в резерв фронта, а нашей троице хотелось возвратиться в свои части. Стали обдумывать, как это сделать. Обе дивизии - моя и капитана-артиллериста, судя по письмам, которые мы получали, находились под Брестом, на отдыхе. Найти их было легко. У танкиста родители жили в Шепетовском районе, недалеко от одной из железнодорожных станций по дороге на Брест. Он сагитировал нас заехать к нему домой.

Втроем мы пошли к доктору - молодой женщине - и попросили выписать нас досрочно, с направлением в свои части. Врач не соглашалась. Но мы уговорили ее, сказав, что по дороге есть госпитали, и мы найдем возможность делать перевязки. Летчика с нами не было. Он выписался за несколько дней до этого.

Как всякий выздоравливающий, я испытывал чувство признательности к человеку, столько раз подходившему к моей койке, осторожно осматривавшему мои раны в перевязочной... Хотелось сказать что-то теплое и приятное. Перед отъездом подошел к врачу:

- Благодарю вас, доктор, - сказал я, - и не только от себя. Мои родители - будь они здесь - тоже сказали бы вам большое спасибо!

Врач посмотрела на меня и спросила:

- Вы один у них?

- Есть еще сестра, а старший брат погиб. Родители очень переживают за меня...

- Что же вы раньше-то молчали! - с искренним сожалением сказала врач. - Начальник госпиталя мог бы дать вам двухнедельный отпуск!

Сначала я очень расстроился. А потом подумал: может, так и лучше. Отцу с матерью провожать меня снова на фронт будет куда тяжелее, чем тогда, в сорок первом...

До села, где жил танкист, мы добрались без происшествий. Вышли на какой-то станции, подсели в крестьянскую повозку и километров десять ехали полевой дорогой.

Отца у танкиста не было. Встретила мать. Она прямо обезумела от радости. В селе были одни женщины, глубокие старики, да несколько калек, вернувшихся с войны. Все взрослые мужчины находились в армии. Молодые парни и часть девушек были вывезены в Германию. Не село - сплошная кровоточащая рана... Мать танкиста не знала, чем нас накормить-напоить! Я впервые здесь попробовал свежие огурцы с медом! Здорово!

На нашу беду, у танкиста было полсела родственников. В первый день мы переходили из хаты в хату и в каждой вспоминали то погибших, то угнанных в Германию. Отказаться от самогона, от души налитого в стакан до краев, было нельзя - обиделись бы. К вечеру мы едва доплелись до дома и улеглись прямо во дворе, под большой грушей, на подстилку, предусмотрительно подготовленную хозяйкой.

На второй вечер нас пригласили соседи. Долго сидели за угощением, вспоминая довоенную жизнь. Женщины рассказывали, как обманывали фашистских оккупантов при сдаче продуктов, как гитлеровцы панически убегали при наступлении наших войск. Когда стали расходиться, хозяйка предложила одному из нас оставаться ночевать у нее в доме. Голова моя раскалывалась от самогонки и долгих разговоров за столом. Хотелось одного: побыстрее лечь спать, и я согласился.

Как только ушли гости, хозяйка постелила мне постель в отдельной комнате. Пройдя туда, я снял одежду, потушил огонь и лег в кровать. Уже засыпая, услышал, как скрипнула дверь. В комнату вошла дочь хозяйки, разделась и молча легла рядом. От неожиданности я замер. В памяти всплыли рассказы танкиста о простоте отношений девчат и парней в их деревне: если парень понравился, говорил танкист, девушка может и в постель его пригласить, но это еще ничего не значит - полежат вместе, и только. Вспомнились взгляды девушки в мою сторону за столом.

В моей пьяной голове зароились мысли, что опять возвращаюсь на фронт и неизвестно, что со мной будет, что еще не знал женщин... Слышанные мною рассказы о случайных встречах и легких "победах" тоже не прошли даром. Протянул руку и погладил девушку. Она не оттолкнула меня. Я стал смелее. Она молчала.

А мне уже стало ясно, что зря это затеял. Потеря крови при ранении, досрочная выписка из госпиталя и, возможно, самогон сделали свое дело... Может, сказалось и то, что, несмотря на многое, слышанное мною, сам я представлял любовь совсем иной и поэтому не только физически, но и психологически не был подготовлен к этой случайной ночи.

Позднее, когда уже был в дивизии, ко мне пришло письмо с нарисованным разноцветными карандашами цветком на конверте. Она предлагала переписываться. Я оставил письмо без ответа...

Утром капитан и я простились с танкистом, его матерью, односельчанами, пришедшими проводить нас, и ушли на станцию.

В Брест добрались вечером и постучали в первый попавшийся дом около вокзала. Хозяйка, узнав, что хотим переночевать, завела в небольшую комнату без мебели. Прежде чем попасть в нее, прошли через роскошно обставленную гостиную. Уходя, хозяйка спросила, не постелить ли нам чего на пол. Мы отказались - есть шинели.

Мы уже привыкли, что стоило зайти в любой дом в освобожденной от фашистов деревне, и нам всегда были рады. Если шло к ночи, старались уложить спать на лучшую постель. Обычно мы отнекивались; было привычнее спать на земле или на полу, да и одежда наша не отличалась чистотой. Угощали нас, чем могли, часто отдавая последнее. А тут...

Утром я получил в комендатуре сухой паек - сухари и селедку, сделал в санчасти перевязку и потопал к месту отдыха дивизии, которая располагалась километрах в двадцати от Бреста. Идти пришлось через лес, поражавший исполинскими деревьями. Не торопясь, прошагал километров пятнадцать-двадцать и попал в небольшое местечко, вблизи которого стояла дивизия. За ним снова начинался лес. Дойдя до него, понял: в комендатуре меня подвели. Да, дивизия стояла тут - это было видно по оставшимся шалашам, землянкам, следам машин и орудий. Но сейчас здесь никого уже не было.

Я не стал возвращаться на ночь в Брест. Когда до города оставалось километров пять, свернул с дороги в лес, нашел место посуше, нагреб листьев вместо постели, разложил на них шинель и лег спать.

Утром в комендатуре сказали, что надо ехать в Белосток. Опять выдали сухой паек. На сей раз - сухари и свиное сало. Я сел на открытую платформу товарняка, отправляющегося в Белосток. Поезд буквально тащился. Вместо обычных рельсов на пути лежали отрезки, положенные на половинки шпал. Немцы, отступая, пропахали путь специальным плугом, прицепленным к поезду, который переломал шпалы пополам. Потом рельсы подорвали во многих местах толлом. Телеграфные столбы тоже свалили толовыми зарядами.

Со мной на платформе ехали две польки: мать и дочь. Мы разговорились, хотя не очень хорошо понимали друг друга. Я первый спросил, куда они направляются. Мать сказала, что собрались в деревню к родственникам, там сытнее. Потом разговор перешел на ее сына. Его совсем недавно взяли в армию, он попал в зенитные войска, учился в военной школе в каком-то тыловом городе России, где готовили зенитчиков. Обе они говорили с таким волнением, вспоминая, как молод, слаб и неопытен их бедный мальчик, что я невольно поинтересовался, сколько ему лет. "Двадцать четыре!" - ответили мои попутчицы. Значит, старше меня на год. Но у меня за плечами уже были годы войны и два ранения, а тут - есть о чем волноваться! Я успокоил женщин, сказав, что пока их мальчик учится, война придет к концу. Разговаривать с ними меня больше не тянуло...

В Белостоке оказался поздно ночью, и то благодаря коменданту какой-то станции, который посадил меня в набитую мебелью грузовую машину. В кузове вместе со мной ехал пожилой поляк, работник местного мебельного предприятия. Он пригласил к себе переночевать в большой многоэтажный дом недалеко от вокзала. Ночью я проснулся от бомбежки. Прибежал поляк и сказал, что в подвале дома есть убежище, что надо укрываться там, и он идет туда. Мне очень не хотелось вылезать из мягкой теплой постели. Бомбили не так уж близко. Я поблагодарил его, сказал, что это не опасно, и продолжал спать.

Утром в комендатуре Белостока я узнал, что наша дивизия только вчера погрузилась в эшелоны и отправилась в Псков. Опять получил сухой паек салом и сухарями и пошел на вокзал, но уехать не сумел, хоть и пробыл там целый день. Поляка беспокоить не хотелось, он и так много сделал для меня. Неподалеку от вокзала постучал в первый попавшийся дом, где светились окна, да там и заночевал.

В Псков приехал часов в двенадцать ночи, идти в комендатуру было бессмысленно. Шел дождь, и я побрел в поисках хоть какого-нибудь укрытия. На поле, за разрушенным зданием вокзала, увидел свет. Подойдя поближе, разглядел вход в землянку. У печурки сидела женщина со спящей девочкой на руках. Я попросил разрешения войти, чтобы спрятаться от дождя. Сел к печурке и стал подтапливать. Женщина, прислонившись к стене землянки и не выпуская из рук девочку, заснула. Так втроем и скоротали мы эту ночь.

В комендатуре мне назвали место сосредоточения дивизии - латышскую деревню недалеко от озера Алуксне. Добираться туда можно было поездом, затем, если повезет, - попутной машиной. Надежнее всего - пешком. Пришлось выбирать последнее. Я заболел. Несколько дней шел пешком и почти ничего не ел.

На двадцатый день после выписки из госпиталя я, наконец, достиг цели своего "путешествия" - хуторка из двух убогих домишек. Зашел в ближний. Мебели почти никакой. Хозяин - старый латыш - принес соломы. Я лег и заснул. Проснулся от света карманного фонарика, направленного в лицо.

- Да это же Борис! - услышал изумленный возглас Мартынова.

Так закончилась моя многодневная "погоня" за дивизией. Все-таки я не только нашел ее, но и явился раньше всех на новое место сосредоточения! Однако общий баланс был не в мою пользу. Когда заканчивалось мое лечение в госпитале и начиналось "путешествие", дивизия была на отдыхе. Ее вывели из боев через несколько недель после моего ранения. Бойцы и офицеры успели отдохнуть, а я только "приходил в себя".

Сутки провел в дивизионе, где служил Мартынов, немного отдохнул и поехал на велосипеде в штаб полка, чтобы доложить о своем возвращении. Следовало еще зайти в санчасть и сделать последнюю перевязку. Велосипед дали мне разведчики Мартынова. В детстве я очень любил кататься на велосипеде. Когда мы жили в Родниках, а я учился в пятом классе, отец купил мне и Лёве старенький, прошедший огонь и воду велосипед с отчаянно провертывавшейся втулкой заднего колеса. С горем пополам мы научились на нем ездить, десятки раз собирали и разбирали его, пытаясь привести в порядок мучившую нас втулку....

Я нажал на педали, съехал по небольшому уклону на ровную дорогу и... почувствовал, что падаю вместе с велосипедом на дорогу. Руки и ноги перестали слушаться, стали ватными, сердце дергалось мелкими-мелкими толчками. Но постепенно все пришло в норму. Потихоньку поднялся, сначала шел шагом, потом сел на велосипед и не спеша поехал. Я уже писал, что, когда был на Северо-Западном фронте, в дни большой усталости у меня появлялась сильнейшая боль под левой лопаткой. К врачам не обращался, считая, что это ни к чему не приведет. Если приходилось куда-нибудь идти, шел с перерывами, присаживаясь на три-четыре минуты. Когда нас сняли с фронта, все прошло. Большая потеря крови при ранении и досрочная выписка из госпиталя, да еще двадцать дней на "сухом" пайке сильно ослабили меня, и вот опять начало подводить сердце.

В штабе полка обратился к первому помощнику начальника штаба майору Фионову, знавшему меня еще с 1942 года. Он обрадовался моему появлению и сказал, чтобы я временно принял обязанности начальника разведки полка. Капитан Иван Белый, занимавший раньше эту должность, был ранен.

- Когда пришлют нового начальника разведки, отправлю тебя в твой дивизион, - добавил он.

Отдохнуть мне так и не пришлось. Дивизию перебросили маршем в район шоссе Псков-Рига, и она вступила в бой в составе 3-го Прибалтийского фронта.

Я находился при штабе полка, помогая майору Фионову в работе штаба по задачам разведки. Однажды мне понадобилось пройти на наблюдательный пункт командира полка. Шел открыто - местность на подходе к НП противником не просматривалась. Впереди шагал человек в военной форме, судя по всему - солдат. Вдруг между нами разорвался снаряд. Я бросился на землю. Снаряды продолжали рваться, но все дальше и дальше. Выждав некоторое время, побежал вперед.

Я увидел его лежавшим в густой высокой траве. Глаза солдата неподвижно смотрели в небо. Мгновенная смерть оставила лицо таким, каким оно было, только немного посуровевшим, побледневшим. Два шрама - один на виске, второй на подбородке, говорили, что погиб бывалый солдат, хотя на вид ему было вряд ли больше, чем мне. Раскинутые в сторону руки создавали впечатление, что сейчас он потянется от избытка сил и молодости, встанет и побежит к своим товарищам... Над левым карманом гимнастерки сочилась кровь. Я достал его документы. В красноармейской книжке было отмечено одиннадцать ранений! Даже не верилось, что столько раз можно быть раненым! Положив книжку обратно, оттащил его из густой травы на видное место, чтобы заметила похоронная команда. Солдат был не из нашей части. Вой очередного снаряда и грохот взрыва снова уложили меня на землю. Больше медлить было нельзя, я тоже мог стать напрасной жертвой бесприцельного огня фашистской батареи, методически обстреливавшей закрытый для немецких наблюдателей участок. Едва перестали лететь осколки и комья земли, поднятые взрывом, вскочил и бросился вперед, напряженно прислушиваясь к звукам выстрелов.

Пробегаю через то место, где убило солдата, увидел лежавшую на земле пачку писем, которую вынул вместе с красноармейской книжкой и в спешке

забыл положить обратно. "Отошлю родным",- мелькнула мысль. Не раздумывая, засунул пачку в планшетку и побежал дальше.

Когда, уже к ночи, нашлась свободная минута и я стал просматривать письма, меня словно пронзило током. "Здравствуй, Лева!" - так начинались они. Солдата звали так же, как моего погибшего брата! Не отрываясь, прочитал все письма подряд. Писались они еще в первые годы войны. Бумага протерлась на сгибах, написанный чернилами текст местами расплылся то ли от мочивших карман дождей, то ли от солдатского пота. Многие слова, залитые кровью, лишь угадывались.

Видно, были очень дороги эти письма, если хранил их солдат на своей груди, словно талисман!

30.IX.41 г.

Здравствуй, Лева!

Очень рада твоему письму. Ты спрашиваешь о моих делах. Все оказалось не так просто. Думала, что не справлюсь. Да и срок короткий - всего неделя. Для организации госпиталя выделили школу, где училась твоя сестра. Когда пришла туда, еще шли занятия. Собрала учителей, рассказала в чем дело. Директору и завучу поручила договориться с соседними школами о переводе туда учащихся (а их почти четыреста человек), а сама с учителями и старшими школьниками занялась ремонтом помещений.

К счастью, у завхоза нашлись краски и мел. Освободили классы от парт, начали подкрашивать стены. К вечеру половина помещений была готова. Ребята работали без отдыха, словно заведенные. Договорилась с завхозом, что на следующий день все закончат сами. Утром пошла в горком узнать, где получить постельное белье. Там мне дали телеграмму за подписью Сталина о том, чтобы наша ткацкая фабрика выделила пять тысяч метров полотна. Эти километры материала надо было за три дня превратить в постельное белье. Что мне было делать? Побегала на фабрику, показала директору и секретарю парткома телеграмму и уговорила собрать в обеденный перерыв ткачих.

На собрании зачитала телеграмму, сказала, что через шесть дней привезут бойцов, раненных при последнем наступлении фашистов под Москвой. Попросила работниц сшить - кто может - за две ночи дома по две простыни, наволочку и полотенце. Договорились, что разрежем полотно на куски по двенадцать метров, а в конце смены желающие возьмут материю с собой.

Весь день вместе с добровольными помощниками мы резали и складывали куски материи. "Успеем ли? Придут ли ткачихи?" - волновалась до вечера. А когда кончилась смена, гляжу: потянулись женщины со склада и каждая с куском полотна, а то и двумя. Через два дня, а лучше сказать, за две бессонные ночи все белье было пошито. К концу недели в классах школы стояли заправленные по всей форме кровати.

Пишу, а у самой слезы на глазах. Какие у нас люди! Слов не тратили и дело сделали! Приехал генерал из Москвы, увидел меня и говорит:

- Из военкомата сообщили, что поручили организовать госпиталь женщине. Ну, думаю, пропал! Привезут раненых, а положить их будет некуда! А госпиталь, оказывается, почти развернут. Какая же вы молодец! Награждаю Вас книгой из своей личной библиотеки! Вручу, когда привезу раненых!

Как видишь, времени не теряю, помогаю фронту!

Пиши, Таля.

11.X.41 г.

Лева, здравствуй!

Не беспокойся, нас не бомбят, фронт от нас еще далеко. Но щели вокруг института уже вырыли. Дома, в нашем саду, мы с мамой выкопали узкую канаву, если что - спрячемся. Госпиталь уже заполнен ранеными. Да и в институте полздания отгородили - отдают под второй госпиталь.

Получила задание на дипломный проект. Выпустят досрочно, в мае месяце.

Военкому я, видно, понравилась; поручил организовать бригаду из студентов для развозки раненых с санитарных поездов по госпиталям. Мне даже агитировать не пришлось - все девчата нашей группы, как одна, согласились. После своих занятий идем на новые - получаем медицинское образование.

Когда же остановят Гитлера? Что случилось? Почему отступаем и отступаем? Не могу спокойно думать об этом!

Генерал свое слово сдержал. Подарил мне "Войну и мир" Толстого с надписью: "За отличное выполнение поручения по срочной организации госпиталя от начальника медслужбы". Фамилия написана неразборчиво, спрашивать я не стала.

Желаю тебе быть здоровым! Таля.

25.X.41 г.

Здравствуй, Лева!

Писем от тебя нет. Беспокоюсь. Наш институт готовится к эвакуации. Куда - еще не известно. Лекции прекратились. Упаковали лабораторное оборудование. Здание не отапливается, а на улице жуткий мороз. Мама зарезала и сварила последнюю курицу, положила в мой рюкзак и выставила в сени - готовит меня в дорогу. А что будет с ней? Страшно подумать, что в наш город войдут оккупанты. Поезда с ранеными приходят все чаще. Развозим трамваями. От перрона до трамвайной остановки, что у вокзала, почти полкилометра, а потом, до госпиталя, почти столько же. Тяжелораненых тащим на носилках. Тех, кто полегче, ведем под руки. Мороз за тридцать градусов. В трамвае - как на улице. Вчера отключили трамвайную сеть, и вагон простоял целый час на том месте, где у нас стадион и нет никаких домов. Свои пальто мы сразу отдали тяжелораненым, но нас ведь четверо, а их в два раза больше! В госпитале, когда отогревалась, чуть не кричала - пальцы рук кололо словно иголками. В вагоне же холода не чувствовала, только деревянной какой-то стала. И представь, никто

из девочек не простудился! Наверное, так и бывает, когда нервы на пределе. Расписалась я - все о себе да о себе! Очень жду твоего письма.

Таля.

12.XII.41 г.

Здравствуй, Лева!

Наконец-то на нашей улице праздник - фашистов поперли от Москвы! Эвакуацию института отложили. На радостях мы с мамой вытащили из рюкзака курицу, разогрели и съели за один присест. Все бы хорошо, но ты молчишь и молчишь. Меня это очень тревожит. Занятия в институте возобновились, сидим по восемь часов в промерзших лабораториях в пальто, телогрейках и валенках (у кого есть), наворачиваем упущенное. Записываем лекции карандашом, чернила замерзают. К поездам вызывают реже. Тяжелее всего, если ночью. Утром домой придешь, где бы поспать, а уснуть не можешь, так на раненых, на их мучения насмотришься. Проклятый Гитлер! Ему бы руки-ноги оторвать, положить на носилки да пронести мимо всех калек - смотри, что натворил! А тут еще думаю - не случилось ли что с тобой? Сколько времени молчишь!

Пиши! Таля.

9.II.42 г.

Здравствуй, Лева!

Большое спасибо за присланную фотокарточку! Какой ты на ней необычный - стриженный, в гимнастерке и такой худой и замерзший - едва узнала! Я очень рада, что ты поправляешься, и вместе с тем думаю - а что потом? Опять туда же? Повезет ли снова? Скорее бы кончалось все это! Сижу все дни над проектом. Нас, дипломников, жалеют. Уже никуда не посылают. Только иногда, в метели, - на расчистку аэродрома. Недели две-три письма не жди, буду занята расчетной частью. Не умею быть в отстающих! Думаю попросить назначение куда-нибудь южнее - хочу отогреться. Пока!

Таля.

20.VIII.42 г.

Дорогой Левушка!

Прочитала твои письма, накопившиеся у мамы, и очень рада, что с тобой ничего не случилось. Обо мне не беспокойся, все страшное осталось там, где я была. Расскажу все по порядку. Появилась на заводе в июне, когда началось новое наступление немцев, на этот раз на юге. Вместо того, чтобы приступить к работе, пришлось заняться демонтажом оборудования, погрузкой его на железнодорожные платформы. Для обслуживающего персонала вагонов не нашлось. К тому же кто-то пустил слух (а может так и было!), что к городу подходят немецкие танки. Жители толпой повалили из города. Невозможно описать, что творилось. Женщины, старики, дети, тачки и тележки со скарбом, повозки, запряженные лошадьми, коровами, козами, а то и просто людьми - все смешалось. В такой толчее мы растеряли друг друга. Из города

вышли небольшими группами, а кто и в одиночку. Я оказалась с двумя женщинами из соседнего цеха. Одна из них имела родственников в деревне по пути к месту эвакуации, километрах в двухстах от нашего города. По дороге я заболела. Тифозную, впаившую в бред, довезла она меня до деревни и каким-то чудом выходила. К счастью, фашисты до этих мест не дошли. Когда пришла в сознание, страшно хотелось одного - есть, есть и есть. Это мучительное чувство голода запомнится навсегда. К счастью, у хозяйки, которая нас приютила, оказалась корова. Молоко да картошка, которой было вдоволь, казались мне райской пищей.

Когда первый раз сумела сесть в постели, был конец июня, значит, я провалялась в бесспамятстве больше месяца. Первое письмо домой продиктовала, писать не могла. Ко мне приехала мама и забрала с собой. Ты помнишь ее черные, как смоль, волосы? Сейчас она наполовину седая. Думала, что меня уже нет...

В те кошмарные дни то угасавшего, то просыпающегося сознания впервые в жизни я подошла к грани, когда человек стоит на краю пропасти, и сама познала, что не бессмертна, как всем кажется в молодости. Не подумай, что испугалась. Страшно было другое - умереть неизвестно где, ничего не сделав в жизни, ничего не оставив после себя...

До этих дней я отгоняла мысль о том, что война унесет и тебя. А ведь может случиться все... Какими возвращаются с фронта, знаю, меня это не испугает. Но если ты... рука не поднимается написать, что подумала. Я не переживу такую потерю! В те немногие мгновения, когда приходила в сознание, представь, первым вспоминала тебя и поняла, как ты мне дорог! Я не стыжусь своего признания, наоборот, хочу, чтобы ты знал об этом!

Прости, я очень устала и не могу больше писать. Жду твоего ответа, дорогой Левушка, - разреши мне так теперь называть тебя!

Будь здоров!

Таля.

9.IX.1943 г.

Милый Левушка!

Пятый раз ты напугал меня своим молчанием, хорошо, что недолгим. Мое сердце разрывается от тревоги за тебя. Все парни нашей группы получили бронь, доучились. Те, что пошли в военкомат вместе с нами, через полгода вернулись, только ты оказался на фронте и уже пять раз был на волоске от смерти. Эти мысли не дают покоя. Разумом я понимаю, что сейчас надо быть там, где тяжелее, а душа болит. Лишь работа немного отвлекает. Напишу, раз просишь, подробнее о моем "путешествии". Досталось мне порядочно. Солдат к костылям еще не привык, а ехать далеко - через Москву, Курск, к какому-то Глухову. До столицы добрались нормально. А там, на Курском вокзале, думала, что сама стану инвалидом. "Внесло" нас в вагон вместе со всеми. Костя оказался без костылей, а я без места. Устроилась, стоя рядом. Когда поезд тронулся, толстый мужик со средней полки, нагло улыбаясь, сказал мне:

- Ложись сюда, я тебя погрею!

- Жирно съешь, - как-то очень глупо ответила я.

Он обозвал меня дурой и проституткой. Мешочники, сидевшие на нижней полке, были явно на его стороне. Костя молчал. Да и что он мог сделать с такой компанией! От оскорблений и собственного бессилия я заплакала. Летчик, лежавший на третьей полке, видно, слышал эту перепалку.

- Вы кто такая? - спросил он, свесившись с полки.

Сначала я не хотела отвечать, а потом сказала, что везу калеку-солдата из госпиталя домой, а муж на фронте, в пехоте, много раз ранен. Это я тебя, Левушка, так представила, прости. И снова не могла сдержать слезы. Летчик спустился с полки, достал пистолет, поднес его к носу побледневшего обидчика и, словно отдавая команду, отчеканивая каждое слово, сказал:

- Ты, толстая гнида, не нюхавшая пороху, сейчас же слезешь с полки! А она займет твое место!

И добавил, что если не послушается, то выбросит всех спекулянтов в окно! Повторять ему не пришлось - мужика словно ветром сдуло. Летчик ехал, к счастью, до Курска. Всю дорогу подкармливал меня и Костю, а мешочники сидели, словно набрав в рот воды.

От Курска к Глухову добирались на чем попало. Когда до Костиной деревни осталось совсем немного, он сказал, что хочет подождать ночи. Я рассчиталась с подвозившим нас шофером. Мы устроились под стогом сена и дождались вечера. Костя решил идти не дорогой, а напрямую. Опираясь на палки, он двигался с трудом. Мне стало жалко парнишку, и я уговорила его сесть мне на закорки. Все бы хорошо - не такой уж он тяжелый, да еще похудел в госпитале, но мы сбились с пути. Пришлось перебираться через небольшое, но очень топкое болотце. Мои ноги под двойной тяжестью засасывало выше колен. Вода - холоднющая. Костя сказал, что переберется сам.

- Иди вперед и не оглядывайся! - приказал, мне.

Когда после болота я снова взвалила его на спину, вода с его одежды просочилась через платье - видно, полз через трясину на четвереньках...

Что было, когда мы вошли в Костин дом, описать не могу, комок в горле стоит и сейчас, когда это вспоминаю.

На следующий день меня и его буквально на руках носили по всей деревне. Костя сразу ожил, а я была сама не своя, смотрела на него, а думала о тебе. Обратно добиралась спокойнее, только очень мучил кашель, он и сейчас никак не пройдет. Видно сильно простудилась на том болотце. Не беспокойся, Левушка, здесь пули не свистят, снаряды не рвутся, поправлюсь. Сегодня будет врач. Главное, чтобы с тобой ничего не случилось. Крепко-крепко обнимаю!

Твоя Таля".

Таким, не очень веселым, было последнее письмо. Не хотелось думать, что Таля заболела, что организм, подорванный перенесенным тифом, не справился с болезнью и поэтому хранил солдат дорогие ему письма, как светлую память о девушке, доверчиво признавшейся ему в своей первой целомудренной любви.

Ни адреса, ни названия города, где жила Таля (Наталья?), в письмах не было. На следующий день на месте обстрела солдата не оказалось. Так и остались

письма у меня, как немые свидетели одной из бесчисленных человеческих трагедий, вершившихся не только на фронте, но и в далеком тылу...

В эти дни как начальнику разведки мне приходилось много ездить верхом, выясняя обстановку в стрелковых полках дивизии. Положение на фронте менялось очень быстро. Часто получалось так, что на стыке частей появлялись целые коридоры, где не было ни немецких, ни наших войск, хотя фронт уже продвинулся далеко вперед. В один из дней проезжал через латышский хутор. Немцы ушли из этой местности без боя, наши части обошли ее стороной. Навстречу мне выбежала старуха. Я для нее был первым представителем той армии, о приходе которой она, видимо, думала все тяжелые годы своего пребывания в оккупации.

- Освободители дорогие наши! - кричала она, и по лицу ее текли слезы. Женщина подбежала к лошади и, обняв мою ногу руками, прижалась лицом к моему пыльному, выдавшему виды солдатскому кирзовому сапогу, потом начала неистово целовать его, продолжая плакать. Я быстро слез с лошади и постарался успокоить ее. Глотая слезы и всхлипывая, старуха рассказала, что жила в Псковской области, что их деревню сожгли немцы и она с двумя детьми на руках и коровой долго жила в лесу; потом корова сдохла, холод и голод погнали их по селам: она добралась сюда, под Ригу, и стала работать у богатого хозяина. Он всячески издевался, бил ее детей, а сейчас, испугавшись, убежал вместе с немцами. Всмотревшись в ее лицо, я заметил, что эта женщина - совсем не старуха: горе и издевательства состарили ее раньше времени.

Рассказывая, она снова порывалась обнимать меня, повторяя:

- Освободители наши! Освободители наши!

Эти слова еще долго потом звучали в моей голове. Я понимал, как ждет население оккупированных областей нашу армию-освободительницу, и много раз испытывал на себе теплоту чувств и радость освобожденного населения. Но с таким взрывом человеческих чувств, да еще выраженным так непосредственно, встречался впервые. "Какой же ад прошла эта женщина, если она совсем обезумела от радости, увидев первого советского солдата!" - думалось мне, когда ехал дальше.

Так военная действительность продолжала политическое воспитание нашего поколения. В начале войны мне исполнилось двадцать лет. В описываемые дни - уже двадцать три. Если к трем годам военного времени прибавить два года службы в мирное время, получится пять лет. За пять лет люди заканчивают институт. Мой институт был особого рода. О нем в свое время хорошо сказал Маяковский: "Мы диалектику учили не по Гегелю. Бряцанием боев она врывалась в стих..."

В другой раз во время очередной разведывательной поездки я встретился с земляком.

Мы ехали по шоссе. Судя по карте, в этом районе, примерно в пяти километрах слева от нас, был хутор. Мы повернули туда и еще издали заметили его. Он был окружен повозками с лошадьми и без лошадей. Очевидно, тут пряталось население близлежащих хуторов, пока фронт минет эти места. Когда приблизились метров на двести, навстречу выбежала женщина. Оказалось, что и

здесь мы - первые представители советских войск. Она уговорила нас переночевать и буквально стащила меня с лошади.

Не успели сойти с коней, как она спросила:

- А что вы делаете с теми, кто попал раненым в немецкий плен?

Недолго думая, я ответил:

- Ничего не делаем. Просто винтовку в руки - и шагай, воюй вместе с нами!

Отличишься - орден заработаешь!

Тогда женщина призналась:

- Тут в лесу спрятался русский. Он был ранен, потерял сознание. Немцы взяли его в плен. Сейчас приведу.

Минут через десять она возвратилась вместе с высоким, без кровинки в лице парнем. В вытянутых вперед руках он держал по бутылке немецкого спирта, руки и тело колотила нервная дрожь. Мы успокоили его. Все вместе зашли в дом. Женщина выставила на стол всякую снедь.

Оба они работали на этом хуторе, где находилась конферма богатого латыша, жившего в Риге. Теперь все хозяйское перешло в их распоряжение. Когда сели за стол, я спросил парня, откуда он.

- Из Иванова.

- А где работали?

- На меланжевом комбинате.

Вот тебе раз! Нашелся-таки земляк! Он рассказал, что был ранен и контужен. Его в бессознательном состоянии подобрали немцы. Еще до того, как рана полностью зажила, отправили на работы в Латвию. Так очутился здесь и познакомился с этой угнанной из Белоруссии женщиной. Они стали жить как муж и жена. Утром ивановец вывел мне крутобокого, черной масти, здоровенного жеребца, а я ему оставил свою замученную лошадь. На прощанье сказал:

- Как только появятся представители нашей власти, найди их и расскажи все, как было. Если направят в действующую армию, воюй так, чтобы тебя наградили. И все будет хорошо!

Жалею, что не записал его фамилию - о завтрашнем дне тогда еще не думал. Было ясно одно: надо быстрее гнать фашистов с нашей земли!

Шоссе Псков-Рига, на которое мы выехали, и окружающий лес были засыпаны листовками необычно большого размера с нарисованными на них огнем, дымом, осколками от огромного взрыва и надписью: "Советские солдаты, не продвигайтесь дальше, иначе мы применим новое страшное оружие!"

Мы посмеялись над этой угрозой - ведь если бы такое оружие было, враги давно бы его использовали! Заврались окончательно - думал я тогда. А на самом деле фашистская пропаганда, как никогда, была близка к истине: речь шла об атомной бомбе! Над созданием ее лихорадочно работали немецкие физики. Стремительное наступление советских войск сорвало планы Гитлера.

То, что могло случиться, я по-настоящему прочувствовал 40 лет спустя на фоне аварии АЭС в Чернобыле, когда понял, что события второй мировой войны, как бы они ни были трагичны и страшны для людей и целых народов, окажутся... лишь каплей в море разрушений, пожаров, всепроникающей радиации и

огромных человеческих жертв, если в ход пойдут атомные бомбы. Но об этом речь пойдет позднее.

Боевые действия в условиях, когда обстановка была не совсем ясной, преподносили и другие, часто жестокие сюрпризы, особенно для пехоты. Командир 1-го батальона 107-го СП Василий Иванович Турчанинов, мой ровесник, вспоминает:

"При подходе к реке Маза-Югла батальон, которым я командовал, вышел на большую поляну. Все три роты были развернуты в одну линию. Вдруг из лежащей впереди рощи в 800-1000 метрах от нас выскакивают четыре немецких танка, за ними - два батальона пехоты, и двигаются на нас. Мне раньше приходилось встречаться с немецкими танками, но всегда я и мои подчиненные были в окопах, траншеях или других укрытиях. А сейчас кругом было поле, где ни единой ямы - только ровная местность. Помню, у меня от волнения даже спина вспотела. Что делать? Бежать назад - все погибнем, окапываться - поздно: маленькими лопатками много не накопаешь. Я скомандовал: "Батальон, стой! Танки с фронта! Приготовить гранаты!" Взял гранаты и изготавился к бою. Я был впереди, метрах в пятидесяти от передней цепи своего батальона, и понимал, что мало кто из нас останется в живых, если до нас дойдут немецкие танки. Но другого выхода не было.

Были случаи, когда солдаты с ужасом кричали: "Танки!" и бежали назад. Я это видел и, помню, громко крикнул: "Командиры рот! Кто побежит назад, буду расстреливать!" Может, это было жестоко, но я и сейчас думаю, что другого решения в то время быть не могло.

На наше счастье, когда немецкие танки подошли к нам метров на 300-400, откуда-то из-за фланга выскочили наши танки и контратакой заставили немцев повернуть назад. Мой батальон поднялся в атаку за нашими танками, и так мы вышли к реке Маза-Югла".

Мое пребывание в должности начальника разведки полка было недолгим. Майор Фионов выполнил свое обещание. Как только появился офицер, присланный из резерва на место капитана Белого, Фионов направил меня в дивизион капитана Кудинова.

Войска 1-го Прибалтийского фронта подходили к Риге. Сопротивление немецких войск усилилось. Я нашел Кудинова утром на НП дивизиона. Он разговаривал по телефону - тяжело ранило командира взвода управления одной из батарей. Капитан приказал отправить его в санчасть полка. Закончив разговор, он поздоровался со мной, потом дал распоряжение связисту соединить его с начальником штаба дивизиона:

- Командира взвода управления первой батареи тяжело ранило. Напиши на него наградной лист - сегодня же!

Потом, как бы оправдываясь, сказал мне:

- Человека чуть не убило. Подвига он не совершил, но разве пролитая кровь не заслуживает награды?

Я поддержал Кудинова, хотя знал: в первые годы войны только за ранение не награждали.

- Второго человека теряю, - продолжал Кудинов. - Вчера капитана Антипова на повышение взяли. Вот ты и примешь его первую батарею! - и объяснил обстановку и задачи для батареи.

Всю первую половину дня я был очень занят - лазил по переднему краю. С НП в стереотрубу обнаружил две пулеметные точки. Они, как и наспех вырытые траншеи, были плохо замаскированы. Не те стали гитлеровцы!

Потом пошел на огневые позиции. Многие бойцы мне были знакомы (это же родной дивизион Новикова)⁴² сколько дорог с ним пройдено!

Когда возвращался обратно на НП, ноги едва шагали, а голова словно налилась свинцом. Сказывалось напряжение последних дней: спать почти не приходилось. Казалось, никогда не дойду до передовой.

Близкий разрыв и град осколков вывели из этого состояния. Броском прижался к земле. Усталости как не бывало! Мгновенно осмотрелся. Неподалеку зияла глубокая, еще дымящаяся воронка. Что есть силы бросился в нее. Обстрел продолжался. Снаряды рвались кругом, ранив землю, калеча деревья, забивая звоном уши. "А если сейчас убьет?" - промелькнуло в голове. По старой привычке, пошел один. "Оказаться к концу войны без вести пропавшим? Нет уж!" Тело сжалось в напряженном ожидании. Сознание воспринимало только звуки разрывов, свист осколков и их удары по земле...

Когда обстрел закончился, я поднялся и побежал на НП. Откуда и силы взялись! Наверное, только на войне да в минуты крайних напряжений человек понимает, что его силы во много раз больше тех, на которые он привык рассчитывать в обыденной жизни!

Нелегким был этот день. Не обошелся он без смертей и ранений. Не успел я отдохнуть, вернувшись на НП, как всех командиров батарей дивизиона вызвали в штаб 107-го СП, батальоны которого мы должны были поддержать артиллерийским огнем при наступлении.

Начальник штаба - молодой статный гигант майор Швайко, который раньше командовал батальоном, а недавно был переведен в штаб, быстро и толково объяснил боевую обстановку и сообщил о плане наступления. Когда стали расходиться, он, выйдя из блиндажа, чтобы проводить нас, подошел к расположенной рядом траншее. И тотчас прямо перед ним разорвался снаряд... Все, кроме Швайко, остались целы, словно заслонил он нас своим могучим телом...

Майор был общим любимцем, гибель его переживал весь полк и мы, артиллеристы.

Сержант Бондаренко - тот самый, что чуть не погиб под Мозырем, - вспоминает об этом дне:

"Майор подполз ко мне утром и приказал:

- Сержант, бери своих бойцов и выбей немцев из-за завала слева, иначе завтра они нам все испортят!

Перед завалом было сплошное минное поле. Я прошу:

- Товарищ майор, скажите саперам, чтобы разминировали нам проход.

⁴² После возвращения из отпуска Новикова направили в другую часть,

Он говорит: "Ползи за мной!" - и показал проход, где лежала кучка противопехотных мин и два сапера в маскахалатах, уткнувшихся лицом в землю. Они попались на глаза снайперу. Когда майор уполз обратно, я скомандовал:

- За мной, вперед! Огонь!

Командир взвода старший лейтенант Соколов бежал рядом со мной и подбадривал:

- Хлопцы, вперед! Вперед! Больше огня!

Так мы выбили немцев с опушки, и тут началась настоящая катавасия - враги начали обстрел из минометов и артиллерии. Справа, метрах в двух от меня, разорвалась мина, посекала всю шинель и слегка меня небольшими осколками. Больше всех пострадал пулеметчик Томаш, которого тяжело ранило. Командир взвода старший лейтенант Соколов, увидев это, решил нам помочь. Я ему кричу:

- Лежи! Не поднимай головы! А он встал на колени и хотел перебежать к нам. В это время впереди разрывается мина, и Соколов падает. Я подполз к нему, затащил в воронку от снаряда, перевязал, чтобы остановить кровь, взвалил на спину и осторожно потащил по проходу в минном поле. Сзади кто-то тащил Томаша. Взводный был без сознания, осколки посекали его лицо и грудь. Дотащили его и Томаша до медсанроты, сдали медсестрам и сразу на передовую. И тут я узнал, что погиб майор Швайко. Мне просто не верилось, что его нет в живых. Всего несколько часов назад полз со мною рядом. Замечательный был боевой командир, даже и сейчас помню то проклятое место... И ведь что обидно: через день наш полк сняли с передовой".

Основные цели на немецкой передовой я успел пристрелять вечером. По координатам, присланным из штаба, подготовил данные для стрельбы по вражеским батареям. Гитлеровцы ответили минометным огнем по передовой, не причинив нам вреда: наш НП они не сумели обнаружить.

К ночи у меня все было готово к началу артподготовки.

Теперь - отдохнуть...

Рано утром заговорили катюши. Их голос был условным сигналом для всех батарей нашего участка фронта, где намечалось решающее наступление на Ригу. Пора начинать!

- Батарея, цель номер один, двадцать снарядов на орудие, беглый огонь!

Засвистели снаряды. Пронеслись мимо звонкие хлопки пушечных выстрелов. Немецкая траншея зафонтанировала взрывами.

- Батарея, цель номер два, пятнадцать снарядов на орудие, залпами, огонь!

Взрывы окружили пулеметное гнездо на вражеской передовой. Кругом загрохотало. Обстрел нарастал с каждой минутой. Звуки выстрелов сотен орудий, разрывы молотивших передовую противника снарядов и мин слились в разноголосый, мощный, забивающий уши гул. Звонко, словно хлестая воздух, били пушки, басовито ухали гаубицы, урчали одна за другой катюши. От разрывов мин и снарядов часто-часто дрожала земля. Вспомнился 1941 год, элеватор под Калинином, наши молчаливые пушки, зловещие, пронзившие сердце и душу слова Бокова: "Как человеку без рук и ног на дерево влезть, так нам победить!" Одно правильно он тогда сказал: действительно мы тогда были без рук

и без ног - почти без самолетов, танков и многого другого, что у врагов имелось в избытке. А сейчас все наоборот! Пришел на нашу улицу праздник!

Впервые за все военные годы словно опалила неумемной радостью и поэтому хорошо запомнилась мелькнувшая вдруг надежда дожить до конца войны...

- Огонь!.. Огонь!.. Огонь! - за Леву, за сметенную с лица земли вместе с тысячами жителей Корюковку, за расстрелянную отважную девочку Нину Сагайдак, за сожженные белорусские и тифозные курские деревни! За страшные, покрытые кровью настилы болота Сучан! За недолюбивших Таню Волкову, неизвестную добрую Талю и ее безвременно погибшего друга! За страдания женщины, так неистово целовавшей мои солдатские сапоги! За Женю Комарова и других погибших товарищей! За остальные увиденные на моем солдатском пути и пережитые беды!

...По сигналу зеленой ракетой батальоны пойдут в наступление. Надо перенести огонь вглубь, чтобы подавить немецкие батареи. Не проворонить бы... Вот и она!

- По немецкой батарее, прицел... угломер... двадцать пять снарядов на орудие, беглый огонь!

Неподалеку рывкнул вражеский снаряд. Один из осколков врезался в бруствер окопа, словно напоминая, что война еще не кончилась...

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Из сообщения от 26 сентября 1944 года

На Рижском направлении наши войска, развивая наступление, овладели городами Айнажи, Салацгрива, Алая, Лимбажи, Цесис, а также с боями заняли более 300 других населенных пунктов...

До Риги мы не дошли всего несколько километров. Неожиданно для всех дивизию сняли с фронта и передали в состав Краснознаменного Балтийского флота, переименовав в Первую дивизию морской пехоты. Нас отправляли в капитулировавшую Финляндию, на создававшуюся военно-морскую базу в Порккала-Удде.

Позднее я узнал, что армия, из состава которой нас вывели, участвовала в штурме Кенигсберга, вела бои до последних дней войны.

Почему из всех частей выбрали нашу? Может, решили использовать опыт, полученный дивизией в лесах и болотах Северо-Запада? Сейчас, наверно, этого никто не скажет. Одно ясно - это сохранило жизни тысячам солдат и офицеров нашей части: бои в восточной Пруссии были особенно жестокими.

6 ноября дивизия начала грузиться на морские баржи в Ленинграде. Меня словно магнитом потянули в дорогой город. Трамваи уже ходили. Я поехал на Васильевский остров. На многих зданиях виднелись следы артиллерийского обстрела. Фронтон горного института оказался разрушенным, но институт работал. Студенты и преподаватели лишь недавно возвратились из эвакуации. Я разыскал девушек из моей группы. Они уже заканчивали институт. Годы войны

вытеснили из памяти дни двухмесячной совместной учебы - мы даже не помнили друг друга...

На обратной дороге заглянул в адресный стол на Невском. Я знал, что Зои, дочери Пали, нет в Ленинграде. Но мне дали ее адрес. Неужели увижу? Однако меня ожидало полное разочарование. В доме, где жила Зоя, расположилось какое-то учреждение. Зашел к дворнику - узнать, сохранилась ли квартира. Седая женщина - та самая, что когда-то так напугала Палю словами о войне,- приняла меня необыкновенно радушно. И квартира, и все, что оставалось в ней, сохранилось. Женщина, пережившая страшную блокаду, ответив на мои вопросы, стала говорить со мной не о тягестях блокады, не о перенесенных страданиях и своей нелегкой жизни, а о наших наступлениях на фронте, о скорой победе, о будущем Ленинграда! Образ этой простой мужественной труженицы, не павшей духом, несмотря на все тяжелые испытания, сохранился в моей памяти как символ героизма ленинградцев.

На Суворовском проспекте, как и прежде, работало фотоателье. Не утерпел, зашел. Ателье делало только "пятиминутки" размером 3х4 см. Мне было достаточно. Главное, что быстро. Как был - в шинели да измятых фронтовых погонах,- так и сфотографировался. Я еще не был уверен, что для меня военные действия позади и уже никогда больше не попаду под артиллерийский и минометный обстрел, бомбежку, под пули автоматчика и пулеметный огонь "мессершмиттов", на заминированные тропы и дороги. Война еще не закончилась, и отправка на Порккала-Удд могла стать лишь временной передышкой. К тому же Финский залив был еще полон вражеских мин и не закрыт от подводных лодок противника.

На карточке, которую послал домой в этот же день, едва уместилось несколько строк: "Снимался в годовщину - 5 лет в армии. Вид совсем окопный. Сейчас из окопов вылезли, так приоденемся, как подобает! Любящий Вас Борис". Это была моя вторая фотография за всю войну, если не считать снимка для партбилета. От первой ее отделяла тысяча дней, проведенных на фронте и в госпиталях...

Гляжу на фотографии, сравниваю их.

На первой - я с сержантскими знаками отличия, как и полагается командиру отделения; на второй - на моих погонах три звездочки: я уже старший лейтенант, командир артиллерийской батареи. У сержанта лицо совсем мальчишеское, улыбчивое, беззаботное и счастливое. У командира батареи - с серьезным взглядом, без смешинки, лицо взрослого человека. В боях под Ригой мне попала книга. Эпиграф к ней врезался в память: "Война есть война, с полей смерти не возвращаются помолодевшими..." Лучше не скажешь...

На Балтике штормило. Даже кое-кто из моряков не выдерживал и "травил" вовсю. Мне было тошно, нетерпимо. В Хельсинки выгрузились. Дивизия выстроилась колонной и без единой остановки прошла через город. Вот и Порккала-Удд. Кто-то сказал нам, что это финский Крым. Может, летом это и так. Но в начале зимы погода стояла отвратительная - снег и дождь. Стали строить в лесу большие бараки.

В тетради, сшитой из нарезанных листами обоев, в которой я решал задачи по стрельбе на офицерских занятиях и которая сохранилась до сих пор, нашел такую запись: "Был на полковом партийном собрании. Оказывается, когда полк впервые вступил в бой, его партийная организация имела 45 коммунистов и 26 кандидатов в члены партии. К концу боев в полку стало 598 коммунистов и 88 кандидатов. Из 950 орденов и медалей, которыми были награждены солдаты и офицеры полка, более 700 носили коммунисты". Лучшие бойцы и командиры в моей батарее были коммунистами. Получая приказ для батареи, я ставил задачу всем и отдельно коммунистам. И твердо был уверен: не подведут!

...Напряжение, связанное с боевыми действиями, спало. Стали вылезать "болячки", на которые раньше не обращал внимания. Опять начались боли под лопаткой. Если куда вызывали, старался ездить на лошади. Решил пойти в санбат. Сказали: у вас тяжелая болезнь сердца, ложитесь в госпиталь. На нашей базе, оказывается, был первоклассный военно-морской госпиталь. Пролежал в нем недели три. За несколько дней до выписки вечером стала распухать правая часть лица. За ночь я распух до неузнаваемости. Доктор, осмотрев меня, пошутил:

- Ну, молодой человек, оскандалились: заболели детской болезнью - свинкой.

Я сказал доктору, что у меня в этой части лица могут быть осколки. Он послал на рентген. Действительно: немного ниже правого виска сидели три небольших осколка. Доктор, посмотрев снимок, решил подождать день-два. Если опухоль спадет, то ничего делать не надо. Через три дня опухоль прошла. После выписки меня послали в Дом отдыха Балтфлота. На прощанье лечивший меня доктор пошутил:

- Жить с вашими нервами можно. Но "дубом" вы уже не будете. - И добавил: - Да это и не так плохо!

Он имел в виду мою нервную возбудимость, быструю реакцию на все изменения в окружающей обстановке.

Дом отдыха был под Ленинградом. Я поехал туда поездом через Хельсинки. Пробыв там меньше недели из назначенных мне 24 дней, решил попросить начальника дома отдыха отпустить меня на оставшиеся дни в Иваново. Он сказал, чтобы я обратился в свою часть. Еще через неделю я держал в руках разрешение командира полка Петра Андреевича Любимова!

Возвращение

...Почему-то не помню ни своего приезда домой в последних числах апреля, ни первых дней, проведенных в родном Иваново,- они слились в одно радостное мгновение. А может, потому что отодвинула в сторону все личное другая - огромнейшая, всенародная радость: наступил день Великой Победы — 9 мая 1945 года!

Его приближение ясно чувствовалось с первых минут моего пребывания дома: радио сообщало новые радостные вести - бои шли в Берлине! Вражеские снаряды и пули еще уносили день за днем тысячи жизней. В первых числах мая в боях за Берлин погиб мой двоюродный брат Леонид Розов, ивановец, один из друзей детства.

Запомнилось единственное - встреча с матерью. Обнимая ее, первой бросившуюся навстречу, почувствовал, как она вся обмякла и вот-вот упадет. Испугавшись, еще крепче обнял ее:

- Я же вернулся, мама!

Она встрепенулась, прижала меня к себе:

- Мы так ждали тебя!

Увидев ее глазами взрослого человека, я почувствовал всю глубину любви ко мне, понял, насколько она добра и самоотверженна. Она готова была отдать все, не требуя взамен ничего, наоборот, радуясь, что чем-то может помочь мне.

Однажды утром она подошла расстроенная и спросила:

- Ты не заболел? Ночью во сне ты жутко кричал: "Огонь! Огонь!" - и что-то еще, а потом ругался очень нехорошими словами.

Что я мог ответить? Во сне я часто возвращался на фронт и, просыпаясь от тяжких переживаний, благодарил судьбу, что это только снится. Что же касается ругани, то еще с сержантом Комаровым на Северо-Западном фронте договорились: ругаться не будем. Но из этого ничего не вышло. Только на Порккала-Удде удалось избавиться от мата. И вот - ночной рецидив...

Помню, в один из дней отец достал письмо от Левы, написанное под Орлом, то самое, где рассказывается о танковом сражении. Отец хотел, чтобы я прочитал его. Уже с первых строчек мне представился этот бой. Лева, как живой, вставал перед глазами. Стало невыносимо тяжело... Я возвратил отцу письмо недочитанным.

...День Победы! По радио с утра звучал ликующий голос Левитана:

- ...Великая Отечественная война победоносно завершена. Гитлеровская Германия полностью разгромлена Красной Армией и армиями наших союзников. В покоренной советскими воинами германской столице, в Берлине, Маршал Советского Союза Жуков и представители экспедиционных сил союзников продиктовали немецкому верховному командованию условия капитуляции. Немецкая фашистская армия прекратила свое существование. Гитлеровское разбойничье государство разбито вдребезги.

Начата новая страница в истории человечества. Золотыми буквами вписаны в нее подвиги героев Красной Армии. Слава ей, освободительнице народов!..

"Наконец-то,- думал я,- кончилась последняя война человечества!" Так, во всяком случае, мне тогда казалось. В нашей семье этот великий день был радостным и горьким. Отец снова достал письма брата, безмолвно перебирал их. Одно протянул мне:

- Последнее... Леле...

Слова песенки, присланной сестре под Новый, 1944 год, словно предсказывали близкую победу:

Скоро вражья смерть настанет,
И вернемся мы тогда домой.
В честь победы бал великий справим
В старом доме под родной Москвой!

Дорогой Лева! Как бы ты радовался сейчас вместе с нами! Почувствовав, что долго не выдержу, я потащил всех в город. На улицах было много народа. Качали на руках военных. Лица людей светились радостью. А глаза были наполнены слезами - от счастья, что война кончилась, и от горя по родным и близким, погибшим на тяжелом пути к Победе.

Когда отпуск подходил к концу, мне пришлось снова лечь в госпиталь. Стала постоянно болеть голова, нарушился сон, заболела правая верхняя часть груди под раненым плечом. Пролежал там около месяца. Выписали с ограничением II степени по состоянию здоровья и направили в запасной офицерский полк, стоявший под Москвой. В августе я был уволен в запас в связи с инвалидностью, полученной на фронте. Мне исполнилось двадцать четыре года. В пенсионной книжке стаж службы в армии был равен десяти годам: четыре года, проведенные на фронте, составили восемь лет. Как все демобилизуемые, я получил выходное пособие - около пяти тысяч рублей. Государственные облигации сдал в фонд обороны, уходя из армии.

В Москве на Савеловском вокзале увидел Суханова, комиссара моего дивизиона в 108-м ГАП. Он узнал меня. За пять минут, которые оставались до посадки в поезд, он коротко рассказал о боевом пути полка. За бои под Калинином и на Волге их всех наградили медалями "За оборону Москвы". Он записал мой адрес, сказав, что мне положена медаль. Через месяц я ее получил в военкомате. Это была первая награда, полученная после войны. Вторую получил позднее, когда уже ходил в штатском, - орден Отечественной войны II степени, которым меня наградили за бои под Ригой.

Еще в Иванове я узнал, что в Монино, под Москвой, живет Таня Чебаевская. Почему-то потянуло навестить ее. Приехав туда к вечеру, зашел в привокзальный буфет и выпил полстакана водки. Не знаю, зачем это сделал: водку даже на фронте почти не пил, отдавал Мартынову.

Таня была одна, муж ушел на ночное дежурство. Она угостила чаем. Мы вспомнили школьных товарищей. Володя Шерстунов с войны не вернулся, ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Вася Москвичев попал в плен, бежал, снова воевал, получил медаль "За отвагу". Саша Бекенев погиб. Наш классный руководитель Василий Александрович Немиров, которого мы все очень любили, тоже погиб. Пока что с фронта вернулись только Вова Паршин и я. Об остальных мы еще ничего не знали.

Таня очень изменилась - повзрослела. Когда я спросил, какой институт окончила, то, грустно усмехнувшись, она сняла с этажерки толстую книгу и дала мне. На титульном листе была надпись: "Самой способной и самой ленивой студентке". Ниже стояла подпись профессора, написавшего книгу. Таня рассказала, что через год после отъезда из Иванова поступила в Московский энергетический институт на второй курс. Сначала все казалось очень простым, и она, как всегда, не занималась. Но так продолжалось до экзаменов, где она провалилась и ушла из института.

Неожиданно у меня заболела голова, как это часто случалось последнее время. Я сказал об этом Тане. Она приготовила постель и, пожелав спокойной

ночи, ушла в другую комнату. Воспоминания о наших одноклассниках, встреча с Таней, с далеким школьным образом которой так много было связано, увольнение из армии будоражили и всю ночь не давали покоя. Жизнь снова круто менялась, было о чем подумать. Закончилась военная служба. Я остался жив, хотя столько раз мог оборваться мой непростой путь к дому! То, что я встречал первый день возвращения к обычной жизни здесь, у Тани, к которой заходил попрощаться перед началом службы, полный юношеских мечтаний и надежд, усилило переживания.

Голова от бессонной ночи еще больше отяжелела. Боль становилась нестерпимой. Утром не стал завтракать, сказал, что спешу. Еще ночью думал об этих последних минутах. И, сейчас, уходя, отстегнул измятые, выдавшие виды полевые погоны, снял их с гимнастерки и протянул Тане:

- Прощай!

Она машинально взяла их и тихо спросила:

- Что ты собираешься делать дальше?

- Возвращаюсь к родным. Их нельзя оставить одних. А что потом - не знаю...

- Счастливо, Боря!

Она крепко пожала мне руку, глядя прямо в глаза своими широко открытыми глазами, совсем такая же, какой запомнилась по школе...

...Возвратившись в Иваново, я стал думать, что мне, инвалиду 2-й группы, делать дальше. Мечта об институте затерялась среди сражений и военных дорог. Как и многие мои сверстники, вернувшиеся с "полей смерти", я считал, что дорога в институт закрыта. Казалось, из головы все выбито и вымолочено снарядами и пулями, нервы не в порядке, ничего не выйдет. Решил, что буду работать военруком в школе. Но отец думал иначе. Ему очень хотелось - и он сказал об этом,- чтобы я поступил в энергоинститут, где учился Лева. Я понял: для отца будет нестерпимо больно, если не решусь идти по стопам Левы, и подал заявление в Ивановский энергетический институт имени В.И.Ленина на электромеханический факультет.

Через несколько дней пришло извещение о моем зачислении. Я снова стал студентом! Мама перешила мне Левин костюм. Когда облачился в него, непривычная гражданская одежда показалась плохо сшитым балахоном.

Первый день занятий стал праздником не столько для меня, сколько для отца и матери. Я вышел из дому, и отец, открыв окно, помахал мне рукой, хотел что-то сказать, но только улыбнулся сквозь слезы.

В первые же дни учебы стало ясно, что мои опасения не были напрасными: я почти ничего не понимал на лекциях, особенно по математике, физике и химии - моим любимым школьным предметам. Часто, читая в который раз учебник и разозлившись на свою неспособность запомнить прочитанное, на тяжелую боль в голове, бросал ни в чем не повинную книгу в угол. Потом брал ее снова и читал текст еще и еще раз. Настойчивость, привитая в армии, внимание, которое проявлялось к фронтовикам в институте, помогли. Начал втягиваться в учебу. Боли в голове стали понемногу проходить. Со второго курса, как отличнику учебы и активному общественнику, мне назначили повышенную стипендию

имени М.И.Калинина. Тепло родного дома, учеба, появившаяся семья постепенно заслонили собой годы войны, влили новые силы, возвращали утраченные надежды.

Жизнь продолжается

После окончания института я поступил в аспирантуру Института электротехники АН УССР в Киеве. В 1953 году защитил кандидатскую диссертацию: "Исследование и разработка триггера на магнитных усилителях". Тему для исследования предложил академик С.А. Лебедев - создатель первой в СССР электронной вычислительной машины. Следующие десять лет были отданы созданию и внедрению первой в СССР полупроводниковой управляющей машины широкого назначения "Днепр". По результатам этой работы в 1963 году защитил диссертацию на соискание доктора технических наук. Один из первых образцов машины хранится в Политехническом музее в Москве: она сыграла большую роль в создании первых систем контроля и управления различными производственными процессами.

Ни в детстве, ни тем более на фронте, ни в институте я не мечтал быть ученым. Труд на заводе, в учреждении, а тем более в научно-исследовательском институте мне представлялся очень сложным, и не раз думалось - справлюсь ли? Может быть, поэтому поступив в аспирантуру, а, позднее, работая научным сотрудником, я "выкладывался", насколько позволяли силы, оставляя время только на сон да еду. Работавшие со мной молодые инженеры, только что кончившие институт, видя мое увлечение, старались не меньше. Да и время было такое - страна вставала из руин, расправляла плечи, ее авторитет был огромен.

В эти годы так работали не только мы, как бы возмещающая потерянное на войне. Ее горечи и беды уходили в прошлое. Это было главным, рождало всеобщий энтузиазм. Вспоминать войну еще приходилось, но в первую очередь чтобы подбодрить себя и окружающих: на фронте было труднее, а в мирное время с любым сложным делом можно и нужно справиться!

В 1969 году меня избрали членом-корреспондентом АН УССР.

Начало моей научной деятельности совпало с началом развития управляющей вычислительной техники. Пришлось участвовать в разработке ЭВМ различных поколений - от ламповых великанов до современных полупроводниковых гномов. Многие из моих аспирантов стали докторами и кандидатами наук, успешно продолжают исследования, начатые 40 лет назад. Рассказать об этом в нескольких словах невозможно - может быть, удастся в будущем. Скажу только, что сейчас, когда в стране началась перестройка, вижу, что мог бы сделать больше, если бы не пришлось тратить так много времени на преодоление ненужных трудностей, которых было немало в годы застоя.

Мои дети (их трое - два сына и дочь) уже имеют свои семьи. Старший сын, наш первенец, назван именем моего погибшего брата. Среди пяти внуков растет и мой тезка - Малиновский Борис Николаевич.

В первые послевоенные годы никому ничего не рассказывал о пережитом, да и сам не мог читать книги о войне: события, сконцентрированные на немногих страницах или в нескольких строчках, преломлялись в сознании в развернутые и

яркие картины, где литературные герои жили и умирали словно рядом со мной. Их переживания становились моими, а я теперь уже не был способен выдержать то, что можно и нужно было выдержать тогда... Зато запоем читал книги Толстого, Горького, Диккенса, Шолохова, Бальзака, Стендаля, других великих писателей.

Тогда, в молодости, книги восстановили во мне многое, казалось, безвозвратно утерянное на войне. На всю жизнь запомнилась мысль Диккенса, которую записал в самодельном блокноте, заведенном еще на Порккала-Удде, из его книги "Давид Копперфильд":

"Талант и счастливый случай могут служить лишь продольными брусками лестницы, по которой человек поднимается вверх, но поперечные перекладины, образующие собою ступени, должны быть, во всяком случае, сделаны из устойчивого прочного материала. Терпеливое и постоянное напряжение энергии одно только и может служить таким материалом. Никогда не хвататься всего одной лишь рукою за то, чему можно отдаться всем своим существом, и никогда не относиться с кондачка к делу, за которое берешься, каким бы ничтожным оно само по себе не представлялось".

Через двадцать семь лет после окончания войны счастливый случай помог мне связаться с однополчанами. Я словно обрел второе дыхание. Организатором встреч ветеранов дивизии стал Николай Борисович Ивушкин. После окончания службы он поселился в Москве, разыскал многих однополчан и через 25 лет провел их первую встречу. Он же организовал Совет ветеранов, председателем которого был 15 лет, Музей боевого пути нашей дивизии в школе № 826. Николай Борисович написал две прекрасные книги о боевом пути стрелковых полков дивизии: "За все в ответе" и "Место твое впереди".

За годы войны через дивизию прошли десятки тысяч людей, а отыскалось лишь 529 ветеранов.

Следопыты Мозырской школы №10 продолжают поиск. Они собрали несколько тысяч экспонатов - фотографий и писем фронтовиков, документов о боевом пути дивизии. С помощью общественности города рядом со школой построено двухэтажное здание музея. Сейчас он уже работает, получил название народного.

Каждый школьный музей - частица народной правды о войне. Все вместе - отеческое завещание воевавшим будущим поколениям: беречь нашу Родину.

Низкий поклон вам, дорогие школьные следопыты!

Первые два десятилетия после войны не были легкими для уцелевших. И все-таки, думаю, для большинства они были самыми счастливыми в жизни!

В эти годы доучивались, влюблялись, обзаводились семьями, получали рабочую квалификацию, становились специалистами. Трудились по-фронтовому, не считаясь со временем, не гоняясь за легким заработком, излишним материальным достатком, видя в активном труде главную задачу жизни. Послевоенные успехи страны были во многом связаны с самоотверженным трудом воевавших.

Бывший сержант-радист Саша Ипполитов окончил институт, его здоровье поправилось, он вернулся в армию, стал полковником. Долго работал в

Генеральном штабе Советской армии. Несколько лет назад перешел на работу в Министерство радиопромышленности. Награжден орденами за многолетний, самоотверженный труд. Живет в Москве. Николай Мартынов вернулся в родное Ликино (под Москвой) к своей любимой работе столяром на заводе, где трудился в довоенные годы. Но беды войны не прошли даром даже для его богатырского здоровья. Два года назад тяжелая болезнь сделала то, чего не сумели пули и осколки.

Трудно начиналась послевоенная жизнь у Геннадия Беляева. После длительного лечения в госпитале он заболел ревматизмом и долго не мог с ним справиться. В Москве, где стал жить после женитьбы, случайно встретился с Ипполитовым. Бывший сержант, окончивший к этому времени институт, убедил своего бывшего командира в необходимости учиться. Беляев кончил институт, стал работать в Моссовете, где пользовался очень большим авторитетом. В апреле 1979 года Ипполитов, я, родные и близкие проводили бывшего парторга дивизиона в последний путь...

Владимир Сармакешев, несмотря на инвалидность, окончил институт, стал главным врачом санатория на Сочинском курорте, получил звание заслуженного врача РСФСР. Написал интересную повесть о своей боевой юности⁴³. Почетный гражданин города Сочи, член общества англо-советской дружбы, он полон энергии и творческих замыслов. Недавно переквалифицировался на врача-психотерапевта и продолжает работу в санатории. Юлиан Пантелеймонович Померанцев, самоотверженно боровшийся с тифом в освобожденных селах Белоруссии, - теперь заслуженный врач РСФСР, психотерапевт, активно трудится в Москве, поражая коллег неустойчивой энергией врача-новатора. Виталий Михайлович Сарычев, тоже москвич, после войны до выхода на пенсию продолжал служить в армии. Его два сына - подводники - пришли отцу на смену. Константин Лосев оставался в армии, вырос до полковника, работает преподавателем военной академии в Ленинграде. Николай Портяной сменил военную специальность связиста на гражданскую, без устали, не щадя себя, плодотворно работал в одном из конструкторских бюро Риги. В последние годы его здоровье стало быстро ухудшаться. Операции шли одна за другой. И сердце не выдержало. Безвременно ушел из жизни очень честный и талантливый человек...

Егор Черноголовый работает лаборантом в Харьковском политехническом институте, увлекается художественной фотографией. Юлия Сарычева сохранила верность своей гуманной профессии, работает сестрой в одной из московских больниц. Иван Новиков - метеоролог в далекой Туве. Время от времени приходится ложиться в госпиталь - не заживает рана на ноге. Но это не мешает ему приезжать на все встречи ветеранов, вести большую общественную работу. Удивительно стойкий и очень добрый человек!

Много потрудился Алексей Михайлович Саксин, ставший главным конструктором по проектированию автоматических станочных линий. К его военным орденам добавился орден Трудового Красного Знамени. Сейчас он на

⁴³ Сармакешев В.И. А мы такие молодые... М., 1988.

пенсии. Константин Андреевич Абайханов стал директором Центрального универмага в Ташкенте. Лет десять назад стало подводить здоровье, подорванное на войне. Долго не сдавался, но болезнь прогрессировала, и его не смогли спасти.

Петр Николаевич Кудинов из артиллериста стал политработником. Он всегда был душой коллектива, где находился, а это и есть главное качество политработника. Уйдя из армии, вернулся к журналистике - своему давнему призванию. Написал отличные книги: "Гаубицы ведут огонь", "Огненным мечом" - о боевом пути нашего артиллерийского полка и другие - о событиях и людях военных лет, полон творческих замыслов на будущее. Работает военруком в одном из техникумов Риги. Организовал там музей боевого пути части. Пользуется большим авторитетом и любовью у ребят. Александр Данилович Новиков демобилизовался в звании полковника, живет в Минске, долго и успешно "командовал" водным транспортом Белорусской республики, сейчас на пенсии.

Не могу не написать о судьбе еще одного ветерана. Она во многом необычна, к тому же о Рэме Борисовне Жоховой мне стало известно только сейчас, когда ей, наконец, удалось найти своих однополчан и встретиться с ними.

Во время эвакуации Москвы в октябре 1941 года тринадцатилетняя Рэма оказалась в Поволжье, а мать, выехавшая позднее, - в Средней Азии. Девочка устроилась в местном колхозе трактористкой. Весной 1943 года, вернувшись в Москву, пошла в райвоенкомат и попросила направить ее на фронт. Низкорослая, худющая девчонка выглядела совсем ребенком, и военком отказал.

Тогда она пошла на Курский вокзал и тайком села на одну из платформ проезжавшего мимо воинского эшелона. Так Рэма оказалась в нашей дивизии. Ее направили радистом в роту связи. Она быстро овладела "морзянкой" и перед началом Курской битвы сдала экзамен на радиста третьего класса. В боях под Понырями держала связь с корпусом и хорошо с этим справилась.

Самое сильное впечатление первых дней боев за Поныри, памятное ей и сейчас, - огромное количество раненых, привозимых и приходящих в медсанбат, расположенный неподалеку от штаба дивизии. Вид окровавленных и искалеченных людей был ужасен. После, прячась при обстрелах, она закрывала руками лицо, боясь, что оно будет изуродовано, как у многих из тех, кто проходил мимо. О смерти в пятнадцать лет не думалось...

Несколько раз ей отчаянно везло. В одной из приднепровских деревень налетевшие пятнадцать юнкерсов разбомбили многие дома. Последняя бомба попала в хату, где она находилась. В тот момент она выбегала из сеней, решив укрыться между грядками в огороде. Запомнилась буйная радость, пришедшая к ней, когда поняла, что осталась живой, хотя и побитой до синяков обломками крыльца. Противный звон в ушах долго преследовал ее - даже тогда, когда бегала по деревне, ища в сохранившихся домах полотенца на божницах, чтобы перевязать раненного в живот солдата-узбека.

В роте связи дивизии все были старше ее и берегли от "непрошенных гостей". Писали матери, чтобы не беспокоилась: "Она нам, как сестра". Как-то на занятиях познакомилась с полковым радистом Мишей. Солдат был из Ленинграда, старше Рэмы на два года. Во время блокады умерла его мать, отец

служил в армии. Она была очень рада редким и коротким встречам, когда он приносил ремонтировать рацию или приходил на общие сборы - занятия радистов. Ее опекуны не противились этому знакомству. Наоборот, как только он появлялся, ей сразу сообщали:

- Михаил в мастерской!

Вероятно понимали, что пришла к ней неизбежная первая девичья любовь...

Не раз в это время некоторые "подружки" говорили:

- Нашла мальчишку-солдата, вот и ходишь вся замурзанная, в драной гимнастерке и кирзовых сапогах сорок третьего размера. Не того выбрала...

В зимние месяцы 1944 года дивизия занимала оборону по правому берегу Припяти, выше Мозыря. Больших боев не было, но люди постоянно гибли от мин, поставленных гитлеровцами при отступлении.

Когда Рэме сказали, что Мише оторвало ступню и у него началась газовая гангрена, а он не соглашается на ампутацию ноги, она побежала к нему в медсанбат. Хотела сказать, что никогда не оставит его, что надо соглашаться на операцию...

Но когда открыла полог и густой снег вместе с ветром ворвался в палатку, снежинки опускались на Мишино лицо и не таяли. Не успела...

Впереди был еще один год войны. Шестнадцатилетнюю Рэму назначили командиром отделения, присвоили звание сержанта. За самоотверженный ратный труд наградили медалью "За боевые заслуги", позднее - орденом "Красной Звезды".

Сейчас Рэма Борисовна Жохова живет в Москве. Она - секретарь Совета ветеранов нашей дивизии.

Чтобы разыскать однополчан по 108-му ПАП (пушечный артиллерийский полк), я решил написать в краеведческий музей города Калинина. Ответ пришел неутешительный - о 108-м ПАП никто ничего не знал. И все-таки письмо сыграло свою роль!

Оно попало в руки А.Ф.Парахонскому, моему товарищу по довоенной казарме под Ленинградом. Он приехал в Калинин погостить у старшего сына, тоже отправился в музей и рассказал там об участии 108-го ПАП в боях за город, о разгроме аэродрома и боях зимой 1941-1942 годов - он-то знал о нашем полке намного больше, чем я. Ему показали мое письмо.

Мы встретились в Киеве, куда Александр Филиппович приехал навестить своего второго сына. С вокзала он позвонил мне по телефону. Хотя прошло тридцать с лишним лет, я узнал его по голосу. А он все расспрашивал меня, пытаюсь, как мне показалось, убедиться, что я - это я. Сказав, что сейчас за ним приеду и - пусть не сомневается - отлично его помню и узнаю в лицо, я выскочил на улицу и поспешил к нему на первом попавшемся такси. Лицо его, действительно, со всеми деталями сохранилось в моей памяти, и я, конечно, узнал его! Он не так уж изменился, дорогой мой друг, тем более, что рядом стояла живая копия отца в молодости - его младший сын. Но война не прошла даром. Часть головы и правый глаз закрывала черная повязка. В 1942-м его тяжело ранило, и он тоже выбыл из полка...

Много интересного рассказал Александр Филиппович о судьбе однополчан. Командир 4-й батареи лейтенант Александр Семенович Сукомел, отличившийся при разгроме вражеского аэродрома под Калинином, был впоследствии тяжело ранен, лишился ноги. Сумел окончить институт, стал профессором, заведовал кафедрой в Московском энергетическом институте. Его учебниками пользуются и сейчас, хотя автора уже нет в живых.

Лейтенант Николай Алексеевич Городиский прошел с полком весь боевой путь. Был несколько раз ранен и контужен. За смелость и бесстрашие при выполнении заданий командования был многократно награжден орденами и медалями. Живет в городе Владимире, писатель.

Сержант-связист Иван Лаврентьевич Зиненко стал председателем колхоза на Украине, много раз избирался депутатом Верховного Совета СССР. Лейтенант Игорь Александрович Варягин был ранен, выбыл из полка, закончил войну в другой части. За отличия в боях многократно награжден, вырос до полковника и, выйдя в отставку, живет и работает в Москве.

В московской школе №588 создан музей 108-го ПАП, проводятся встречи ветеранов полка.

Александр Филиппович Парахонский уже на пенсии. Поработал немало - и учителем, и заведующим отделом народного образования в Черновцах. Сейчас живет в Феодосии.

На встречах выяснилось и то, во что обернулось для предателей Смирнова и Бокова желание спасти свою шкуру, изменив Родине в тяжелый для нее момент. Как ни старались они скрыть свое преступное прошлое, это им не удалось. За измену Родине и службу в гитлеровских войсках оба были преданы суду и получили должное возмездие.

Сталинско-брежневские репрессии обрушились, к сожалению, не только на виноватых.

Начальник связи и парторг нашего дивизиона Гена Беляев, ставший инвалидом после тяжелого ранения в Белоруссии, не имея высшего образования, стал работать инструктором в одном из райкомов партии в Казани. Рвение и опыт, полученный на фронте, помогли - из инструктора стал секретарем райкома. О своем брате, воевавшем в артиллерийской части, ничего не знал. Оказалось, что тот был в плену и после возвращения осужден. Беляева без особых объяснений выставили из райкома. Брат позднее был реабилитирован. Гена был морально подавлен, жил на скудную пенсию инвалида. О дальнейшей его жизни я написал. Она была более счастливой.

Такая же судьба постигла бывшего старшину 1-го дивизиона 108-го ПАП Косаговского. После нескольких лет работы в советских органах одного из районов Москвы ему было предложено "уйти по собственному желанию". Причина - был в окружении. Косаговский этого не скрывал. Да и зачем? В 1941 году два дивизиона нашего 108-го ПАП, оставшиеся на правом берегу Волги, попали в окружение, но уже через несколько дней вырвались из него. Косаговский находился вместе со всеми. Ни трусостью, ни чем-либо другим себя не запятнал. К концу войны командовал батареей, был награжден орденом Ленина, двумя - Красного Знамени, Красной Звезды, медалью "За отвагу". В

добавление к этому - имел пробитую голову и инвалидность вследствие тяжелой контузии в последние дни войны. Можно только удивляться тому, какой богатырский дух был в тщедушном теле этого тяжело страдающего физически человека! Лишь недавно его не стало.

Сейчас это трудно понять. Но тогда, при Сталине, такое было железным правилом!

Невольно думается: при выходе полков нашей дивизии из окружения под Ловошкино значительная часть раненых не сумела пробиться и отстала от основной группы. Тяжелораненые просто не могли передвигаться, а всех их не сумели вынести. И те и другие попали в плен. После войны многих из этих людей, по сути невиновных, ждала тяжелая участь⁴⁴. А ведь подавляющее большинство оказавшихся в плену вели себя достойно, умирали от издевательств и голода, но не изменяли Родине. При первой возможности убегали из лагерей и продолжали сражаться с оккупантами в составе частей, партизанских отрядов, подпольных организаций. Не знали они, что Сталин уже тогда лишил их человеческих прав, отклонил возможную помощь от Международного Красного Креста, не захотел спасти даже своего сына. Не знали и того, что попали в плен по вине не столько своей, сколько этого человека, уничтожившего перед войной мозг армии - высший и старший командный состав, поверившего Гитлеру, а не советским разведчикам и согнавшего в тюрьмы и лагеря за пять предвоенных лет почти 20 миллионов ни в чем не повинных людей, из которых 7 миллионов - самых лучших и преданных Советской власти - были приговорены к расстрелу⁴⁵.

Верю, что истинные виновники трагического отступления наших войск в 1941 году еще предстанут перед судом народа и истории!

"Фронтовики" Чернобыля

26 апреля 1986 года произошла авария на атомной электростанции в Чернобыле.

Первыми на борьбу с наступившей бедой встали двадцатилетние парни-пожарники. Их подвиг при ликвидации возникшего пожара был отмечен высшими наградами страны. Почти для всех - посмертно:

Вырвавшаяся из-под контроля радиация действовала непредсказуемо, угрожая природе и населению огромными, ни с чем не сравнимыми бедствиями...

Срочно созданная и приехавшая в Чернобыль Правительственная комиссия получила право привлекать для ликвидации последствий аварии любые людские и материальные ресурсы, имевшиеся в стране. Все лето и осень 1986 года тысячи людей, в большинстве молодых, самоотверженно трудились в опасной для здоровья зоне. "Передний край" борьбы с радиацией находился на крыше разрушенного блока и вокруг него, в "рыжем лесу" и многих других местах тридцатикилометровой зоны. Вместо пулеметных и автоматных очередей, взрывов бомб и гула артиллерийской стрельбы, как это было на войне, здесь в

⁴⁴ Мой товарищ по школьной парте Вася Москвичев, попавший в плен в 1941 году, когда в окружение попадали целые армии, после войны получил 25 лет заключения. Ни побег из плена, ни медаль "За отвагу" не помогли. Позднее был реабилитирован.

⁴⁵ Микоян Серго. "Аскетизм" вождя: Размышления о некоторых сюжетах из жизни Сталина // Огонек. 1989. № 15. С. 30.

первые дни аварии царило безмолвие. Лишь в наушниках приборов, измерявших уровень радиации, раздавался треск от разлетающихся в стороны нуклидов, незаметно и безболезненно поражающих человеческое тело... В этих местах наибольшей опасности основное дело вершилось солдатами Советской Армии, вручную собиравшими выброшенное топливо, шахтерами и строителями, возводящими "саркофаг", инженерами и техниками, заново создававшими систему измерения и контроля радиации в опасной зоне.

На фоне аварии в Чернобыле я понял, что события второй мировой войны, как бы они ни были трагичны и страшны для людей и целых народов, окажутся... лишь каплей в море разрушений, пожаров, всепроникающей радиации и человеческих жертв, если будет развязана ядерная война.

Как и во время Великой Отечественной войны, фронтовики Чернобыля - так мне хочется назвать людей, сражавшихся с вырвавшейся из-под контроля радиацией,- делали все, что было в их силах, работая на пределе человеческих возможностей.

Авария в Чернобыле напомнила войну не только мне.

"Как сорок первый год,- сказал о тех страшных днях академик В.А.Легасов, один из героев-фронтовиков Чернобыля.- Точно. Сорок первый год. Да еще в худшем варианте. С тем же "Брестом", с тем же мужеством, с теми же отчаянностями, но и с той же неготовностью"⁴⁶.

За безответственность и халатность, накопленные в нашем обществе за годы застоя, тысячи и тысячи людей расплатились и продолжают расплачиваться своим здоровьем, искалеченными судьбами, безвременными смертями.

Лишь самоотверженный труд тех, кто с огромным напряжением, невзирая на опасность, боролся с вырвавшейся из-под контроля радиацией, и срочная всесторонняя помощь всей страны помогли избежать дальнейшего непредсказуемого развития аварии.

Академия наук УССР, где я работаю, не осталась в стороне. Тысячи ее сотрудников помогали республике справиться с бедой.

О некоторых из них я хочу рассказать в этой книге.

Картина загрязнения радионуклидами почвы, воды и воздуха на территории республики была неясной и все время менялась. Надо было наладить систему измерений загрязненности, организовать обработку получаемых данных с целью выяснения существующей обстановки и составления прогнозов о риске и степени загрязнения территории, прилегающей к Чернобылю, грунтовых вод, воды в Днепре и Днепровском бассейне, о возможных последствиях весеннего паводка.

Только заблаговременный прогноз мог помочь в проведении действительно нужных и эффективных мер. Необычность и чрезмерная сложность задачи были очевидны.

Требовалось организовать сбор необходимых данных, разработать модель процессов миграции (расползания) радионуклидов, совместить эти процессы с данными о местах, где они происходят,- реальными ландшафтами, руслами рек, дном водохранилищ, расположением подпочвенных водонесущих грунтов,

⁴⁶ Мензелинцев И. Размышления с академиком Легасовым и без него // Природа и человек. 1989. № 4. С. 34.

подготовить необходимое оборудование - ЭВМ, специальные средства ввода-вывода данных с карт и других носителей информации,- составить и отладить программы работы ЭВМ и многое-многое другое.

В мировой практике задачи такого масштаба не встречались. Рассчитывать можно было только на собственные силы. 50 добровольцев-инженеров и математиков СКБ и Института кибернетики имени В.М.Глушкова АН УССР были переведены на "казарменное" положение - дневали и ночевали в институте, пытаясь "мозговыми" штурмами решить поставленную задачу. Еще около ста человек из СКБ и института стали их помощниками. Специалисты киевских организаций - геологи, биологи, гидрологи, ботаники, географы по мере необходимости тотчас включались в работу и трудились под стать основному коллективу кибернетиков. Ученые Москвы, Ленинграда, Новосибирска и других городов по вызову из Киева немедленно приезжали и щедро делились знаниями, опытом, советами.

Подобрали людей, распределили по работам, определили первые задания и "выдали" первые идеи ведущие ученые института: В.С.Михалевич, А.А.Морозов, Ю.И.Самойленко, В.И.Дианов, М.И.Дианов, Н.Д.Чепурной, М.И.Железняк, В.М.Михайлов. Задача создания моделирующего комплекса была поставлена перед В.И.Диановым, его ближайшим помощником - братом Михаилом, а также перед В.С.Давидчуком, А.Б.Тимофеевым, В.А.Смольниковым.

20 июня начались пробные просчеты с использованием программ для получения обобщенной картины загрязненности атмосферы. Для этого пришлось организовать сбор данных многочисленных пунктов наблюдения, сделать так, чтобы исходные измерения выполнялись на всех постах наблюдения одинаково. Все это было очень непростым делом и потребовало колоссального труда. Но карта была составлена!

Ю.И.Самойленко и А.Г.Дмитренко первыми взялись за самое трудное - составление математической модели миграции нуклидов.

Позднее к работе по усовершенствованию модели и связи с реальной обстановкой подключились Н.Д.Чепурной, М.И.Железняк и руководимые ими коллективы. Первый должен был дать прогноз миграции радионуклидов в земле, второй - в воде. Результаты первого прогноза должны были стать исходными величинами для второго. Когда Министерство геологии УССР обратилось с просьбой оценить риск загрязнения грунтовых вод в Киевской, Житомирской и Черниговской областях, что было очень важно, так как тысячи колодцев в деревнях и селах питались грунтовыми водами, то было уже ясно: работу можно выполнить, модель "ожива". Сколько было потрачено на это труда, легко показать на примере: данные о рельефе дна Киевского водохранилища вводились в ЭВМ через каждые 25 метров по длине и ширине, а оно растянулось на десятки километров! Эту огромную массу данных надо было получить и ввести в машину!

Ю.И.Самойленко вспоминает: "Работали вдохновенно, дружно, без каких-либо соображений престижа. Наши просьбы о помощи выполнялись неукоснительно и быстро. Все стремились к одной цели: сделать расчеты вовремя".

В феврале коллектив "прогнозистов" уже работал в полную силу. К весне составили "мониторинг" тридцатикилометровой зоны - ввели в машину все сведения о состоянии зоны, рассчитали, где должны быть основные пункты наблюдения, подготовили программы для оценки состояния загрязненности территорий и передали их представителям Госкомгидромета, работавшим в зоне. Сотрудник СКБ В.С.Чебанюк, отложив на месяц свадьбу, уехал с программами в Чернобыль и обучил специалистов Госкомгидромета, как ими пользоваться. Началась "компьютеризация" зоны.

За самоотверженную работу Владимир Иванович Дианов был награжден орденом "Знак Почета". Его брат Михаил - грамотой Президиума Верховного Совета СССР. Это они и работавшие с ними сотрудники за 20 дней смонтировали и запустили только что полученную с завода и ранее разработанную ими и так пригодившуюся ЭВМ "Дельта", а потом оснастили ее всем необходимым оборудованием. Группа А.Б.Тимофеева в те же сроки создала "ситуационную комнату" для работы специалистов, занимающихся прогнозом. Программное обеспечение для комплекса подготовил, работая денно и нощно, В.А.Смольников и его группа.

А.А.Морозов получил благодарность от Правительственной комиссии. Заряжая всех кипучей энергией и деловитостью, он четко организовал и обеспечил целеустремленную работу всего коллектива кибернетиков. Вместе с ним благодарности получили его ближайшие помощники - М.Д.Чепурной, М.И.Железняк, А.Т.Яковенко.

С первых дней аварии самоотверженно трудились украинские физики. 7 мая на бронетранспортере, покрытом свинцовой броней, группа сотрудников Государственного комитета по использованию атомной энергии и Института ядерных исследований АН УССР произвела измерения на территории станции, работая в полях сверхвысокой радиации, и составила карты наиболее безопасных маршрутов. Это позволило в дальнейшем уберечь от излишнего облучения многие сотни людей. От Института ядерных исследований непосредственное участие в "разведке" принимали В.Н.Шевель, П.Н.Музалев, А.А.Ключников, от Института физики - В.И.Шаховцов. Руководил "вылазкой" заместитель директора Института ядерных исследований В.И.Гаврилюк, рассказавший мне, как проходила операция.

"К бронетранспортеру прикрепили катушки с намотанным на них километровым тросом и закрепленными на нем дозиметрами. Трос надо было размотать в районах особенно высокой радиации вокруг четвертого блока.

Подъехали к станции. Смотрим на разрушенный гигантский блок. Вокруг ни души, только какая-то легкая струя поднимается из чрева реактора. Картина довольно жуткая. Надо бы рассмотреть получше, но нужно спешить. Разматываем трос с дозиметрами. Они должны остаться в зоне радиации несколько часов - это позволит получить более точную информацию. Завершив работу, едем в город Припять - там намного меньше радиоактивный фон.

Припять. Пустынные улицы, мертвый город. Въезжаем в один из дворов. На веревках сушится белье, оставленное хозяевами. Стоит с открытыми дверцами чья-то "Волга", рядом новехонький мотоцикл. Вылезли на броню машины и

молча стоим. Через некоторое время вокруг бронетранспортера собирается несколько кошек, они мяукают - наверное просят поесть. Вдали стоит собака и не решается подойти. Подъезжает другой бронетранспортер с милиционерами. Выяснив, для чего мы здесь, они уезжают. Брошенный город находится под неустанной охраной этих мужественных людей.

Возвращаемся опять к четвертому блоку. Сматываем трос и обнаруживаем, что многие контейнеры с дозиметрами в результате трения об асфальт открылись, дозиметры выпали и потерялись. Этот случай стал хорошим уроком: нужно более продуманно и тщательно готовиться к работе в зоне аварии. За ночь в Киеве были разработаны новые контейнеры. На следующий день измерения повторили. На этот раз удачно".

Остается лишь добавить, что когда бронетранспортер во время объезда территории зацепился за вкопанный в землю проволочный жгут, В.И.Гаврилюк, как и полагается командиру, вылез из машины и освободил колесо от захлестнувшей его стальной петли. К его счастью, мощность излучения на отдельных участках территории отличалась на один-два порядка. Остановка произошла там, где были лишь несколько сотен рентген...

Правительственная комиссия объявила всем участникам "вылазки" благодарность.

Но это было лишь начало.

26 мая председатель Правительственной комиссии заместитель председателя СМ СССР Л.А.Воронин поручил специалистам Института ядерных исследований АН УССР новую задачу: разработать и установить непосредственно под центральной частью реактора четвертого блока датчики мощности гамма-излучения, интенсивности нейтронного излучения и теплового потока с целью определения состояния разрушенного взрывом блока.

Сложнейшая аппаратура была разработана за трое суток! Добровольцев для ее установки на АЭС оказалось в несколько раз больше, чем требовалось. Отобрали наиболее физически крепких, имеющих нужные знания и навыки, всего тринадцать человек, и выехали в Чернобыль.

Утром 30 мая приступили к работе. Пришлось тащить на себе свыше тонны груза. Если учесть, что к месту установки надо было добираться через помещения 1-го и 2-го энергоблока, что система лифтов не работала, а перепады по высоте - на почти километровом пути - составляли тридцать метров и приходилось много раз, часто в темноте, подниматься и опускаться по лестницам, то можно представить, с каким трудом группа добралась до исходного плацдарма - помещения со щитом управления.

Оставив регистрирующую аппаратуру, начали прокладку кабелей к четвертому реактору. Часть группы задержалась у щита, чтобы собрать регистрирующий блок, остальные двинулись дальше.

Нехитрое дело - проложить кабель. Но не в условиях высокого радиационного фона, когда приходилось пролезать через специально вырезанные люки при переходе из одних помещений в другие, подниматься то вверх, то вниз, освещая путь фонарем.

Наконец дотянули кабели до бетонной стены, за которой находилась центральная часть взбунтовавшегося реактора. В стене вырезано узкое отверстие, за ним - пустота, обрыв на восемь метров вниз...

Первыми по веревке, захватив для установки датчики, спустились двое: сотрудник АЭС В.Л.Прянишников и сотрудник Института ядерных исследований В.Н.Шевель. Находиться долго под реактором было невозможно. Их сменяли другие: И.А.Дурицкий, С.Э.Беренбейн, Ю.Л.Цоглин, А.В.Никонов, В.С.Федун, Н.Г.Соколов.

Самому младшему, Федуну, шел двадцать пятый год. Их руководителю - Гаврилюку - тридцать пять.

Понимая всю ответственность операции, трудились четко, быстро и вдохновенно. "Страх не было, - вспоминал позднее В.И.Гаврилюк. - Хорошая подготовка к операции, четкое знание радиационной обстановки, которая ежесекундно выдавалась дозиметристами Шевелем и Соколовым, позволили свести к минимуму облучение сотрудников группы. Возвращаясь, думали об одном: работают ли установленные датчики".

У щита управления 3-го блока регистрирующая аппаратура уже была установлена. Включили ее и облегченно вздохнули: работает! Шел первый час ночи. Через полчаса, вернувшись в Чернобыль, В.И.Гаврилюк доложил Л.А.Воронину и академику Е.П.Велихову, с нетерпением ожидавших результата, о выполнении задания. Всем участникам этой сложной операции Правительственная комиссия объявила благодарность.

Президент АН УССР Б.Е.Патон стал идеологическим руководителем созданной в АН УССР Оперативной комиссии по борьбе с аварией. Все лето 1986 года его рабочий день начинался рано утром, с определения первоочередных задач. Приняв решение, президент немедленно приступал к делу - звонил в министерства, организации, советовался с членами правительства республики, договаривался, убеждал, просил и всегда добивался нужного результата, иногда делая, казалось бы, невозможное.

Председатель Оперативной комиссии вице-президент В.И.Трефилов в те тревожные месяцы проявил себя блестящим организатором и эрудированным ученым. Он быстро принимал необходимые решения по сложнейшим вопросам, беря без колебаний всю ответственность на себя. Работал на пределе человеческих возможностей, отдавая все силы порученному делу.

Члены комиссии академик-секретарь отделения физики и астрономии В.Г.Барьяхтар и академик-секретарь отделения химии и химической технологии В.П.Кухарь⁴⁷ также работали инициативно и напряженно, совмещая функции ученых, организаторов, а часто и исполнителей многих принимаемых решений. Им активно помогали вице-президенты И.К.Походня, К.М.Сытник и другие члены академии.

Секретарь комиссии В.Д.Новиков, сотрудник Президиума, в эти тревожные месяцы, как и все остальные члены комиссии дневал и ночевал в Президиуме,

⁴⁷ Теперь - вице-президент АН УССР.

готовя документы, письма, совещания, организуя выполнение принятых комиссией решений. Позднее, в разговоре со мной, он вспоминал:

- Бывая в Чернобыле, мы видели, в каком сумасшедшем темпе, как сплоченно и ответственно работают люди. Нас воодушевлял их пример.

С мая по август Оперативная комиссия творчески и инициативно ставила и решала с помощью сотен ученых, инженеров и лаборантов сложнейшие вопросы, работая как хорошо отлаженный механизм - без сбоев и пропусков, каждый день, не зная отдыха. Большинство заданий надо было выполнять в очень сжатые сроки, а они были необычными, одно труднее другого: как преодолеть последствия аварии в республике; как снизить радиационную нагрузку на население (нормы поведения, питания, лекарственные препараты); каким путем предотвратить радиоактивное заражение реки Днепр; какой техникой обеспечить радиационные измерения; как произвести захоронение листьев; каким образом создать оперативный мониторинг поверхностной и подземной гидросферы реки Днепр в пределах УССР и т.д. и т.п. Комиссия стала ближайшим помощником, "мозговым центром" в решении многих трудных вопросов и проблем, связанных с Киевом, Киевской областью, бассейном Днепра и самим Чернобылем.

Это лишь несколько примеров из огромной работы, выполненной с небывало высокой активностью и ответственностью сотрудниками академии. А всего в ликвидации последствий аварии участвовали 12 академиков, 20 членов-корреспондентов АН УССР, 50 докторов наук, более пяти тысяч научных сотрудников, инженеров, техников и лаборантов. В основном это были молодые люди. Президиум АН УССР, Институт ядерных исследований, Институт кибернетики имени В.М.Глушкова и многие другие были в первых рядах академических организаций, сражавшихся с бедой.

Как и на фронте, случалось, что некоторые уходили в сторону - внезапно заболели или находили другие причины, чтобы не участвовать в работе. Но таких было мало, очень мало!

В те дни не раз думалось: "Не только Чернобыльская АЭС, но и все наше общество находится в аварийном состоянии. И если бы все, сверху донизу, стали работать, как фронтовики Чернобыля, то успехов в перестройке было бы куда больше!"

Вечная боль

Рассказывая о военном времени, я писал, в основном, о молодых, ведь именно они были моими фронтовыми товарищами.

Война превратила молодое поколение, выросшее за два с небольшим десятилетия существования Советского государства, в поколение солдат, сержантов, курсантов, лейтенантов. Они первыми встретили врага на границе и все четыре военных года находились там, где могли выдержать только молодые сердца.

Большинство моих сверстников вместе с миллионами старших товарищей осталось на полях сражений, где сейчас высятся величественные мемориалы, памятники неизвестному солдату, стоят ограды братских кладбищ, где память о

войне сохраняют стертые временем могильные холмики, отмеченные скромными обелисками с обязательной звездой наверху.

"...Молодежь принесла главную жертву войне... Девятнадцать-двадцать лет - самый лучший возраст в обычной человеческой жизни. Все впереди. А для них очень часто впереди был только немецкий блиндаж, извергавший пулеметный огонь. Мы, люди старшего поколения, этого не забудем. Важно, чтобы и молодые не забыли",- так сказал Георгий Константинович Жуков о молодых участниках Великой Отечественной.

Судьбы молодежи на фронте и в первые мирные годы были разными. Но всех нас объединяла безоглядная вера в партию, Советскую власть, идеи социализма, в руководителей страны.

Да и могло ли быть иначе со стороны тех, кто родился и воспитывался в первые десятилетия Советской власти, кто жил в атмосфере только что свершившейся Октябрьской революции, верил во все, что говорилось, писалось, показывалось, кто видел в Сталине гениального ученика Ленина и, наконец, кто начисто лишен был возможности знать полную правду о том, что происходило внутри страны и за ее пределами.

Помню, через несколько лет после войны, когда еще был жив Сталин, кто-то из знакомых стал говорить о пытках при следствии и издевательствах в лагерях. Я тогда этому не поверил: то, что творили фашистские изверги над людьми, не могла допустить Советская власть!

Оказалось, что могла! Потому что в то время стала уже не советской, а сталинской!

Трагические события первых дней и месяцев Великой Отечественной - неожиданно быстрый захват гитлеровскими войсками огромных территорий, миллионов пленных, нехватка всех видов вооружений при огромной технической мощи немецкой армии - воочию показали, что в действительности все далеко не так хорошо и правильно, как нам преподносилось и представлялось. Но и тут налаженная пропагандистская машина, идя по давно накатанному пути, сумела списать все преступные просчеты и действия Сталина на вероломство Гитлера и двоедушие союзников. Посеянные семена пали на благодатную почву. Солдаты-победители, увидевшие воочию, что несет народу фашизм, еще более утвердились в правоте идей социализма и не могли противиться возвеличиванию человека, стоявшего во главе армии и страны в эти тяжелые годы.

XX съезд КПСС разоблачивший культ личности Сталина, сказавший жестокую правду о миллионах безвинно погибших и тяжело пострадавших советских людей, был для нас громом среди ясного неба, но еще не сделал погоды. Вера в Сталина была поколеблена, но не убита. Ее остатки продолжали верно служить сменившим его руководителям.

И только сейчас, узнав с великой болью и горечью многое о том, что было за семью печатями, осознав заново прожитую жизнь, увидев собственными глазами страны, отмечаемые ранее общим клеймом "капиталистические", начинаешь понимать, что чистая и беспредельная вера нашего поколения, рожденная в годы утверждения нового строя, была использована Сталиным, его кликой и наследниками в далеких от социализма целях. На словах все они

называли себя учениками Ленина, а на деле превратили великий гений во всенародную икону, осеняя которой, каждый вел страну к своему "социализму", не ведая, что великая власть не заменяет великий ум.

Осознав все это, я как и мои однополчане, не утратил веры в Советскую власть, социализм, огромные возможности своего народа и своей страны. Эта вера не могла не сохраниться - на протяжении всего прожитого времени именно она поддерживала и поддерживает в убеждении, что мы живем не зря, именно она поднимала нас в своем собственном сознании, руководила нашими поступками и делами в молодости, на фронте и после войны.

К сожалению, эта великая вера молодости долго была слепой, и это единственное, что можно бросить в упрек без вины виноватому поколению моих сверстников, почти полностью сгоревшему в огне Великой Отечественной войны.

"А ведь ветераны сейчас не те, какими были на войне!" - с полным правом может сказать читатель.

Да, все это так! Многое изменилось. Но главное осталось и навсегда вошло в плоть и кровь: память о войне, о погибших товарищах, чувство ответственности за порученное дело, понимание того, что жизнь нельзя растрачивать попусту, надо заботиться и думать не только о себе, но и о людях, тебя окружающих, о своей работе, своей стране.

Важно, чтобы и у молодых, вступающих в жизнь, вырабатывались твердые убеждения, формируемые в детстве семьей, постоянной внутренней работой над самим собой в юности.

Какими они должны быть? С кого брать пример?

Свой ответ я постарался дать в этой книге, рассказывая о трудном военном времени, своих сверстниках и товарищах по оружию - Беляеве, Бызове, Мартынове, Ипполитове, Филиппове, Земленухине, Бондаренко, Кудинове, Новиковых, Сармакешеве, Портянном, Комарове, Лосеве, Иохиме, Локтионове, Турчанинове, Тане Волковой, Городиском, Шомоди, о девочке со странным именем Рэма и многих других, о своем старшем брате, - о тех, кто шел впереди, с которых я сам брал пример.

Кое-кто из молодых, не утруждая себя тем, чтобы ознакомиться со всей правдой прошлых лет, оценивая жизнь воевавших, вспоминают в первую очередь их бездумную веру в Сталина, непротивление массовым репрессиям, десятилетиям застоя. Такая жизнь, считают они, достойна сожаления и осуждения, но не подражания.

Не надо спешить с такими выводами. Добиться победы над врагом, покорившим и использовавшим экономический потенциал почти всей Западной Европы, могли только люди с очень высокими моральными человеческими качествами, способные на полную самоотдачу и самопожертвование. Это о них образно и точно сказал писатель В.Конекский:

"Поколение воевавших уходит... Это серьезное обстоятельство для общества. Ибо это последнее поколение, которое с абсолютно чистой совестью, без всяких общих слов, могло считать себя еще при жизни выполнившим долг

перед историей с полнейшей наглядностью"⁴⁸. Не надо путать воевавших с теми, кто привел страну к трагедии. Вы можете с полным правом критиковать ветеранов, если они того заслуживают. Но не забывайте, что ваши отцы, матери и деды оказались более всех причастными к событию, определившему судьбу нашего века, - разгрому фашизма!

В мае 1988 года я и Владимир Никитович Сармакешев, бывший командир взвода управления нашего дивизиона, который был тяжело ранен в 1944 году под белорусской деревней Прудки и выбыл из дивизии, оказались в Берлине. Я приехал в Академию наук ГДР, он - к своему немецкому другу.

Мы встретились случайно на одной из центральных улиц города.

Утром следующего дня мы приехали в Трептов парк, где в трех огромных братских могилах покоятся тысячи тех, кому солдатское счастье изменило в последние дни войны.

Знамена из гранита с обеих сторон мемориала склонились в вечном поклоне павшим. На них высечены строки из речей Сталина в годы войны.

- Останутся ли на этом граните слова человека, ставшего для нашего общества символом тирании? - словно размышляя, сам с собой говорит Сармакешев. - Ведь многие из воевавших с нами могли бы жить и сейчас, если бы не его злая воля... Не всем погибшим надо было умирать!

"Не всем", - мысленно соглашаюсь я, вспоминая погибшую на поле боя в 1941 году 55-ю дивизию, огромные неоправданные потери людей возрожденной части в сражениях под Васильевщиной, на болоте Сучан, под Горбами и Лешокино, горькую судьбу попавших в плен товарищей по школе.

- Тогда мы многого не знали и думали о спасении страны, а не о том, чтобы уцелеть, - говорю я другу. - И умирали все одинаково - веря, что не зря!

Сармакешев задумывается и, помолчав, словно подводит итог разговору:

- В этом величие и трагедия погибших! И наша вечная боль...

Заканчивая, хочу сказать молодым: наша молодость совпала с войной, закат жизни - с началом перестройки - временем больших надежд и большой тревоги за спасенную в годы войны страну. Ее судьба, ее будущее будут созидаться руками, талантом и трудом молодых. Ратный и мирный труд требуют от человека разных качеств. Одно несомненно: и в том и в другом случае есть место для больших дел, для подвига. Может быть, когда-то, подводя итоги жизни, вы ответите на вопрос, который сейчас так волнует ветеранов:

"Родина, Отечество... Куда ты?
Что же будет с будущим твоим?
Встали бы погибшие солдаты -
Как бы ты в глаза смотрело им?"⁴⁹

⁴⁸ Конечкий Виктор. Ледовые брызги. Л., 1987. С. 12.

⁴⁹ Демидов В. Отечество.//Правда. 1989. 30 сент.

И расскажете своим детям и внукам, как развивалось и крепло обновленное перестройкой Отечество, достойное, как сказал поэт, с чистой совестью держать ответ перед погибшими солдатами Великой Отечественной войны.

Выражаю глубокую благодарность однополчанам 55-й Мозырской Краснознаменной стрелковой дивизии (1-й дивизии морской пехоты в конце войны), 108-го гаубичного артиллерийского полка РГК (14-й гвардейской, орденов Кутузова и Суворова II степени Оршанской артиллерийской бригады), моим коллегам по АН УССР и всем другим добрым помощникам, а также латышской писательнице Ингриде Николаевне Соколовой - соратнику по боям на Северо-западном фронте - за помощь в создании этой книги.

"Участь свою не выбирали". Борис Малиновский
К: Из-во "Україна", 1991. -255с. ISBN 5-319-00682-9
© Б.Н.Малиновский, 1991

2018 год. Малиновский Б.Н.

Борис Николаевич Малиновский родился 24 августа 1921 г. в Ивановской области (Россия) в семье учителя. Участник Великой Отечественной войны. Прошел боевой путь от солдата до командира артиллерийской батареи. Дважды ранен.

Известный специалист в области вычислительной техники, член-корреспондент Академии наук УССР, дважды лауреат Государственной премии УССР, премий Президиума Национальной академии наук Украины имени С.А. Лебедева и имени В.М. Глушкова, премии имени В.И. Вернадского. Заслуженный деятель науки и техники Украины. Награжден орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, Богдана Хмельницкого, медалями, отмечен Почетной грамотой Верховного Совета УССР и Почетной грамотой Верховного Совета Украины.

К сожалению, 13 ноября 2019 года Борис Николаевич Малиновский ушел из жизни.

http://www.icfcst.kiev.ua/MUSEUM/Malinovsky_r.html